

М. П. Ювачевъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ

къ

ГРОБУ ГОСПОДНЮ.

Очерки путешествія въ Константинополь, Малую Азію, Сирію, Палестину,
Египеть и Грецію.

Съ 126-ю иллюстраціями.

Изданіе Александрo-Невскаго общества трезвости, что при Воскресенской церкви „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духъ Православной Церкви“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Сиб. отд. общ. печ. и издательств. въ Россіи „Славянка“. Ул. Жуковскаго, д. 21.

1904.

Санкт-Петербург: Александро-Невск. о-во трезвости, что при Воскресен. церкви "О-ва распространения религиозно-нравств. просвещения в духе православ. церкви", Санкт-Петербург, 1904
FB2: , 12.01.2013, version 2.0
UUID: OOfBTools-2013-1-7-20-58-35-391
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Павлович Ювачев

Паломничество в Палестину

Содержание

#1	0007
БИОГРАФИЯ	0007
ПРЕДИСЛОВИЕ	0014
ГЛАВА 1: Отъезд в Палестину	0016
ГЛАВА 2: В Чёрном море	0028
ГЛАВА 3: Константинополь	0037
ГЛАВА 4: В архипелаге	0046
ГЛАВА 5: У берегов Сирии	0057
ГЛАВА 6: Эль-Мина	0063
ГЛАВА 7: Триполи	0069
ГЛАВА 8: Русские школы в Сирии	0076
ГЛАВА 9: Бейрут	0084
ГЛАВА 10: М. А. Черкасова	0092
ГЛАВА 11: Яффа	0100
ГЛАВА 12: По дороге в Иерусалим	0109
ГЛАВА 13: Первые шаги в Иерусалиме	0118
ГЛАВА 14: У гроба Господня	0127
ГЛАВА 15: На месте Соломонова храма	0138
ГЛАВА 16: Вокруг стен Иерусалима	0150
ГЛАВА 17: От Яффы до Кайфы	0160
ГЛАВА 18: Назарет	0173
ГЛАВА 19: Фавор	0186
ГЛАВА 20: Галилейское море	0197
ГЛАВА 21. По городам Галилеи	0211
ГЛАВА 22. Праздник Благовещения	0227

ГЛАВА 23. Ездрилонская долина	0238
ГЛАВА 24. Через Самарию	0257
ГЛАВА 25. Колодец Самарянки	0273
ГЛАВА 26. Библейские места	0286
ГЛАВА 27. В Иерусалимском храме	0301
ГЛАВА 28. Елеонская гора	0316
ГЛАВА 29. Разделение христиан	0331
ГЛАВА 30. Православное Палестинское общество	0347
ГЛАВА 31. Иордан и Мёртвое море	0372
ГЛАВА 32. Мамврийский дуб и Хеврон	0397
ГЛАВА 33. Вифлеем	0411
ГЛАВА 34. Святые места у католиков	0429
ГЛАВА 35. История крестного древа	0442
ГЛАВА 36. Благодатный огонь	0458
ГЛАВА 37. Пасха в Иерусалиме	0483
ГЛАВА 38. Сион	0502
ГЛАВА 39. Отъезд из Иерусалима	0514
ГЛАВА 40. Александрия	0532
ГЛАВА 41. На пароходе в Средиземном море	0544
ГЛАВА 42. Греция и Турция	0554
ГЛАВА 43. Афон	0568
ГЛАВА 44. Паломничество простого народа.	0576
ГЛАВА 45. Возвращение в Россию	0586

Паломничество в Палестину

БИОГРАФИЯ

И. П. Ювачёв родился 23 февраля 1860 года в Санкт-Петербурге, в семье дворцового полотёра, служившего в Аничковом дворце. В восемнадцать лет, в 1878 году, закончил Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте, по окончании которого он получил чин мичмана и специальность штурмана и отправился служить на Чёрноморский флот.

В 1881 году в Николаеве И. П. Ювачёв сблизился с М. Ю. Ашенбреннером и по его примеру организовал и возглавил кружок, состоящий из военных моряков. Он вёл революционную агитацию среди моряков, в частности занимался пропагандой на шхуне «Казбек».

В 1882 году Ювачев вернулся в Петербург, где поступил в Военную Академию. Здесь он установил связь с «Народной Волей» и стал готовиться совершить покушение на царя

(его отец жил в Аничковом дворце, и окна его квартиры были расположены так, что из них можно было сбросить взрывное устройство на выезжавшую из ворот карету царя). Это покушение не состоялось: 2 марта 1883 года И. П. Ювачёв был арестован в связи с предательством С. П. Дегаева.

28 сентября 1884 года по «процессу 14-ти» он был приговорён к смертной казни военно-окружным судом, но вскорости приговор смягчили на пятнадцать лет каторги. Остальные участники Ювачевского кружка, не участвовавшие в подготовке покушения на царя, были приговорены к административной ссылке, некоторые только уволены из флота.

Первые два года И. П. Ювачёв провёл в одиночных камерах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, где перенёс духовное перерождение. Так, по воспоминаниям Веры Фигнер в январе 1885 года Шлиссельбург посетил товарищ министра внутренних дел генерал П. В. Оржевский, войдя в камеру к

Ювачёву, он застал его в молитве, с Библией в руках. На вопрос генерала, не желает ли он поступить в монастырь, последовал ответ: «Я недостойн».

В 1886 году И. П. Ювачёва перевели из Шлиссельбурга на Сахалин, где он отбыл ещё 8 лет каторги. Первые годы он провёл на тяжёлых работах. Впоследствии он, как бывший морской офицер, исполнял на Сахалине обязанности заведующего местной метеорологической станцией, занимался картографией, напечатал несколько брошюр, посвящённых климату острова. Стал писать рассказы под псевдонимом Миролюбов. Сотрудничал с журналами и газетами, писал очерки для различных изданий, в том числе для «Исторического вестника».

Во время ссылки познакомился с Чеховым, который в своём рассказе «Рассказ неизвестного человека» (1893 г.) сделал Ювачёва прототипом революционера-героя.

На острове он пережил ещё одну жизнен-

ную трагедию. Во время отбытия каторги он познакомился с М. А. Кржижевской. У них завязался роман, и дело шло к свадьбе. Но в июне 1892 года Мария Антоновна скончалась от чахотки. Память о ней он пронёс через всю жизнь, постоянно заказывал службы в церкви, посвятил ей главу в книге «Восемь лет на Сахалине» и книгу «Святая Женщина», а также оставил после себя эпистолярный дневник, посвящённый М. А. Кржижевской.

Когда на Сахалине появился собственный флот, И. П. Ювачёв стал капитаном первого сахалинского парохода.

После освобождения в 1895 году И. П. Ювачёв жил во Владивостоке. Здесь в 1896 году он стал крёстным отцом поэта Венедикта Марта.

В 1897 году он, совершив кругосветное путешествие, вернулся в Европейскую Россию.

В 1899 году вернулся в Петербург, где служил в инспекции Управления сберегательными кассами, был членом-корреспондентом

Главной физической обсерватории Академии Наук, издал несколько книг с описанием Шлиссельбургской крепости, Сахалина и несколько религиозно-нравоучительных книг, издававшихся Обществом Трезвости.

В 1902 году женился на Надежде Ивановне Колюбакиной, которая заведовала «Убежищем для женщин, вышедших из тюрем Санкт-Петербурга». Она была родом из дворян Саратовской губернии.

Жили супруги Ювачёвы в казённой квартире, в здании убежища. Здесь через два с половиной года, 30 декабря 1905, родился их сын Даниил.

Позже И. П. Ювачёв участвовал в географической экспедиции в Средней Азии, совершил паломничество в Палестину, служба в управлении сберегательных касс, объездил с командировками всю страну. Находился в переписке и дружбе с Чеховым, Толстым, Волошиным. Вместе с женой И. П. Ювачёв занимался социальной реабилитацией женщин, вышед-

ших из мест заключения.

После революции до пенсии он служил главным бухгалтером Волховстроя, потом — историком-архивистом. Состоял членом общества «Каторга и ссылка», был персональным пенсионером, членом секции научных работников.

Когда в конце 1931 года Хармса (его сын и нескольких его товарищей) арестовали, Иван Павлович мобилизовал все свои «политкасторжные» связи, ездил в Москву, и в результате вместо трёх лет лагеря писатель, обвинённый во «вредительской деятельности в области детской литературы», отделался несколькими месяцами ссылки в Курск.

В эти годы И. П. Ювачёва писал «в стол» богословские работы, изучал иконографию Богоматери, не пропускал ни одной церковной службы, строго соблюдал посты.

До второго ареста сына Иван Павлович не дожил: он умер 17 мая 1940 года в возрасте

80 лет от заражения крови.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Если и иноплеменник придёт из земли
далёкой
ради имени Твоего и помолится у хра-
ма сего, — услышь с неба,
св места обитания Твоею, и сделай всё,
о чём будет
взывать к Тебе иноплеменник, чтобы
все народы земли
знали имя Твоё (3 Царств, VIII, 41— 43).*

Предлагаемые благосклонному вниманию читателей очерки моего паломнического путешествия в Палестину были напечатаны в последних семи книгах «Исторического Вестника» 1902 года. В тексте настоящего издания сделаны значительные дополнения, с включением новой (XXXVIII) главы. Большинство рисунков воспроизведены с фотографий из богатой коллекции Императорского Православного Палестинского общества, благодаря любезному содействию помощника председателя этого общества Н. М. Аничкова.

Для полноты картины Палестины, мною сделаны описания почти всех главных мест поклонения русского паломника, но с опущением многих подробностей и длинных исторических справок, которые так часто повторяются в имеющихся уже сочинениях о Св. Земле. Зато я позволил себе дать некоторый простор библейским воспоминаниям в связи с проходимыми паломниками местами, опять-таки удерживаясь по возможности от общеизвестных рассуждений. Одним словом, я старался выразить в своих очерках преимущественно личные впечатления от виденного своими глазами и слышанного своими ушами за два месяца путешествия на Восток.

Ив. Ювачев.

25 Февраля, 1904 г.

С. — Петербург.

ГЛАВА 1: Отъезд в Палестину

Сборы в Палестину. — Предварительная справка. — В Одессе. — Подворье Афонского Монастыря. — Задержка из-за паспорта. — На паровой пристани. — Паломническое смирение. — Отход парохода.

Давно я мечтал посетить Иерусалим и вообще священный Восток, с которым сроднили меня и христианская религия, и восточная поэзия, но, выжидая свободного времени и подходящих условий, с каждой весной приходилось мне откладывать своё путешествие на неопределённые годы. То помешает чума в Египте, то служебные занятия, то различные обстоятельства... Я не предвидел и конца разным предложениям! И вот однажды, в разгар усиленной и неотложной работы, вдруг запротестовала душа моя: брось всё и поезжай в Иерусалим! Я поддался этому голосу, рискнул своим положением на службе и попросил от-

пуск с 1-го марта на два месяца.

Мои сборы в дорогу были недолги. Набив небольшой чемодан необходимым бельём и справочными книгами, я считал себя готовым к далёкому странствованию. Остановка была за заграничным паспортом, но прежде я обратился за справками к одному из представителей Православного Палестинского общества. Он мне дал брошюрку «Наставления русскому паломнику» и любезно предупредил, чтобы я не рассчитывал в Иерусалиме на помещение в постройках их общества, так как в этом году был особенно большой наплыв народа, и всё уже там занято.

— В таком случае, — говорю ему, — мне придётся обратиться к грекам?

— Да, придётся уж к ним обратиться.

Выезд из России за границу вообще сопряжён с некоторыми хлопотами относительно паспорта, но всё-таки они не так сложны в С. — Петербурге, чтобы отнимали много времени. Для паломников в Палестину выдаются удешевлённые заграничные паспорта, но зато канцелярская процедура с ними несколько сложнее. Дорожа временем, я взял обыкно-

венный десятирублёвый паспорт (прим. автора книги: в настоящее время, с налогом в пользу Красного Креста, заграничный паспорт стоит 15 рублей) и отправился в Одессу, откуда пароходом Александрийской круговой линии выходил 8-го марта.

На вокзале, в Одессе, паломников встречают афонские монахи и приглашают их в свои подворья. Но лишь только я тронулся за монахом Пантелеймоновского монастыря, как меня окружила толпа комиссионеров от здешних гостиниц.

— У монахов грязно, да и не дешевле! — кричали они, зазывая в свои номера.

Желая поближе быть вообще к паломникам и, насколько возможно, лично испытать обстановку их путешествия, я не поддался искушению комиссионеров и пошёл в монастырскую гостиницу, которая возвышалась тут же на площади, против вокзала.

Мне отвели небольшой номер с очень скромной обстановкой. Для простого народа здесь есть общие палаты. У меня был с собой свой постельный прибор, и я решил примириться с сомнительной чистотой кровати.

В коридорах стоял убийственный сквозной ветер.

— Отчего — спрашиваю послушника, — вы открываете окна в разных концах коридора?

— Из-за уборной.

И в самом деле, это — слабое место в гостинице. Не может похвастаться чистотой и обшая умывальня.

Распоряжался здесь высокий и здоровый с виду монах, с ласковой интонацией голоса. Он взял у меня мой заграничный паспорт и два рубля за его прописку у турецкого консула.

Весь следующий день я делал визиты и вернулся к подворью в 9 часов вечера.

У запертых ворот стояла толпа вновь прибывших пешком крестьян. Пришлось порядочно долго стучать, пока сторож отворил ворота. Я не утерпел, чтобы не сделать замечания:

— Это не монастырь, а гостиница для приезжих, а потому двери должны быть для всех отворены во всякое время.

На другой день с утра паломники стали со-

Паломники на Одесской пристани.

бираться на пароход. Многочисленные узлы, мешки и сундуки складывали на общие подводы, нанимаемые монахами. После напутственного молебна в богатой и просторной церкви подворья все тронулись в путь. Заmeshкалась одна группа мужиков и озабоченно разговаривала.

— В чём дело? — спрашиваю.

— Да вот не можем получить паспортов, а уж больше недели, как приехали.

— Должно быть, в чём-нибудь у вас неис-

правность. Задерживать здесь не станут, тем более сегодня отходит пароход. Я тоже жду своего паспорта. Погодите немного, может быть, гостинник с моим паспортом и ваши принесёт.

Так я их утешал, а сам подумал про себя: слава Богу, что я взял заграничный паспорт в Петербурге.

И вспомнилось мне послесловие в шестом параграфе «Наставлений Палестинского общества», в котором подробно исчисляется, сколько надо заплатить за гербовые марки, за бланк паспорта, за засвидетельствование турецкого консула, за прописку вида в полиции, за бланки прошений, и потом сказано, что вот при всех этих хлопотах и расходах паломник «может всё-таки не получить заграничного паспорта и возвратиться обратно на родину, не посетив св. мест».

В самом деле, бывали случаи, когда крестьяне приходили в Одессу вовсе без паспортов из отдалённых губерний или из Сибири.

Заплатив монаху за номер и, конечно, несколько не меньше, чем в обыкновенной го-

стинице, я отправился на пароход, за час до его отхода. На пристани застал большую толпу народа. На пароходе в столовой второго класса сидело за столом несколько жандармов.

Пароходъ съ паломниками.

Они вырезали из паспортных книжек листы и клали штемпеля на тех страницах, где

обозначена явка, а затем раздавали их на берегу по выкричке:

— Петров?

— Я! — Как зовут?

— Иван!

— Получай!

И паспорт выдавался Ивану Петрову на руки. Тогда он забирал свои вещи на пристани и шёл занимать место на одной из палуб парохода. Без паспорта никто не смел взойти на пароход.

Я заинтересовался размещением паломников и остановился у среднего люка, куда они спускались непрерывной нитью. Меня поражало, какое количество мешков имел наш иерусалимский путешественник. Оказывается, почти у всех взяты запасы хлебных сухарей, крупы и даже картофеля и капусты. У некоторых – полотна, ризы, покровы, ковры и другие предметы для пожертвования на Гроб Господень. Узлы обшиты холстом с написанными метками или с нашитыми цветными крестиками, по которым они разбирались неграмотными паломниками.

Среди шума и гама на берегу и на пароходе

резко выделялись крики распоряджающегося на палубе. Один почтенный паломник заметил вслух, как бы про себя:

— Ну, чего кричишь зря? И так много гаму. Криком не поможешь...

Втайне я с ним соглашался. У некоторых есть такое понятие, что распорядиться значит покричать. Но давно бы пора оставить этот обидный способ обращения с публикой. Точно гуртовой скот загоняют. Да и помещение для пассажиров третьего класса мало отличалось от скотского. Они располагались прямо на открытой палубе на дожде, на солнце, на ветру. Немногие захватили нары под мостиком у машинного отделения. И этими счастливыми оказались евреи из Средней Азии. Я принял сначала этих всесветных жителей по их широким бухарским халатам за мусульман, но они сами поспешили меня разуверить, показав свои еврейские книги.

В трюме второй палубы паломники устроились несколько лучше своих верхних товарищей. По крайней мере, их не мочило дождём, было значительно теплее, да и вообще их здесь меньше тревожили, как матросы,

так и проходящие. В трюме, хотя тоже на палубе, они разместились группами по три, по четыре и больше человек, оградив себя мешками и узлами. По борту парохода развесили свои походные иконы. Вообще в трюме замечалось больше уютности, и вскоре, ещё до отхода парохода, здесь раздавались духовные песни.

Обозревая пассажиров парохода, я встретился с одним знакомым монахом, который четыре раза был в Иерусалиме. В разговоре вспомнили недавнюю поездку германского императора.

— Когда-то, — заметил мне монах, намекая на Готфрида Бульонского, — средневековой германец входил в храм Гроба Господня босой, с соломенным венком на голове, в глубоком смирении, а современный германец готов был, кажется, верхом туда въехать. Своим именем он наполнил гордо и святой город и всю Палестину. Всюду, где раньше было можно встретить библейские картины — на открытых письмах, конвертах, бумаге, на стенах, теперь стоит изображение этого земного владыки или его герба...

— Ну, это и понятно, — замечаю я. — Гостеприимный Восток этим только выражает своё внимание к державному гостю.

— Да, ведь не турки, а палестинские немцы гордятся своим земным повелителем. Вот увидите, сколько они кичатся им там, где не должно быть места ни политике, ни национализму, ни какому людскому превозношению. Да молчит всякая плоть человека, где Царь царствующих и Господь господствующих отдал себя на закляние за общий мир, единение и братство всех народов...

Мне казалось, что несколько возбуждённый монах готов был сказать целую проповедь на эту тему, а потому я прервал его своим предложением:

— Если так, то не последовать ли и нам примеру Готфрида Бульонского и, ради смирения, не сесть ли с народом на палубе?

— Нет, этого не делайте! — поспешил возразить монах. — Вы не знаете, сколько грязи и неудобств вы можете встретить здесь, особенно в качку или во время дождя. А насекомые! От них ведь ничем не защититесь.

Мы прошли в пассажирское помещение. В

кают-компании уже шумели столовыми приборами. Среди пассажиров было несколько греков, державшихся в стороне от русских. Женщины заняли одну большую каюту под трапом. Мне вдвоём с одним чиновником досталась четырёхместная каюта. Все паломники, казалось, были в таком настроении, что готовы были безропотно помириться со всякими неудобствами и сомнительной чистотой.

В 5 часов вечера пароход снялся. Многочисленная толпа провожающих замахала нам шляпами и платками. Я поднялся на мостик, чтобы лучше видеть Одессу в её гавани, а паломники в это время громко запели молитвы в напутствие.

ГЛАВА 2: В Чёрном море

Боязливый пассажир. — Морская качка. — Утро на пароходе. — Чтение акафистов. — Слепой предстоятель. — Сухари при морской болезни. — Купец – паломник. — Внимание греков к богатым богомольцам.

После обеда многие паломники, утомлённые впечатлениями дня, стали скрываться в своих каютах. Часов в восемь вечера выхожу я наверх. Качает. Довольно темно. Огни только в каютах и внизу в трюмах. На палубе умышленно не держат огня, чтобы не мешал вахтенным смотреть вперёд. Среди лежащих прямо на палубе паломников я с трудом пробираюсь к прогулочной площадке парохода.

Вдруг из трюма выскакивает всклокоченный мужчина, должно быть, прямо со сна, и лишь только он сделал шага два, как размахом судна его перебрасывает на мою сторону. Он ухватился обеими руками за борт и, дико

озираясь, говорит мне:

— Буря-то всё больше и больше...

— Нет, — успокаиваю его, — погода, напротив, довольно тихая.

— А как же качает?

— Без этого нельзя. Только летом случается, когда море бывает совершенно гладкое.

— А зачем, — указывает он на мачты: — этих палок наставили? Они только больше раскачивают пароход.

Я постарался ему рассказать, какое значение имеют мачты для парохода.

— На них, — объясняю ему — поднимают сигнальные флаги и фонари; в случае порчи машины на них растягивают паруса; кроме того, они служат кранами для подъёма тяжестей. Наконец, если качка усилилась бы, то паруса, растянутые на этих мачтах, только сдерживали бы её стремительность.

— А с пути мы не сбились?

— Нет, успокаиваю его, — при такой сравнительно тихой погоде сбиться не можем. Горизонт чист. Ложитесь-ка с Богом да спите спокойно.

Не знаю, удалось ли мне его успокоить, но

только он спустился в трюм и исчез среди спящих паломников. Я прошёл на бак. Там кто-то шарил в темноте, ища напиток. Я ему не мог помочь, потому что сам не знал, где на палубе поставлена вода, а спросить было некого: всё спало кругом.

К утру качка усилилась. Многие страдали морской болезнью. В тесном трюме от распространившегося запаха стало ещё тяжелее. Я взобрался на мостик, чтобы удобнее было наблюдать, как поднимаются паломники, моются из чайника, как молятся они тут же на палубе, несмотря на тесноту и качку. По сообщению командира, на пароходе пассажиров третьего класса было около четырёхсот человек. Теснота была ещё более ощутительна, когда из трюма высыпал народ с чайниками за водой для чая. В их распоряжении находились два больших медных котла с кипятком, прикреплённых к борту на верхней палубе.

На другой стороне парохода три рядом отхожих места поочерёдно брались с боя безразлично мужчинами и женщинами. Грязно. Свежо. Все жмутся к своим мешкам. Многие всё ещё лежат на палубе, испытывая тягость

морской болезни.

К полудню качка несколько утихла. Я спустился в средний трюм, услышав оттуда звуки акафиста Божией матери. Среди столпившегося народа, перед иконой, стоял на коленях один из паломников с книжкой в руках и прочитывал только первую фразу кондаков и икосов. За ним другой, в длинной хламиде, весь страшно обросший волосами, с орлиным носом, громко продолжал читать молитву наизусть. А последнюю фразу: «радуйся, невесто невестная» или «аллилуия», — вся толпа подпевала растянутым так называемым афонским напевом.

После акафиста Божией Матери стали читать другой, третий. И всё наизусть. Я подивился памяти пилигрима в длинной порыжелой хламиде, но ещё больше удивился, когда узнал, что он совершенно слепой. Его водит и вообще ухаживает за ним одна богомолка, нанятая на счёт будущих благ, которые она рассчитывает собрать и по дороге, и в Иерусалиме. И, сколько я заметил, ему охотно подавали после каждого акафиста. Впоследствии я

его не раз встречал среди толпы русского народа в качестве предстоятеля во время общего моления, хотя на пароходе и в самом Иерусалиме немало было путешествующих священников. Вообще, надо сказать наши паломники, одушевлённые одной религиозной идеей и предоставленные самим себе для её выражения, охотнее прибегают вот к таким излюбленным каликам переходим, как этот слепец, чем к официальным представителям церкви.

Это не потому, что они не уважали бы священнического сана. Нет! Но профессиональные молитвенники в эти минуты религиозного энтузиазма слишком для них сухи, сдержанны, холодны. Здесь кто первый палку взял, тот и капрал. Кто способен здесь на свободное проявление своих религиозных чувств, а не на связанное церковными уставами, кто способен на вдохновенную пророческую молитву, тот и во главе толпы, тот и предстоятель.

Так как у каждого были с собой большие запасы пищи, то обеды паломников состояли из «сухоядения»; впрочем, некоторые вошли

в соглашение с ресторатором и ухитрялись варить в камбузе рыбную похлёбку.

Чёрный хлеб и особенно ржаные сухари с солью очень кстати для морских путешественников. Во время морской болезни не надо допускать, чтобы желудок был пустой, иначе рвота вызовет желчь; и лучшая пища в данном случае, сколько я мог заметить из своих плаваний, — чёрные сухари с солью. Напрасно некоторые прибегают к лимонам, апельсинам и к разным кислотам. Если они помогают, то очень мало. Умышленные движения, чёрный хлеб и свежий воздух, — вот три вещи, которые я посоветовал бы всем во время качки.

Из паломников большинство страдающих морской болезнью были женщины. Иные лежали на палубе пластом без всякого движения. К счастью, по мере нашего путешествия, качка всё более и более стихала.

На всю массу паломников простого звания немного было купцов и очень мало людей привилегированного сословия. Из классных же пассажиров, в первый день нашего путешествия, я познакомился с двумя братья-

ми-купцами. Оба рослые, с типичными русскими лицами, пожилые. Они едут в сопровождении приказчика. У одного из них дочь средних лет. Старший брат Иван, с сильной проседью, но ещё крепкий старик, был четыре раза в Иерусалиме и потому теперь едет туда совершенно спокойно, наперёд зная, что греки его примут с распростёртыми объятиями.

— Так вы у греков останавливаетесь? А почему же не на русских постройках? — спрашиваю его.

— Всегда у греков. От них близко к Гробу Господню, а главное во время праздников они дают хорошее место в храме. Ведь всё в их руках, они всем распоряжаются...

Я так много худого слышал и читал про греков, об их бесцеремонных поборах, о их своекорыстном поведении, о некрасивой эксплуатации христианами святынями, и вдруг на первых же порах встречаю их защитника в лице симпатичного русского старца. Но мне тут же другие паломники разъяснили, в чём дело. Этот богатый купец, в каждый свой приезд в Иерусалим, оставляет в ру-

ках греков не одну тысячу рублей; кроме того, на большие праздники он присылает им из России тоже немалые подарки. Понятно, что для греков такой старик клад, и они буквально за ним ухаживают. А старику лестно. Ещё бы! В России епископ в своей обширной епархии – лицо малодоступное для простых смертных.. Его видят обыкновенно в кафедральных соборах во время богослужения. А тут, в Святом Граде, купец имеет доступ не только к митрополиту, но даже к самому блаженнейшему патриарху Дамиану. Мало того, ему и в России оказывают уважение иерусалимские греки, присылая каждый праздник свои поздравительные письма и архипастырские благословения, а иногда и небольшие подарки из Святой Земли.

Встречались на пароходе и такие паломники, которые побывали в Иерусалиме более десяти раз. Они знают все иерусалимские уголки, посвящены во все сплетни Святого Града и всю тамошнюю администрацию называют по именам. Свои рассказы они обильно иллюстрировали описаниями скандалов. Но эти лица подозрительны.

ГЛАВА 3: Константинополь

**Обозрение Константинополя. —
»Живоносный источник«. Влахерн-
ский храм. — Патриархия. — Айя-Со-
фия. — Ат-Мейдан. — Безестэйн. —
Дарданеллы. — Архипелаг. — Мити-
лена.**

Поздно вечером пароход пришёл в Босфор и стал на якорь в ожидании утра. На другой день погода была облачная, сырая, и потому вся прелесть замечательнейшей панорамы в мире была для нас утрачена. Оба берега тонули в сырой мгле, и только изредка мелькали в ней кучки домов на более выдающихся мысках.

В Константинополе, как и в Одессе, недалеко от пристани, стоят рядом три больших подворья афонских монастырей. Чтобы быть последовательным, я опять остановился в подворье Пантелеймонского монастыря. Здешний монах-гостиник, красивый, здоровый че-

ловец, был не менее внимателен к своим гостям, чем одесский. Да и номера, пожалуй, здесь будут почище. За общим чаем, паломники вместе с гостиником, выработали план обозрения Константинополя и его древностей.

За два дня пребывания в Константинополе мы многое успели осмотреть в нём; и так как все поездки происходили большими группами, то они нам обходились сравнительно недорого. Проводниками паломников были здешние монахи. Они хороши, как честные люди, искренно желающие услужить паломнику и защитить его от лишних поборов со стороны охранителей мечетей, но слабоваты в истории. Впрочем, у многих паломников среднего класса были в руках путеводители, — а потому и с этой стороны мы до некоторой степени были удовлетворены. В первый день вереница наших колясок сперва потянулась по узким улицам за город. Грязь, вонь, собаки, — о чём считают нужным упомянуть все путешественники при описании Константинополя. Выехавши за древние ворота, мы направились вдоль городских стен в

Балукли, к церкви «Живоносного источника». Высокие стены византийских времён тают как лёд. Но ещё громада их стоит. Часто встречаются остатки башен. Некоторые ворота заложены. Кое-где видны стены в два ряда. С другой стороны дороги чередуются кладбища и огороды. Огороды разведены и в обширном сухом рве вдоль самых стен.

В часовне Живоносного источника каждый паломник спешит испить святой воды из каменных чаш (самый водоём внизу) и помыться, а запасливые люди наливают чудодейственную воду в припасённые для этой цели бутылки. Самое возникновение источника связывается со сказанием, как император Лев Великий дал испить из него воды слепому нищему, и тот прозрел.

Отсюда мы поехали во Влахернский храм, где также имеется источник воды, в котором омывались византийские императоры пред вступлением на престол. В храме мы застали вечернюю службу. Пели на два клироса очень гнусаво, но горячо, страстно, так что один паломник серьёзно заметил:

— Отчего они так дико поют?

На хорах есть треугольная доска, связанная по преданию, с явлением Божией Матери. По углам доски сделаны три лунки. Паломники пьют из них святую воду во имя Святой Троицы. И, конечно, за всё это приходится платить греческим монахам.

Настоящий небольшой Влахернский храм стоит на месте древнего, ознаменованного дивным видением Андрея Юродивого (Покров Пресвятой Богородицы). Нарвав здесь веток зеленеющего лавра мы поехали в Патриархию. По дороге несколько задержала поломка экипажа, и мы не успели попасть к началу архиерейской службы. Тем не менее, наш проводник-монах подвёл нас к константинопольскому патриарху Константину V-му для благословения. Приложившись к чудотворной иконе Божией Матери и осмотрев кафедру Иоанна Златоуста, мы отправились через греческую часть Фанар домой. По дороге греки приветствовали нас по-русски:

— Здравствуй! Здравствуй!

На другой день назначен осмотр мечетей. После обедни паломники группами, человек по пятнадцати-двадцати, пешком отправи-

лись сперва к Айя-Софии. На мосту, соединяющем Галату со Стамбулом толпу паломников остановили турки в белых рубахах. Это были сборщики денег за проход по мосту. Наш проводник, отец Алфей, поспешил расплатиться сразу за всех. В масседвигающегося народа по улицам и площадям Стамбула группы паломников совершенно потонули. Отец Алфей всё время с озабоченным видом оглядывался назад, беспокоясь, как бы не растерялась его партия. После нескольких переходов и подъёмов мы пришли на обширную площадь древнего храма св. Софии. Наш монах скромно попросил турок пропустить путешественников для осмотра мечети. Бакшиш открыл нам двери или правильнее сказать, толстую дверную завесу, но не оберёг от грубого обращения турок. Надевши на сапоги бабуши — просторные туфли, мы стали тихо обходить храм боковыми переходами, как бы стесняясь сразу войти в его середину, где в это время учились и молились турки. И, только обойдя половину храма, отец Алфей ввёл нас под своды необъятного купола.

Наслушавшись бесконечных похвал ка-

ким-нибудь известным художественным произведениям, очень часто разочаровываешься, когда, наконец, случится увидеть их воочию. Всегда ждёшь в этих случаях чего-то особенного, невиданного, превышающего твоё воображение. Но за св. Софию смело можно поручиться, что она, несмотря на некоторые заделки и аляповатые рисунки позднейшего времени, будет ещё долго вызывать своими красотами искренние восторги у самых требовательных людей. Гармония и изящество верхних и нижних коллонад поразительны! Пространства и света, кажется, больше чем в любом русском храме.

Паломники бесшумно ступали по разостланным циновкам и мягким коврам и старательно выискивали, по указанию проводника, чуть-чуть просвечивающие следы христианских рисунков и надписей.

Из Айя-Софии о. Алфей повёл нас на Ат-Мейдан — место древнего ипподрома Византии. Здесь он попробовал заинтересовать нас обелиском Феодосия, змеиной колонной и другой, полуразрушенной, поставленной в X веке, но в этих остатках византийской стари-

ны для многих паломников не было главной приманки — связи со священными преданиями. С большим удовольствием они осматривали знаменитый стамбульский базар — Бездестэин. Можно было запутаться в его бесчисленных улицах и переулках, защищённых от солнца и дождя сплошными кровлями, а потому наш монах, как наседка с цыплятами, всё время заботливо следил за своею группою, пока не вывел всех из этого полусветлого лабиринта лавок. Однако разошедшийся дождь помешал дальнейшему обозрению города, и мы отправились на пароход.

Более половины простого народа не съезжало на берег, боясь расстаться с своим багажом. Впрочем, и у них оба эти дня были наполнены массою новых впечатлений. Помимо красивой панорамы города, оживлённого движением множества судов и каюков, для паломника интерес был и на самом пароходе. На его палубе и на толпившихся вокруг него лодках велась бойкая торговля разнообразными товарами. Тут и дождь не мешал.

Вечером 11-го марта пароход снялся с якоря, а на другой день утром пришёл в Дарда-

неллы. К нам присоединилось довольно много турок и греков, и ещё стало теснее.

Погода тихая, но сырая, пасмурная. Временами накрапывал дождь. Я грустно ходил по мостику и недовольно посматривал на острова Архипелага. Где те краски, которыми любовался тринадцать лет тому назад? Где это синее, синее небо и те восхитительные фиолетовые острова, как воздушная сказка, вылетающие из морской дали? Где всё это? Теперь какие-то серые холодные тоны, как позднюю осень в Балтийском море.

Вот Митилена. Зашли на минутку. Здесь приятно было вспомнить, как восемнадцать с половиною веков тому назад, первые христианские паломники, плывшие в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, вместе с апостолами Павлом и Лукою, тоже приставали к этому острову. Пути древних паломников и современных русских соприкасаются ещё в Хиосе и Родосе, но далее они расходятся. В настоящее время паломники направляются в Яффу, с заходом по дороге в Триполи и Бейрут, а апостол Павел высадился в Птолемаиде. Но как тогда, так и теперь, христиане пользуются то-

варо-пасажирскими судами, хотя пора бы завести для русских паломников в Палестину специальные пароходы.

ГЛАВА 4: В архипелаге

**Смирна. — Православные храмы. —
Апокрифические книги — Торговля
на пароходе. — Хиос. — Патмос. —
Беседа за Библией. — Синее мо-
ре. — Оживление на палубе. — Ку-
пец-благотворитель.**

Вечером по дороге в Смирну нас захватил дождь. Палубные пассажиры плотно закутались в свои кафтаны и шубёнки. С дождём ещё грязнее стало на пароходе. Только трюмные паломники, избрав себе «благую часть», читали и пели один акафист за другим.

Около 11 часов ночи вошли на рейд Смирны и стали на якорь. Недалеко от нас торчат три мачты греческого судна, разбитого русским пароходом. На набережной города множество огней, отражающихся в воде длинными светлыми полосами. Несмотря на поздний час, в этом главном городе Малой Азии слышен людской шум и музыка. Наш пароход

остался ночевать на рейде.

На другой день, рано утром, прибыл к нам на палубу грек-проводник и собрал среди паломников второго класса небольшую группу желающих обозреть город. Взял он с нас за свою услугу и за лодку по франку с человека. Мы посетили три главных церкви Смирны: св. Фотинии, Георгиевскую и Иоанна Богослова. В последней показали нам рукописное евангелие на пергаменте с раскрашенными рисунками и с позолотою. Когда греческий священник сказал паломникам, что это евангелие писано рукою самого евангелиста Иоанна, доверчивый народ стал благоговейно прикладываться к книге и ещё усерднее покупать свечи и жертвовал деньги. Я нашёл неудобным на первых порах разрушать иллюзию нашего простодушного паломника и не разоблачил явной неправды грека.

У ворот ограды храма продавались мелкие греческие брошюры духовного содержания. Я купил по пятаку за штуку несколько этих неряшливо изданных книжечек на плохой серой бумаге. Это были по преимуществу апокрифические сказания, в роде любимого рус-

ским народом «Сна Богородицы». Выписываю заглавия некоторых из них: «Слово святого и праведного Авраама», «Откровение Пресвятой Богородицы, которая спускалась в ад и видела как мучатся грешники», «Послание Господа нашего Иисуса Христа» и др. Во введении «Послания» сказано: «Послание это найдено во святом граде Иерусалиме, — в Гефсиманской веси, на гробе пресвятой Богородицы и приснодевы Марии». Затем рассказывается как упал камень с неба, и в этом камне было заключено послание.

Пересмотрев эти брошюрки, я подумал: о, если бы они были изданы на русском языке, — мигом бы раскупили их наши паломники! Да не по пятаку, а по рублю давали бы за такие пророческие сказания! Впрочем, грекам нет нужды прибегать к таким операциям: русский богомолец и так им несёт свои годами скопленные денежки.

Осматривая обширный базар Безестэйн, хотели купить кое-что на память о Смирне, но усилившийся дождь прогнал нас на паром.

Простой народ не съезжал па берег и огра-

ничился покупкою провизии на самом пароходе. С утра до вечера был настоящий базар! Не смотря на дождь и на ужасную грязь на палубе торгоши-греки бойко продавали губки, орехи, фрукты, рахат-лукум, шёлковая материи, розовое масло, ладан, известный здесь под названием смирны, разные изделия из морских раковин и многое другое. И нельзя сказать, чтобы всё это было особенно дёшево. Особенно быстро раскупался ладан. Разве можно быть в Смирне и не купить себе на память «смирны»? И каждый паломник запасался хоть маленьким кусочком пахучей смолы.

В 4-м часу пополудни наш пароход снялся с якоря и направился к Хиосу. Неперестававший дождь скрыл от нас всю красоту Смирнского Залива. Я сошёл в кают-компанию и разговаривал с паломниками. Замечательно, у всех на первом плане стоит «благодать», то есть тот чудный огонь, который ежегодно в Великую субботу сходит с неба на гроб Господень. Как будто для него и едут. Все их думы и расчёты сосредоточены главным образом на этом пункте: где бы им найти поудобнее ме-

сто в храме в этот день, как провезти этот огонь в Россию, как бы увидеть самое чудо схождения огня. И я поражался, какая у всех паломников несокрушимая вера в небесное происхождение «благодати». Они не видя верили заранее, без всякого колебания.

В 10 часов вечера загремела якорная цепь и я выскочил на палубу. Мы стоим около Хиоса. Темно. У левого трапа матросы с фонарями воюют с греками-торговцами и не пускают их на пароход. Но они, как кошки, незаметно в темноте взобрались на русленя и спрыгнули на палубу к паломникам. Один матрос всё-таки усмотрел греков, но хорошо знакомые с здешними порядками торговцы сунули ему пару апельсинов и скрылись на баке, где всё время, пока стоял пароход на якоре, происходила их таинственная торговля.

Рано утром, когда проходили мимо острова Патмоса, мне обидно было видеть, как такая масса паломников, объединённая одним благочестивым желанием посетить библейские места, была оставлена на произвол самой себе. Что они не съезжали в Константи-

нополе и Смирне на берег, — это ещё понятно: они боялись оставить свои пожитки на пароходе. Но как наши миссионеры не воспользуются случаем в продолжение десяти дней, от Одессы до Яффы, проповедовать Евангелие такой жадной аудитории из нескольких сот человек — это удивительно! В каютах были священники, но ни один — ни разу при мне не отслужил ни одного молебна в трюме в продолжение всего пути. Вот мы проходим мимо Патмоса, мимо того знаменитого острова, где был в ссылке евангелист Иоанн и написал известный Апокалипсис, раскрывающий судьбы мира: но никто ни малейшим намёком не подсказал народу взглянуть на это святое место, где перед глазами любимого Христом апостола пронесли картины всемирной истории всех веков, где предначертаны были все тайны человеческого бытия, всё величие бесконечной жизни. Сколько бы можно было поведать тут, в виду самого острова, о любимом русском народом «Откровении» Богослова! Но он спокойно стоит у борта, безучастно глядит на мимо плывущие острова, и ни одного умышленного

взгляда в сторону Патмоса!

Возвращаясь к раньше высказанной мысли о специальном пароходе для паломников, я опять повторяю, как было бы хорошо, если пароход не останавливался бы в каких-нибудь Дарданеллах, чтобы забрать турок и загромождающий палубу товар, а напротив заходил бы в такие чтимые места, как о. Патмос!

К нашему удовольствию, дождь перестал, небо стало проясняться, и потянуло теплом. Из трюмов повылезли паломники на палубу и любовались зеленеющими берегами островов. Небольшая группа любителей Слова Божия уселась на палубе вокруг благообразного вида мужчины с Библией в руках и внимательно слушала его толкование на послание Иакова. Я подивился бойкой речи чтеца. Чуть ли не от каждого прочитанного стиха он быстро переходил к поучению. Слушателей собиралось всё более и более. Подошло время обеда. Кто-то заметил, что чтение можно отложить до вечера. Неохотно подымаясь, заговорили о посте.

— Ещё одну минутку, братия, — попросил

их чтец библии: — я вам прочту, что говорит пророк Исаия о посте.

И быстро одним махом раскрывает он свою толстую книгу как раз на той самой 58-й главе пророка Исаии, которую он и хотел им прочитать. Это не ускользнуло от внимания слушателей, и они громко удивлялись такому совпадению.

— Так вот, братья, — вдохновенно ораторствовал чтец, — вы слышали, какой пост желателен Господу: «Разреши оковы неправды, угнетённых отпусти на свободу; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. А не это пост, говорит пророк, когда ты гнёшь голову свою, как тростник, и подстилаешь под себя рубище и пепел, а в то же время ссоришься и ругаешься и дерзкою рукою бьёшь других.

Надо было видеть, какое сильное впечатление произвела эта речь на слушателей. Как будто новое слово они услышали о посте, а между тем оно было сказано пророком более двух с половиною тысяч лет тому назад!

Вечером опять они собрались на верхней палубе и долго читали третью книгу Эздры. В это время пароход близко обогнул Родос и направлялся на восток по Средиземному морю. Видел я воды всех океанов и многих морей, но нигде мне не приходилось встречать такого удивительно чистого синего цвета воды, как здесь, в Средиземном море. Это не есть отражение здешнего лазурного неба. Напротив, синий цвет воды кажется ещё чище, ещё красивее, когда смотреть на него вертикально сверху вниз через колодец подъёмного винта на судах.

Так было хорошо наверху, что не хотелось ложиться спать, и я просидел в кресле на мостике большую половину ночи и любовался яркими звёздами. Мне хотелось увидеть красивое созвездие Центавра, недоступное для глаз жителя Петербурга, но скопившиеся облака на горизонте закрыли южную часть неба.

Переход от Хиоса до Сирийских берегов самый большой в нашем путешествии, более тысячи вёрст. На вторые сутки (15-го марта), когда мы плыли в виду острова Кипра, ветер

стал ещё тише и качка уменьшилась. Большую часть дня пассажиры проводили на верхней палубе. Тепло, сухо, ясно. Пёстрая толпа паломников разбилась на небольшие группы и мирно беседовала или закусывала. Побывшие в Иерусалиме осаждались вопросами. У некоторых были раскрыты книги. Библейское общество, о котором я уже упоминал выше, опять собралось послушать своего талантливой толковника. На этот раз они читали Апокалипсис. На баке восседал солидных размеров московский диакон и внушительно объяснял слушателям о животной твари, населяющей пучины морские.

Ко мне подсел один из палубных пассажиров, с виду напоминающий зажиточного мастерового. Он был, как говорится, немного навеселе. С его лица не сходила улыбка. Я его и раньше замечал на палубе под хмельком, усердно оберегаемого внимательной супругой. Но теперь он был один.

— Где же ваша жена? — спросил я его.

— Пошла вниз отдохнуть. Устала, сердечная! В качку-то намаялась... А я, хоть бы что!.. Умная у меня баба! Ох, умная, образованная!

Вот проснётся — поговорите. А что я хочу с вами посоветоваться... Есть у меня капитал, так тысяч сорок. Я ведь купец. Оптом торгую. А больше по подрядам поставляю. И мы с бабой только вдвоём и есть. Куда нам копить? Зачем? Вот и надумали мы сделать вклад для спасения души. Только, посоветуйте, куда лучше: на Афон или в Иерусалим?

Такую откровенность его я приписал выпитой лишней рюмке водки и потому затруднился с ответом. Да и правда ли, что у этого грязного с виду, постоянно улыбающегося пьяного человека было сорок тысяч? Я попросил его познакомить меня с его «образованной» супругой и тогда обещался дать ему мой совет. Но этого не случилось. Сегодня было уже поздно, и пьяненький купчик вскоре поспешил последовать примеру своей прекрасной половины, чтобы завтра пораньше утром приветствовать сирийские берега и библейские горы Ливана.

ГЛАВА 5: У берегов Сирии

Ожидание Святой Земли. — Ночью на палубе парохода. — Благоухание Ливана. — Предрассветная картина. — Ливанские горы. — Верность Израиля своему Богу. — Арабы-лодочники.

Давнишняя моя мечта осуществляется: я приближаюсь к Сирии, к горам Ливана, к Святой Земле!.. Всю жизнь свою я мысленно витал по горам Иудеи и по берегам Галилейского моря. И вот теперь, наконец, воочию увижу страну моей поэзии, моего вдохновения моей веры и надежды...

С вечера я узнал, что пароход подойдёт к Триполи утром, и потому поспешил пораньше лечь, чтобы подняться с рассветом и приветствовать давно желанную землю. Оттого ли, что в каюте душно, или от душевного волнения, — спать я не мог и часа в четыре ночи вышел наверх.

Было ещё темно. На востоке, прямо перед носом парохода, над едва заметной полоскою берега сияла луна. Ясно различаемый тёмный круг её красиво окаймлял узкий серебристый серпик. Волнение было совсем слабое, и тщателью закутанные паломники спокойно спали плотными группами по всей палубе.

Лёгкий ветерок дул прямо с берега. Но откуда такой приятный запах? Может быть, — подумал я, — кто-нибудь из паломников купил розового масла в Смирне и нечаянно пролил на палубе... Я стал ходить по площадке взад и вперёд, постоянно взглядывая на берег. На побелевшем горизонте луна понемногу начинала бледнеть. Всё сильнее и сильнее чувствовался аромат в воздухе и напоминал померанцовые цветы. Тут меня осенила мысль: да ведь это с берега несётся чудный запах! вот оно, вот «благоухание Ливана», воспетое Соломоном!

«Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, — и польются ароматы его!»...

А мы находились в это время более, чем в двадцати милях от берега!..

Утренняя заря разгоралась все сильнее и сильнее. Палуба зашевелилась. В разных местах, выбиваясь из-под одеял и платя, стали подыматься паломники. Точно возстание из гробов при общем воскресении мёртвых. Зазвенели чайники и кувшины с водою. Послышался шум и в трюме, где паломники располагаются на ночь в два яруса.

Ожидая первого луча солнца, я жадно вглядывался в тёмные силуэты Ливана и весь перенёсся мыслию в библейские времена этой благоухающей страны. Через час ожидания и восторга вдруг блеснули розовым цветом снежные вершины гор. Тут уж я не утерпел, не мог один перенести всей радости и восхищения от предстоящей картины. Я бросился вниз на палубу и, указывал на сияющие вершины, говорил столпившимся у борта паломникам:

— Смотрите. смотрите. ведь это Ливанские горы!

Многие из русских паломников первый раз в своей жизни видят горы с снежными вершинами и потому выказывали большое удивление; другие же просто не хотели ве-

рить, чтобы был снег. Но когда достали бинокль и рассмотрели на тёмном кряже снежные полосы, — изумлению и восхищению не было конца. Большинство благоговейно обнажали головы и крестились.

Под звуки утренних молитв и припевов каафисту, которые неслись из трюма, я переходил от одной группы паломников к другой и всем старался сообщить что-нибудь о Ливане. На корме парохода еврейский раввин только что окончил свои утренние молитвы и снимал с головы полосатый талес.

— Вот видите. — говорю ему. — белый Ливан! Моисей подошёл к обетованной земле с юго-востока и молил господа, чтобы он «показал ему добрую землю за Иорданом и Ливаном», а мы теперь подходим к ней с противоположной стороны, то есть с северо-запада, и прежде всего видим цветущий Ливан.

— А, так это Ливан! — оживился раввин и произнёс несколько фраз по-еврейски.

Я напомнил ему, как пророк Иеремия, указывая на постоянное пребывание снега на Ливанских горах, противопоставлял ему непостоянство народа Израильского по отношению к

Богу.

Сразу раввин ничего не ответил и ещё старательнее занялся укладкою в ящик книг и талеса, но потом вдруг быстро поднялся и, указывая на Ливан, произнёс вдохновенным голосом:

— Как этот снег всегда на горах, так и Израиль никогда не оставит того Бога, с которым говорил Моисей.

В семь часов мы подходили к Триполи. Солнце уже высоко стояло па небе и заливало город ослепительным светом. Ещё пароход не стопорил машины и подвигался довольно быстро, а арабские лодки одна за другой приставали к борту, не взирая на крики команды и офицеров. Тут мы полюбовались поразительною ловкостью лодочников сирийцев. На волнении, на быстром ходу фелюк, они смело перепрыгивали с одной на другую, легко сохраняя равновесие, и в то же время сильно работали руками и ногами. Крику и гаму было довольно. Иные вскарабкались по борту парохода на палубу и стали предлагать паломникам свои услуги перевести их в Эль-Мину, в порт Триполи.

ГЛАВА 6: Эль-Мина

Задержка на пристани. — Школа в Эль-Мине. — Русская грамота у арабов. — Детский сад. — Арабки-учительницы. — Школьное преподавание.

Поехал и я с небольшою группою паломников на цветущий берег Сирии. На всякий случай мы захватили свои паспорта и приготавились к требованию бакшиша. Одна лодка остановилась на наших глазах у пристани, и пассажиры беспрепятственно вышли на берег и разошлись по улицам города. Почему-то нашу лодку подвезли арабы к таможене. Лишь только мы поднялись на её помост, как перед самым носом нашим закрыли дверь и окружили её не то сторожами, не то полицейскими.

— Паспорты!

Мы показали. Но они не удовольствовались этим и стали их отбирать. Этот приём

был совершенно иной, чем в Константинополе или Смирне, и мы поспешили взять свои паспорта назад. Нас не пускают.

— Ведите нас к русскому консулу! — настойчиво потребовали мы.

После небольших препирательств они куда-то послали сирийца и минут через пять нас препроводили к агенту Русского общества пароходства и торговли. Как многие наши консулы на Востоке, он ни слова не понимал по-русски. Пришлось прибегнуть к французскому языку, на котором агент объяснил нам, что мы свободны, и нам нет никаких препятствий идти в город.

Но куда идти? Некоторые из паломников, узнав, что здесь нет «святых мест» для поклонения, сделали небольшие покупки тут же на берегу и поспешили вернуться на пароход. Я предложил своим спутникам посетить здешнюю русскую школу, находящуюся почти в центре христианского квартала. Арабы скоро довели нас до небольшого беловатого здания, и мы по восточному обычаю постучали металлическою ручкой в дверь. Нас встретила учительница, а вслед за нею и начальница

женской школы, Валентина Михайловна Соколова, которая любезно предложила осмотреть классы и послушать занятия с арабскими девочками. В каждом классе при нашем входе все дети вставали со своих мест и медленно нараспев приветствовали по-русски, твёрдо выговаривая последнюю гласную: — Здрав-ствуй-тэ!

Большинство учительниц были молодые девушки арабки, но в одном классе мы застали русскую, которая вызвала маленькую ученицу к классной доске и попросила её написать молитву: «Царю небесный». Девочка арабка быстро и отчётливо стала писать по-русски. Мои спутники пришли в умиление.

— Смотрите-ка, в турецкой земле, а как научены по-русски! — заметил один из них.

Переходя из комнаты в комнату, мы были поражены числом детей.

— Наша школа двухклассная,— пояснила нам попутно начальница. — Первый класс имеет три отделения, и первое из них разделено на три параллельных группы по сорока человек в каждой. Второй класс пока ещё имеет только первое отделение.

— А сколько же всех детей?

— Шестьсот. Есть и трёхлетние девочки, но есть и очень взрослые. Одной, например, ученице двадцать два года.

— Даже трёхлетних принимаете!

— В детский сад. Если желаете взглянуть на него, то пожалуйста в другое здание.

И любезная начальница школы повела нас через улицу в другой арабский дом, на обширной террасе которой мы застали массу маленьких детей. Под руководством старших, они составляли из себя длинные вереницы и на ходу пели песни, похлопывая в такт крошечными рученками.

Ель-Минская женская школа открыта в октябрь 1897 г. и пока не имеет собственного специального здания. Осмотренные нами два дома нанимаются здешним благотворительным обществом, а всё содержание школы и учительниц берёт на себя Палестинское общество. Одна из главных задач этой школы — поддержание православной веры среди арабского населения, а потому покровителем её состоит триполийский митрополит Григорий.

— Сколько же всех учительниц? — спра-

шиваем мы Валентину Михайловну.

— Кроме меня, ещё три русских учительницы, да арабок одиннадцать. Вот позвольте вас познакомить с Двумя арабскими учительницами, окончившими курс в Бет-Джальском пансионе. они у нас служат также и переводчицами.

Вера Николаевна Халеби и Е. Хури, очень милovidные девушки с типичными у арабок чёрными глазами, на самом деле прекрасно говорят по-русски. У них пламенное желание побывать в России для которой они так много поработали. И, мне кажется, вполне было бы законно, если бы Палестинское общество пришло им на помощь и осуществило их заветные мечты.

Совместными усилиями учительницы преподают детям на арабском языке Закон Божий, арифметику и географию, кроме того, три языка: арабский, русский и французский. Обучают также рукоделию и пению по-русски и по-арабски. Помимо непосредственного занятия с детьми, русские учительницы ещё играют здесь роль руководительниц преподавания предметов, так как у арабок познания

небольшие, да и с педагогическими приёмами они не вполне знакомы.

ГЛАВА 7: Триполи

Переезд в Триполи. — Страна, где апельсины зреют. — Мужская школа. — Учитель Дагер Хайрула. — Осмотр окрестностей города. — Русские учительницы в Сирии. — В. М. Соколова. — Школы Палестинского общества.

В ведении В. М. Соколовой находится ещё одна недавно открытая женская школа в городе Триполи, в семи вёрстах от порта Эль-Мины. Она пригласила нас и её осмотреть, да, кстати, и самый город.

Дорога шла среди цветущих садов. Яркая зелень, благоухающие цветы и одновременно жёлтые и оранжевые плоды 16-го марта! Какой контраст с русскими полями и лесами, которые мы оставили под снегом. Наше зрение, вкус и обоняние вполне были здесь насыщены апельсинами. Вот уже, можно сказать, страна, где буквально апельсины зреют.

На одних и тех же ветвях висят большие созревшие плоды и рядом маленькие начинающиеся.

Моих спутников, не видавших жарких стран, это занимало, кажется, больше всего. Сильный ароматический запах цветов, особенно лимонов, сладостно кружил наши головы; но он же, говорят, причиняет и боль, как от угара. По крайней мере, приезжие из северных стран первое время, пока не привыкнут, жалуются на удушливое благовоние лимонов и апельсинов. Посетив в Триполи женскую школу, где были одни только арабки, мы заинтересовались и мужскою. Она помещается в центре города, на дворе церкви св. Николая. Это тоже двухклассная школа для арабских мальчиков и поставлена на таких же началах, как и женская в Ель-Мине. Всюду нас любезно встречали и охотно всё показывали и объясняли. Очень трогательно было моё свидание с преподавателем школы, Дагером Хайрулою. Начальник трипольской школы молодой араб, Иосаф Жерьес, заранее предупредил меня, что в лице Д. Хайрулы я встречу араба, известного в Сирии своею учё-

ностью. Лишь только показался я на пороге его класса, как он оживлённо крикнул, широко улыбаясь:

— Араб! араб!

Он не сомневался, что я русский, но моё сильно загоревшее от весеннего солнца лицо и чёрная борода дали ему повод сделать это сравнение. Чуть не обнимая друг друга, мы взаимно наговорили массу любезностей и крайне сожалели, что не могли иначе объясниться, как через переводчика. Дагер Хайрула уже пожилой человек, невысокого роста, с живым симпатичным лицом. Мне самому лично потом пришлось убедиться, какую популярность пользуется этот учитель среди арабов за свои сочинения.

Здесь же мы познакомились и с инспектором школ северной Сирии, — Ефимом Ивановичем Тарасовым. Он присоединился к нашей группе и предложил нам взобраться на ближайший холм, где до сих пор сохранилась крепость крестоносцев, обращённая турками в тюрьму. Отсюда был прекрасный вид на окрестности города. Роци маслин и смоковниц вперемежку с садами апельсинов и ли-

монов покрывали прибрежную долину на большое пространство. У подножия Ливана естественно было вспомнить про кедры ливанские, но они, оказывается, давно вырублены на ближайших склонах к Триполи. Сохранилась ещё небольшая роща кедров, но она отсюда порядочно далеко в горах.

Посетив греческий и арабский храмы, мы тем же путём на трамвай вернулись в Эль-Мину, опять в гостеприимную школу, где любезная хозяйка постаралась нас угостить обедом в арабском вкусе. Тут мы познакомились с П. П. Быстровой, С. М. Соколовой и А. Ф. Юдиной, молодыми учительницами, приехавшими сюда года два тому назад из России.

Конечно, благословляешь их деятельность и радуешься за них, видя, с каким достоинством они несут православное знамя просвещения и веры, — но с другой стороны и пожалеешь их. Ведь эти все молодые девицы не отказались от личного счастья и от радостей жизни. А между тем обстановка их жизни такова, что волей-неволей им приходится быть вдали от родных и друзей, вне всего русского. С арабским языком сами они не знакомы, а

потому одиночество среди чужого народа становится ещё тяжелее. Кроме учительниц, русских людей здесь почти нет никого. Правда, по дороге в Палестину паломники заглядывают сюда, но ведь это не так часто и притом только весной. Жалуются, что в Ель-Мине господствуют весной и осенью лихорадки, но и здешнее лето с тропической жарой, мне кажется, тоже не легко для северянок.

Среди учительниц особенно выделялась начальница школы, В. М. Соколова. Озабоченное выражение лица, поспешная походка, толковые объяснения нам, краткие, но деловитые фразы учительницам, и служанкам, всё обличало в ней энергичную распорядительницу и хорошую хозяйку. А распорядиться в двух школах есть чем. Как много надо уметь и такта обращаться с одними только арабами, с народом столь пылкого темперамента!

Вечером, в сопровождении некоторых учительниц, Валентина Михайловна поехала с нами на пароход. Здесь, вне школы, она представилась нам в новом свете, как ласковая, спокойная, умиротворяющая подруга своих

учительниц. Так и кажется со стороны, что с ней им легко и приятно живётся. А это здесь очень важное обстоятельство, для удержания учителей и учительниц в Сирии и Палестине. Частая смена учителей — слабое место здешних школ. Немногие выжили здесь более двух лет. Сама Валентина Михайловна представляет в этом отношении исключительный пример. Она работает в этом крае с 1890, а в здешней школе — с 1899 года.

Ель-Минская школа молодая, и ещё рано подсчитывать её успехи. Но и теперь уже заметно её влияние на православное население. В католических и протестантских низших школах в Ель-Мине и Триполи немного осталось православных арабов, да и то, говорят, заманены сюда подарками. Чем инословные миссионеры сильны — это средними и высшими учебными заведениями, с блестящим преподаванием европейских языков.

Наше Палестинское общество в своих школах вообще не вводит преподавания французского языка, но уступая просьбе сирийцев, оно допустило и этот язык в Ель-Минской школе, так как торговые сношения в здешних

городах происходят главным образом на французском языке.

ГЛАВА 8: Русские школы в Сирии

Ночная беседа. — Необходимость русского языка для арабов. — Конкуренция между инословными миссионерами. — Просьба сирийского духовенства. — Численность русских школ в Сирии. — Успех их. — Три типа учебных заведений. — Распространение русского языка в Палестине.

Пароход снялся ночью. Яркие звёзды на небе вызвали меня любоваться ими на верхнюю площадку. Но у меня ещё не вытеснялись из головы образы виденного сегодня днём, и я искал, с кем бы поделиться своими впечатлениями. Среди пассажиров находился один из служащих в Православном Палестинском обществе. Мне интересно было слышать о школах общества вообще, об их возникновении и цели, об условиях жизни учителей и

многое другое, и потому я обратился к нему со своими вопросами. Мне казалось, что он сообщает сведения о школах очень охотно и откровенно, и я позволил себе затронуть некоторые щекотливые вопросы, о которых писалось в последнее время в русских газетах.

— О, это пишут люди, имеющие личные счёты с обществом. Таким писаниям нельзя доверять, — ответил мой собеседник.

— Но скажите, пожалуйста. — спрашиваю его, — насколько необходим для арабских детей русский язык? Я читал, да мне и говорили, что всё то немногое по русскому языку, что изучают дети в сельской школе за три года, скоро ими забывается. Даже учителя и учительницы, окончившие Назаретский или Бет-Джальский пансион, где преподавание предметов ведётся на русском языке, и где они усваивают его настолько хорошо, что свободно объясняются и читают с пониманием образцовые произведения русских писателей, даже и эти арабы, если попадут в отдалённые школы среди арабского населения, в значительной степени, утрачивают понимание русской речи.

К чему им такое нетвёрдое знание русского языка, когда здесь пришлые иностранцы, или франки, преимущественно говорят на французском языке?

Мой собеседник, до сих пор так мирно настроенный, вдруг заволновался, потерял свой спокойный тон и, как будто с кем полемизируя, стал крайне возбуждённо доказывать необходимость русского языка в сирийских школах. Мне неприятно было, что я вызвал в человеке нежелательное огорчение, затронув, как видно, больной вопрос, а потому я скоро замолк и мы расстались. Впоследствии, объехав всю Палестину и присмотревшись к положению дел Православного Палестинского общества, я сам пришёл к тому убеждению, что русский язык действительно необходим в здешних православных школах.

В Сирии и Палестине, как известно, идёт сильная конкуренция между различными исповедниками Христа. Каждый из них хочет привлечь православного араба на свою сторону и чаще всего увлекают его не будущими небесными, а настоящими земными благами. Нельзя сказать, чтобы араба легко можно бы-

ло соблазнить. Но миссионеры отлично поняли, что есть тонкий и верный способ обращения арабов в католичество или протестантство. Это провести детей их чрез миссионерские школы. Толпы инословных мужчин и женщин, всецело отдавшие себя, как монахи, на служение идее, наводнили здешний край и настроили множество блестящих школ, и низших и высших. Ну, как не соблазниться арабу даровым обучением! И он отдаёт своего сына или дочь в прекрасно обставленный пансион, где дети скоро усваивают французский, немецкий или английский язык, смотря по тому, в чьих руках они находятся, и вместе с тем незаметно поддаются влиянию своих наставников. Если бы не пришли сюда на помощь русские, то скоро не было бы араба сирийца, а были бы арабы французы, арабы немцы, арабы англичане.

Для удержания местного населения в православии, очевидно, надо создать для него школы в православном духе, и при том такого устройства, чтобы они могли выдержать конкуренцию с инословными. Но как это сделать? Сами арабы, как малокультурный на-

род, да ещё под турецким гражданским и под греческим духовным режимом, не в состоянии открыть не только высшей или средней, но и порядочной сельской школы.

Вот тут-то наше Палестинское общество и пришло на помощь арабам со своими русскими учителями. Но как скромно и деликатно это было сделано в Сирии!

Осенью 1895 г., иерархи Антиохийской церкви, видя успех русских учебных заведений в Палестине, стали горячо просить наше Палестинское общество, чтобы оно взяло на своё попечение и сирийские школы. Несмотря на свои небольшие средства, общество почло себя нравственно обязанным не отказывать в таком святом деле, а потому распространило свою учебную деятельность и на Сирию.

В короткое время общество взяло под свою опеку сорок две школы и разделило их на две инспекции: Южно-Сирийскую с Дамаском во главе и Северо-Сирийскую, к которой принадлежит Ель-Мина, Триполи и Хомс. Бейрутския школы выделены пока в отдельный округ под непосредственным заведыванием М. А. Чер-

касовой.

В Южно-Сирийской инспекции представителя общества, Димитрия Фёдоровича Богданова (из Казанской духовной академии), было семь мужских школ, двадцать смешанных и одна исключительно женская. В них насчитывается 2.111 учеников и 1.333 ученицы. Северо-Сирийския учебные заведения были в ведении инспектора Ефима Ивановича Тарасова (из Петербургского историко-филологического института). В моё время здесь насчитывалось четыре мужских школы, девять смешанных и одна женская. Всех учащихся в них 2.519 мальчиков и 1.446 девочек.

Успех наших школ больше всего очевиден в сёлах. Например, в Рахбэ и Джиброиле дети покинули протестантские школы с открытием русских. В других же сёлах жители упорно отказываются от назойливых предложений латинян и терпеливо ждут православных школ.

Палестинское общество, как я говорил, радо исполнить их просьбы; но помимо того, что для этого нужны большие деньги, надо ещё создать контингент надёжных учителей,

которые, взявшись за Орало на арабской почве, не оглядывались бы назад в Россию. Как бы то ни было, общество дало арабам семьдесят школ, где обучаются до 10.0 00 человек.{1}

Кроме двух учительских пансионатов в Назарете и Бет-Джале, созданных по типу российских учительских семинарий, все остальные школы общества делятся на одноклассные и двухклассные. В первых, с тремя последовательными группами и тремя годами обучения, преподаются: Закон Божий, арифметика, арабский и русский языки и пение. В двухклассных же училищах с тремя последовательными группами в 1-м классе, т. е. с пятью годами обучения, преподаётся то же самое, что и в одноклассных, конечно, в расширенной программе и, кроме того, ещё турецкий язык и география.

Кстати сказать, число русских паломников в Палестине с годами всё увеличивается и увеличивается. Иные проводят в ней несколько месяцев, а есть, которые живут в Палестине и годы. Весь этот русский люд находится здесь в постоянном движении, а следовательно, и в общении с местными жителями во

всех городах и сёлах. Теперь неудивительно встретить араба, знающего несколько слов и даже несколько фраз по русски. Мне попадались мукари (проводники), которые очень развязно объяснялись по-русски с паломниками, научившись языку только от них в караванных шествиях по святым местам. В этих видах для нас, конечно, выгодно распространение русского языка среди арабов.

Замечу кстати, что теперь, кроме Православного Палестинского общества заботится ещё другое — общество Востоковедения — о распространении русского языка вообще в Азии, чтобы тем содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей.

Некоторые дальновидные экономисты предвидят сближение этого края с Россией чрез соединение железною дорогою порта Александретты с Закавказьем, но об этом здесь не место говорить.

ГЛАВА 9: Бейрут

Восточные порядки. — Греческий храм. — Георгиевский госпиталь. — Мусульманские женщины. — Молебен у источника св. Георгия. — Учительница Назира Н. — В церкви за богослужением. Молитвы. М. А. Черкасовой.

Рейсы парохода вдоль Сирийского берега, мне кажется, очень удачно распределены для туриста. Заснув в Триполи, он просыпается в Бейруте, и опять почти целый день в его распоряжении для осмотра города.

Бейрут в торговом отношении главный город Сирии. Отсюда идёт дорога в Дамаск через Ливанские горы, которые и здесь красуются своими снежными вершинами. Город окружён пахучими садами. На первом плане видно много домов с европейскими крышами.

В 8 ч. утра со мной опять съехала на берег вчерашняя компания паломников. На этот

раз, если мы и не встретили запертых ворот, всё же толпа сирийцев с грубыми криками попробовала загородить нам путь.

Среди нас была родная сестра моряка-героя последней китайской войны.

— Что на них смотреть! — крикнула она нам и решительно прошла между сирийцами. За нею последовали и другие.

Так как я старался держать себя корректно и не рвался напролом, то сирийцы успели задержать меня и моего товарища по каюте Ф. А. А. Пробившиеся спутники махнули нам не слушать их и идти вперёд, что мы и сделали. Это был хороший нам урок, как понимать турецкие порядки на востоке вообще. Потом я видел, что для англичан, например, здесь закон не писан. Они идут вперёд, несмотря ни направо, ни налево, как у себя дома. Даже больше того, иногда они расчищают себе дорогу хлыстом и тем только возбуждают к себе большее уважение...

«Святые места» Бейрута связаны с именем св. великомученика Георгия. Небольшими группами мы направились по главной улице за город, где указывают источник Георгия По-

бедоносца. По дороге, прежде всего, зашли в греческий храм. В нём, как и вообще во многих греческих церквях, было подвешено множество лампад, блестящих шаров и страусовых яиц, что должно напоминать вселенную, наполненную звёздами и планетами. Очень представительного вида грек-священник давал нам объяснения на французском языке.

Зашли и в госпиталь св. Георгия для православных христиан. На большом дворе, среди одноэтажных флигелей для больных, разбит сад с фонтаном. Его украшают два бюста докторов из белого мрамора. Заведующий госпиталем предложил мне осмотреть палаты больных. Не знаю, каков за ними уход, но с внешней стороны госпиталь производит благоприятное впечатление: очень чисто и светло.

Далее мы пришли к источнику, где, по местному преданию, св. Георгий Победоносец убил чудовищного змия. Это место, как видно уважается и мусульманами, построившими здесь свою молельню. Сюда собралось, вероятно, ради пятницы, множество мусульманок с ребятами. Мужчин не было, и вследствие

этого, может быть, поведение их жён и девиц было довольно странно и даже нескромно. Обыкновенно, на улицах восточных городов мусульманки, прикрытые густой чадрой, идут очень степенно и как бы сторонятся от взглядов франков; а здесь, в отсутствии мужей, собравшись вместе громадною толпой, они не только позволяли себе открывать покрывало с лица, но и сами заговаривали с паломниками, бросая в них апельсинными корками.

Из церкви св. Георгия приехал к колодцу на ослике священник и отслужил по-гречески молебен, при чём произнёс наши имена и спел по-русски трижды: «Господи помилуй»!

Отдав дань поклонения св. Георгию, паломники отправились на пароход. Только я со своим товарищем, Ф. А. А., поехал к заведывающей бейрутскими школами, Марии Александровне Черкасовой.

Проводник привёл нас сперва в небольшую одноклассную школу, где навстречу нам вышла молодая учительница арабка, Назира. Она немного владеет русским языком, и потому могла нам объяснить, как найти г-жу Чер-

касову. Но тут сказалась у ней арабская кровь. Узнав, что нам надо нанять экипаж по часам, она быстро выбежала на улицу, отыскала извозчика, привела его, горячо поторговалась с ним, рассказала ему, куда ехать, затем сорвала на дворе несколько распущенных роз и с миловидной улыбкой подала нам.

— Вот вторая библейская Ревекка! — подумал я. — Когда раб Авраама попросил у Ревекки напиться, она тотчас спустила с плеча кувшин и сказала ему: «Пей, и верблюдов твоих напою». И стала быстро черпать воду для верблюдов. Вот такое же ретивое проворство и ласковое гостеприимство оказала нам и Назира.

На наш разговор вышла служанка из школы. Как видно, и ей страстно хотелось поговорить с нами, но мы не понимали её гортанных звуков. Пришлось и этой доброй женщине ограничиться подачею нам свежих чайных роз.

Мы не застали Марии Александровны Черкасовой дома. Она была с учащимися в церкви на преждеосвящённой обедне. До отхода парохода оставалось немного времени, и мы

были крайне смущены, опасаясь не увидеть этой замечательной труженицы в Сирии. После небольшого раздумья — идти ли к обедне или ехать на пароход — решились попросить у неё несколько минут внимания в церкви.

Православный храм, где находилась Мария Александровна, был недалеко от её дома. Мы вошли в северные боковые двери. Церковь была полна. Посреди стояли мальчики, с левой стороны — взрослый народ, а с правой — девочки.

Арабы сообразили, что мы ищем Марию Александровну, и указали нам на почтенную даму в чёрном одеянии, сидящую сзади всех в форме, т. е. в деревянном кресле, какие принято устраивать во всех греческих храмах вдоль стен. Более удобно было подойти к ней с западных дверей. Мы так и сделали.

Мария Александровна успокоила нас, что пароход не так скоро уйдёт, как нам сказали, и просила подождать до конца службы. Пришлось выстоять всю преждеосвящённую обедню и даже несколько больше, но мы не раскаялись в этом.

Священник служил по-гречески, а девочки

пели по-русски. Мне казалось, это они для нас поют на понятном нам языке. «Да исправится молитва моя» пел сам священник поочерёдно с клиром. Порядок службы почти ничем не отличался от принятого у нас в России.

По окончании обедни, мальчики поспешили выйти через западные двери, а девочки и молящийся народ остались. Началось оригинальное богослужение, которое установила Мария Александровна после каждой обедни.

Не выходя из своей формы, Мария Александровна громко и отчётливо прочитала ряд молитв за Царя и Россию, за арабов и Палестинское общество. После чего девочки спели по-русски: «Спаси, Господи», «Достойно есть» и др. церковные песни. Затем Мария Александровна проходит через весь храм и останавливается у амвона. Здесь она опять читает длинную молитву по-арабски. Священник, как бы в ответ на это, сказал ектенью. Одним словом, вышло небольшое богослужение, продолжавшееся с четверть часа, если не больше.

Я смотрел на эту невысокого роста женщину, с такою твёрдостью читающую молитвы,

с такую самоуверенностью действующую, и немало удивлялся. Да, правда, надо посмотреть на Марию Александровну в церкви, чтобы понять, почему её имя пользуется таким почётом в Сирии, почему арабы относятся к ней с таким благоговением.

Вот и сейчас в храме. Народ, вероятно, притомился продолжительной обедней, соединённой с вечерней, но никто и не думает уходить. Всё чинно и благоговейно слушают молитвы Марии Александровны. И это происходит, как я потом узнал, каждое воскресенье, каждый праздник; кроме того, Великим постом — каждые среду и пятницу.

Мне говорили, что некоторым из русских странно было видеть, как в присутствии священника от лица всей церкви читает женщина молитвы по-русски и по-арабски. Но в Бейруте кто бы мог заменить её в данный момент? А главное, кто бы вложил в свою молитву столько духовной силы, столько сердечности и горячей веры?!

ГЛАВА 10: М. А. Черкасова

Бейрутския школы. — В гостях у М. А. Черкасовой. — Поведение русских в храме. — Случай с митрополитом Иннокентием. — Деятельность г-жи Черкасовой. — Трогательное прощание. — Успех сирийских школ. — Блуждение по базару. — Выход в море.

После священнического отпуска из храма стали выходить девочки чинно, без шума. Не надо много ходить по классам школы, чтобы сразу усмотреть, какая у них выдержка, дисциплина! С арабскими детьми трудно справиться, и нами виденный порядок школы только делает честь её начальнице.

Сама Мария Александровна занимается в смешанной школе св. Илии — Мусайбе с 15 марта 1887 г., но заведует и другими школами Палестинского общества: Мазра — школа архангела Михаила, Хай-Румели — св. Ни-

колая, Рас-Берут — Пресвятой Богородицы и Хай-Румели — школа св. великомученика Георгия. Во всех пяти школах во время моего путешествия (март 1900 г.) насчитывалось 151 мальчик и 864 девочки.

С каким дружелюбным доверием относятся жители Бейрута к Марии Александровне и к её школам, можно было судить по поведению кучки арабов, которая сопровождала её из церкви до дому. Нас, приезжих гостей из России, Мария Александровна пригласила в гостиную и, угощая по восточному обычаю прохладительными напитками, объяснила нам, почему она нас задержала в церкви.

Арабы очень религиозный народ и строгие исполнители церковных обрядов. У них сложилось убеждение, что настоящие христиане — это русские. А между тем много раз приходилось Марии Александровне краснеть за своих соотечественников, когда они показывали своё невнимание или небрежность к богослужению и к храму. Развивая в детях религиозное чувство, понятно, она оберегает их от дурных примеров. Вот почему ей всегда приятно, если зашедшие в храм русские имеют

терпение выстоять богослужение до конца.

Мария Александровна рассказала нам по этому поводу один случай из практики московского митрополита Иннокентия, когда он был на Алеутских островах. Новообращённые туземцы с самого начала оказали большую ревность и усердие к церковным молитвам и ко всем обрядам. А так как сам проповедник веры был русский и вся священная утварь, образа, свечи шли из России, то у них составилось мнение, что русские — идеальные христиане. Но вот приходит судно из России. Алеуты во все глаза смотрят за русскими и, как прозелиты, интересуются главным образом их поведением в церкви. И вдруг, какое разочарование!.. Они спрашивают Иннокентия, и тому пришлось сказать, что настоящие русские другие...

Увидя, что мы торопимся ехать на пароход и в то же время выражаем большое желание услышать от неё хоть бы краткую повесть о себе, она сказала:

— Я не скрываю своего прошлого, но рассказывать подробно о себе надо много времени. Начиная с семнадцатилетнего возраста,

тотчас по окончании институтского курса, я обратилась к той деятельности, которой и теперь предана всей душой. Но прежде чем основаться где либо, я много изъездила по свету Божию. Между прочим, работала года три в Японии при русской духовной миссии. Наконец, нашла себе место в Сирии, и, Бог даст, навсегда. Я уже здесь работаю тринадцать лет. Только один раз, года четыре тому назад, съездила ненадолго в Россию, и то по вызову. В этом-то всё дело и есть, господа, что приезжают сюда люди с искренним желанием поработать, но пройдёт год, два, — смотришь, явившиеся деятели уже и назад в Россию едут. Мимо меня в этом крае прошло около пятидесяти человек учителей и других служащих Палестинскому обществу, а из них удержались здесь разве только человека два-три, не более.

Нашей беседе помешали другие гости, пришедшие к Марии Александровне, да и время подошло ехать нам на пароход.

Провожая нас до лестницы, Мария Александровна спросила наши имена, чтобы упомянуть их на молитве. Такое христиан-

ски-умилительное внимание нас окончательно растрогало, и мы не знали, как благодарить эту добродетельную женщину. Сколько сердце подсказало нам самых лучших пожеланий и благословений, всё было горячо высказано ей на прощании.

Дай Бог, конечно, всякого успеха русским труженикам в Сирии! Они не преследуют здесь никаких политических, экономических и других скрытых целей; их задача одна: внести христианский свет истины в среду православных арабов. Так это понимают и сами арабы, и здешнее духовенство. А работы в Сирии ещё немало! И те школы, которые уже состоят под попечением нашего Палестинского общества, требуют ещё многого для своего усовершенствования. А какое ещё поле учебной деятельности остаётся для будущего! Теперь мы работаем только в треугольнике Триполи, Бейрута и Дамаска, но ведь во всех тринадцати епархиях Антиохийской церкви находятся 20 городов и 180 деревень, с 356.000 душ православного населения! Мы только можем порадоваться, что блаженнейший патриарх Мелетий так охотно занимает-

ся просвещением своей паствы. В Сирии существуют попечительные советы, с местными архиереями во главе, которые заботятся о средствах для постройки домов для школ или для найма временных для них помещений, потому что при открытии новой школы Палестинское общество ставит непременно условием для здешних сельских и городских обществ, чтобы школа была обеспечена вполне соответственным помещением. Несмотря на теперешнее их убожество сравнительно с блестящими инословными учебными заведениями, всё-таки арабы инстинктивно предпочитают в них отдавать своих детей. Вот уже поистине можно сказать: Господь отвергает очи слепых и умудряет младенцев!

Понятно, в настоящее время Палестинское общество не может вести дело просвещения арабов без посредства русского языка, без русских руководителей, но пройдет лет десять, и, Бог даст, арабы будут иметь своих собственных хороших руководителей, и тогда дело просвещения православных туземцев пойдёт большими шагами.

От дома г-жи Черкасовой до пристани не

далеко. По времени мы давно должны бы были приехать. Спрашиваем своего проводника (конечно, по-французски):

— Скоро ли будет пристань?

— А вот сейчас, лишь только проедем базар. Не желаете ли купить древних вещей, antiques?

— Нет, нет, скорей на пароход!

Но вот мы проехали ещё одну улицу базара, проезжаем другую, третью, и на каждой наш проводник находит, что-нибудь предложить для покупки. Появилась и у него в кармане целая куча монет. Наконец, нам, очевидно, стало, что он нас водит взад и вперёд по базару, тогда как пристань находится в двух-трёх шагах. Все наши вежливые просьбы не имели никакого воздействия на проводника, и пришлось прибегнуть к азиатскому способу обращения: энергично отказавшись от всех назойливых предложений, особенно от порнографических карточек, надо было покричать и показать ему своё раздражение, чтобы он послушался и моментально доставил нас к лодкам. Да и пора было. Только что мы прибыли на пароход, как он снялся

и направился к последнему пункту нашего морского путешествия — Яффе.

Тепло. Каютные пассажиры высыпали на верхнюю площадку. До захода солнца ещё было время попрощаться с Сирией. Выйдя из залива св. Георгия, пароход обогнул мыс Бейрута и направился на юго-запад. Песчаная прибрежная полоса скрылась. Только Ливанские горы синеватою лентою растянулись по восточному горизонту. Небо было не чисто. Небольшое волнение наводило некоторых на беспокойное раздумье — какова-то завтра будет высадка в Яффе? Взглянул я на палубу: там совершенно спокойно, с твёрдым упованием в Бога паломники приготавливают себе постели на ночь. А из трюма несутся умиротворяющие звуки вечерних молитв и припевов к акафисту Божией Матери...

ГЛАВА 11: Яффа

Переправа через буруны. — Проводник-араб. — Восточная баня. — На железнодорожной станции. — Место воскресения Тавифы. — Невнимание к русскому участку. — Опять на станции. — Теснота в вагонах.

Чтобы с восходом солнца встретить первый для нас палестинский город Яффу, я поспешил пораньше улечься на своей койке. То же сделал и мой почтенный компаньон. Но я не обладал его безмятежным спокойствием духа и не мог заснуть в душной каюте. Опять пришлось провести всю ночь на верхней площадке под открытым небом.

Утром, 18-го марта, немного покачиваясь пароход подошёл к Яффе. Ветра большого не было, но порядочная зыбь на рейде давала себя знать. Паломники, особенно женщины, с нескрываемым смущением посматривали на берег. Там на гряде камней яростно клокота-

ли белые буруны.

Переправа в Яффе хорошо известна русскому народу. Чуть ли не в каждой избе рассказывается паломниками, с каким страхом и трепетом приходится отдать себя в руки арабов и затем с сжатым сердцем в продолжение получаса ожидать желанного берега.

Как бы ни было страшно, надо съезжать! Есть женщины, которые боятся сесть в ялик в тихую погоду на Неве, здесь же они решаются прыгнуть с трапа в бросаемую волнами лодку. Но зато иные, как повалятся ничком на мешки паломников, так и не двигаются до самого берега.

Мне лично не страшны были белеющие буруны на камнях, за которыми находится тихая бухта с пристанью, не пугали меня и гигантские волны на рейде, временами скрывающие лодку из глаз береговых зрителей, но у меня опять явилось тоскливое ожидание возни с необузданными сирийцами-лодочниками.

К моей радости, на наш пароход приехал агент Русского общества пароходства и торговли, Исса Фокич Самури. Любезный коман-

дир парохода познакомил меня с ним и просил его помочь мне в Яффе. Этот уроженец Палестины, свободно объясняющийся на пяти языках, оказался очень милым и внимательным человеком. Он пригласил меня в свою шлюпку, хотя много меньшую тех, на которых перевозили паломников, но зато обладавшую четырьмя сильными и ловкими гребцами. Они не пошли северным обходом вокруг бурунов, а смело направили лодку в средний проход между камней. Мне много приходилось на маленьких лодочках нырять по морским волнам, но такого гигантского буруна я ни разу раньше не испытывал. Арабы стараются грести сильно и мерно в такт, чтобы не свернуло их лодку поперёк прохода. С боков стоят пенистые горы яростных волн на скалах... Вот уже мы миновали линию опасных камней. Ещё один удар гигантского вала в корму, — и мы вошли в затишье.

Благодаря агенту, я избавился от назойливости таможенных сторожей, но лодочники, улучив минуту, когда отошёл от меня И. Ф. Самури, припёрли меня, как говорится, к стене со своим попрошайничеством, хотя я отдал

рулевому и билет, по которому они получают от агентства установленную плату за перевозку пассажиров с парохода на берег и хороший бакшиш.

Все паломники, как только съехали на берег, сейчас же потянулись пешком длинною вереницею к железнодорожной станции за город. Немногие ехали на ослах. Проводниками им служили паломники, не один раз раньше побывавшие в Палестине. У меня был свой проводник из местных арабов. Когда-то он находился в услужении на русских постройках в Яффе, а потому довольно сносно объяснялся по русски. Для своей рекомендации этот араб перекрестился несколько раз и показал одобрителные свидетельства русских путешественников.

До отхода поезда было ещё много времени, и я воспользовался им, чтобы помыться в турецкой бане. Меня, давно знакомого с обстановкой восточных бань, не удивили ни низкие диваны в общей раздевальной, ни деревянные сандалия для ног, чтобы не обжигаться от каменного пола, ни отдельные каменные комнатки для мытья.

Указали и мне одну из них.

Там находился каменный диван и другой большой с чашеобразным углублением под кранами воды. Лишь только я расположился мыться, как приходит в мою комнату араб-цирульник с открытой бритвой в руках и предлагает мне побриться по мусульманскому обычаю. Я энергично замахал руками и головой, чтобы он уходил скорей.

Своему проводнику-арабу я дал несколько рублей авансом и просил его всюду, где только надо, рассчитывать за меня с местными жителями. Это до некоторой степени избавляло меня от многих неприятностей. Осмотрев яффские базары и сделав необходимые покупки на дорогу, я пришёл на железнодорожную станцию. Поезд в Иерусалим ещё не отправлялся. На площади и на платформе толпы паломников. Среди них выделяется высокая фигура каваса{3} Марко Джурич в национальном черногорском костюме. Он прислан в Яффу нашим Палестинским обществом для встречи и препровождения паломников в Святой город. Оказывается, общество позаботилось заранее нанять к приходу парохода

несколько поездов специально для русских паломников. Билеты раздавал кавас Марко из походной сумки кассы, висевшей у него через плечо. Места в вагонах брались чуть ли не с бою. Давка ужаснейшая. Я решил поехать на последнем поезде, а до тех пор — посетить со своим проводником здешнюю русскую церковь св. Тавифы, находящуюся в ведении русской духовной миссии в Иерусалиме. Она была недалеко за городом, в двух вёрстах от пристани, а потому мой проводник предложил мне пройти пешком.

Дорога пролегла мимо отдельно стоящих домов, утопавших в зелени садов. После утомительного перехода под горячим солнцем, мы приблизились к обширному саду, окружённому высокою стеною. Над зданиями высилась красивая колокольня храма. Мы вошли в открытые ворота на небольшую площадь перед двухэтажным домом, гостиницею для русских паломников. Нас встретил послушник в чёрном подряснике — единственный представитель Русской миссии в Яффе. Кроме него, тут был ещё садовник магометанин.

По преданию, это место ознаменовано воскресением св. Тавифы по молитве апостола Петра. Осмотрев церковь и пещеру, где погребена была Тавифа, мы обошли великолепный фруктовый сад с пальмами и с прекрасной аллеей эвкалиптов. Здесь я полюбовался на искусственный бассейн с плававшими в нём золотыми рыбками, выпил свежей воды из чистого источника, заглянул в братский корпус и... огорчился за русских православных христиан.

Покойный начальник духовной миссии в Палестине, архимандрит Антонин, много хлопотал, чтобы приобрести этот очаровательный уголок Яффы, выстроил прекрасную церковь, развёл сад. Во всём видна заботливая рука... Но для кого всё это? Для одного инока-сторожа? Через Яффу ежегодно проходят русские паломники тысячами, большими караванами и маленькими группами они исходят пешком всю Палестину, побывают в иных местах по два, по три раза; а спросите, многие ли из них были в русской церкви в Яффе. Десятки! Да и то заглянут сюда на самое короткое время. Многие по моим расспросам даже

не слышали, что есть русское место в Яффе. Очевидно, надо позаботиться об этом самой миссии. Надо посылать навстречу к каждому пароходу проводника-монаха, надо оповещать, знакомить русских паломников с местом важного библейского события.

Правда, у каждого паломника, сошедшего с парохода на берег все мысли направлены прежде всего в Иерусалим, но ведь в Яффе приходится им быть не один раз.

Помимо того, что почти все паломники, как приезжают, так и уезжают через Яффу, они бывают здесь ещё и при переезде в Галилею по морю. Правда и то, паломникам удобнее остановиться в греческом монастыре, ради близости его к паровой пристани. Но если принять во внимание все неудобства для ночлега на грязных, холодных каменных плитах коридоров, террас и разных переходов греческого монастыря, то многие предпочтут сделать лишних две версты и воспользоваться чистой гостиницей с кроватями.

С другой стороны, какая масса русского народа остаётся монахами на Афоне, и как мало их здесь в Палестине! В Яффе тоже местность

здоровая, красивая, обильная фруктами. Здесь столько связано с нею священных преданий! И не обидно ли — такой благоустроенный готовый монастырь пустует!

Незнание — вот, мне кажется, главная причина такого пренебрежения к яффским постройкам о. Антонина со стороны русских. Расскажи им про него обстоятельно, и они валам двинутся в этот палестинский рай.

Придя на станцию, я ещё застал много народу в ожидании поезда. Здесь паломники целый день жарились под знойным солнцем с самого утра. В паломническом поезде не было разделения на первый и второй классы. Заходил кто куда хотел. Пришлось и мне втиснуться в толпу людей и стоять в вагоне всю дорогу до Иерусалима. Прислуга поезда переходила через головы пассажиров по спинкам скамеек. Платформы вагонов тоже были заняты.

— Да, — подумал я, — мы теперь с этою железною дорогою много выигрываем в скорости, зато сколько теряем в поэзии этого благочестивого путешествия!

ГЛАВА 12: По дороге в Иерусалим

В вагоне Иерусалимской дороги. — Воспоминанию о Лидде. — Саронская равнина. — Безбилетный пассажир. — В каменистых горах Иудеи. — Иерусалим. — Переезд от станции в город. — Русские постройки.

Как только тронулся поезд, все перекрестились и обратились к окнам. Потянулись перед нашими глазами прославленные яффские сады с апельсинами, лимонами, минда­лём, маслинами, финиками и смоквами. Одни восторгались видом оранжевых плодов, других больше занимали кактусовыя изгоро­ди. Но о том, что мы едем, наконец, по земле, полной библейских воспоминаний, — ни сло­ва.

Кончились сады, — вступили в полосу хлебных полей... Встречались феллахи — здешние земледельцы. Паломники поража-

лись, что в марте месяце пшеница и ячмень в колосе.

Проезжая мимо Лидды, я стал рассказывать об известном евангельском событии, бывшем в этом городе: исцелении расслабленного Энея апостолом Петром. Но для народа и этого было довольно, чтобы с нескрываемым любопытством обернуться ко мне и спрашивать о «здесьних святых местах».

— Так вы говорите, — обращается ко мне широкобородый мужчина, должно быть, из купеческого звания, — в этих местах, что мы едем, апостол Пётр проповедовал?

— Не один он. Здесь ходил и известный Филипп, один из семи первых диаконов.

И стал я рассказывать про Филиппа. Паломники внимательно слушали меня, и некоторые не могли удержаться, чтобы не заметить вслух:

— И откуда всё это вы, господин, вычитали?

— Да ведь это в «Деяниях апостолов» написано. Разве вы не читали?

— Как не читать! — откликнулся купец. — Да, ведь, всего не запомнишь.

Я очень часто поражаюсь, как наш народ слабо знаком не только с книгами Ветхого Завета, но и Нового. Даже грамотные набожные люди, и те выказывали большее знакомство с некоторыми богослужебными книгами, с житиями святых, чем с евангелием.

Понемногу мы стали взбираться всё выше и выше. Саронская равнина, а за нею синее море, стали закутываться лёгким туманом. Почва становилась всё более и более каменистой. Кое-где ещё встречались по склонам разработанные куски земли, но и они поражали обилием крупного и мелкого камня. Это вызывало немалое удивление со стороны русских хлебопашцев.

— Экий народ ленивый! — не выдержал купец. — У нас землю разделяют, как пух. А тут, накось, смотрите!

Кто-то из бывалых в Палестине заступился за феллахов и самые камни на полях признал необходимыми.

Во всё время переезда народ усердно угощался апельсинами. Многим они утоляли жажду. У некоторых запасливых людей нашлась вода в чайниках. Удушье и жара не по-

кидала нас и при въезде в иудейские горы.

Среди паломников находился один рясоносец с чёрным колпаком на голове, вроде скуфьи. Это был типичный русский странник по монастырям, со всеми атрибутами своей профессии, т. е. с длинными волосами, с котомкой за плечами, с чайником и с палкой в руках. Когда вошёл в вагон контролёр и стал проверять и считает билеты, то этот странник ловко уклонился в толпе. Контролёр, для проверки себя, стал считать пассажиров. Оказывается, одним больше.

— Кто не показывал своего билета? — обращается он через переводчика.

Всё молчат. Молчит и странник. Тогда контролёр снова стал проверять билеты. Некоторые из соседей странника говорят ему шёпотом, чтобы он спрятался вниз. Но тот сидит на своём месте и в тесной толпе опять ускользнул от внимания контролёра.

Одного билета не хватает! — раздражённо замечает контролёр по-французски. Я боялся скандала и хотел было предложить деньги за билет, но контролёр махнул рукой и скрылся. Чем дальше мы лезли в горы, тем безотрад-

нее, бесплоднее, безжизненное был вид их: камень, камень и камень. Это были не те монолитные гранитные скалы Финляндии, местами представляющие гладкие площадки на десятки квадратных сажен. Нет, здесь они как-то ужасно изрыты, и кажутся бесформенными ноздреватыми громадами, с массою отдельных камней на неровной поверхности. И всё это голо, без дерева, без кустика. Местами встречаются развалины — тоже серый камень. Унылая страна! Да ещё при таком палящем солнце! И вспоминаются мне пророческие слова Моисея: «И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земли под тобою — железом; вместо дождя Господь даст земле твоей пыль».

Я смотрю на наших паломников и думаю себе: ожидали ли вы такого вида от Земли Обетованной, текущей молоком и мёдом? Но паломники, кажется, больше заняты были высотой гор. Только там, где поезд делал крутую кривую, или пробирался по обсечённому скату горы, или нёсся по насыпи, они невольно выказывали своё удивление инженерному искусству.

День стал склоняться к вечеру. Скоро должен и Иерусалим показаться. Я заранее в своём воображении рисую картину, как такая масса паломников шумно начнёт приветствовать Святой Город, как женщины заплачут от умиления и, чего доброго, будут, как крестносцы, целовать землю, освящённую ногами Спасителя, Божией Матери и апостолов.

Я вышел на площадку вагона, где, между другими пассажирами стоял русский немец, исполняющий здесь, в Палестине, роль гида для больших господ. Разговорились. Он рекомендовал себя, как единственного знающего проводника в Палестине, и резко подчёркивал, что здесь нет учёных проводников, хорошо знакомых с географией и историей Палестины. По дороге он мне указывал более или менее замечательные места и предупредил о близости Иерусалима. Впрочем, об этом можно было и без него догадаться по встречающимся всё чаще и чаще постройкам из камня.

Паломники завязали свои узлы, взвалили их на плечи и прижались к выходным дверям. Не успел я обратить должного внимания на указанные немецким проводником пунк-

ты, как сразу подкатили к Иерусалиму, с южной стороны его. Мелькнули его стены, башни, но всё тот же серый колорит.

На станции нас встретила толпа извозчиков, носильщиков, проводников... Пошла торговля, сделки... Я опять посетовал на железную дорогу. Где же эта умилительная картина встречи с Иерусалимом?!..

Ко мне подскочили два русских парня:

— Кладь у вас есть? — спрашивают меня.

— Есть, вот два чемодана. Да, вы тут что?

— Мы тоже паломники. А теперь желаем заработать что-нибудь.

Я отдал им свой багаж и в душе благодарил их. Мне не хотелось на первый раз въезжать в Иерусалим на извозчике, а потому я пошёл пешком за моими носильщиками.

Хорошая шоссейная дорога проходила вдоль Вади-ер-Рабаби (Гинномова долина), мимо еврейской колоты. Ради субботнего дня мы много встретили гуляющих евреев в праздничных одеждах. Тут я впервые увидел бархатные шапки, отороченные каким-то тёмным мехом. Лапсердаки и пейсы несколько длиннее виденных мною в России. От ев-

рейской колоти по мосту перешли на другую сторону оврага, или вади, как здесь называют, и пошли вдоль западных стен Святого города, прямо на север, к «Русским постройкам» Палестинского общества. По дороге страшная известковая пыль. И без того-то всё серо, а эта пыль ещё больше придаёт однотонный колорит всем предметам. Даже небо и то от насыщения воздуха пылью кажется сероватым. На первый раз чрезвычайно грустное впечатление. Где же сады Иерусалимские? Где тот лес, который рос по соседним горам? Впрочем внизу, у подошвы Сиона, виднеются деревья и кусты.

Прошли довольно близко мимо Яффских ворот (Баб-ел-Халил). Здесь толпился народ, ослы, верблюды. Этот уголок напомнил ещё библейские картины. Далее с внешней стороны городских стен тянулись постройки, преимущественно магазины.

Паломники неудержимою толпою вошли, наконец, в улицу, которая заканчивалась воротами «Русских построек». Здесь мы встретили множество наших соотечественников, покупающих у торговцев свечи, масло, ладан,

образа, кресты, книги, картины, а также — съестные припасы. Тут все торговцы говорят по-русски и с удовольствием принимают нашу монету.

Стало смеркаться, когда мы вступили в ограду русских построек, известных у паломников под именем «Палестины». Надо было пройти через весь двор, огороженный стенами, мимо больницы, дома духовной миссии, красивого собора и мужского корпуса. Через противоположные ворота мы выходим к конторе и гостинице с номерами. Здесь отобрали от нас паспорта и дали нам всевозможные указания и справки. Затем всех паломников пригласили в столовую, где священник отслужил благодарственный молебен.

ГЛАВА 13: Первые шаги в Иерусалиме.

В гостях у образованного араба. — Разбитая лампадка. — Жертвенник в Святой Земле. — Дорожный костюм. — Плодовитость земли. — Храм Гроба Господня. — Камень миропомазания. — Испытание веры

В России мне дали рекомендательное письмо к одному Иерусалимскому арабу, окончившему курс Киевской духовной академии. Он оказал мне чисто восточное гостеприимство, предложив в моё распоряжение свою квартиру и даже свою кровать. Кроме меня, к нему зашёл ещё один приезжий из России.

Любезный хозяин оставил нас вдвоём, а сам поспешил на вечерние занятия в контору. Я, несколько знакомый уже с обстановкой сирийских домов, вышел на небольшой дворик полюбоваться прекрасным видом на Елеонскую гору, а мой компаньон занялся осмот-

ром внутренней обстановки комнат. Вдруг, он быстро выходит ко мне и говорит встревоженным голосом:

— Помогите мне исправить случившуюся неприятность.

— Да что такое? — спрашиваю его.

— В углу спальной теплилась у него лампада на столе, и тут же стояли прислонённые образа один под другим. Я взял один образок в руки, а другие скатились на лампадку, сдвинули её, и она упала на пол и разбилась. Разбилась и стеклянная подставка под лампадой. Всё это я могу, конечно, сейчас купить, но меня угнетает самый факт: не успел оставить нас гостеприимный хозяин одних, как мы сейчас же причинили ему неприятность; кроме того, разбитая лампадка в первые минуты моего приезда в Иерусалим сильно меня смущает, как вещее предзнаменование.

Я успокоил его, как мог, и предложил ему сейчас же пойти в лавку и купить стаканчик. И не только стаканчик, — мы скоро нашли и красивую подставку, и масло, и поплавки — одним словом, всё, что нужно для лампадки. Когда он зажжёт её, я весело заметил своему то-

варищу:

— Ну, вот видите: «знамение-то ваше во благо» стало! Вспомните, когда Авраам или Иаков входили в эту обетованную землю, то прежде всего, что они делали? Ставили жертвенник! Это даже и узаконено в Библии самим Богом! Поэтому евреи, входя в Палестину из Египта или из Вавилонского плена, прежде всего воздвигали алтарь. Вот и вы: не разбей случайно лампы, вам бы и в голову не пришло устраивать этот жертвенник.

— Да, да! — вдруг обрадовался он, — это закон общий для всех людей, когда они вступают не только в Палестину, а вообще на нашу грешную планету. Ведь появление каждого младенца на свет Божий сопровождается по закону тоже жертвою. Да, чего лучше! Общий родоначальник наш Ной, когда после сорокадневного плавания в ковчеге вышел из него на землю, то прежде всего воздвиг жертвенник.

Вскоре пришёл хозяин дома и мы втроём стали обсуждать план нашего путешествия по Палестине. До Пасхи оставалось три недели. Страстную решено провести в Иерусалиме.

ме, а до тех пор объехать Самарию и Галилею. Кстати приближался назаретский праздник — Благовещение Пресвятой Богородицы. Хозяин, как знакомый с порядками, посоветовал отправиться в Галилею круговым морским путём через Кайфу, а оттуда с караваном через Сихем в Иерусалим. Он дал нам адреса и рекомендательные письма и убеждал не мешкать.

Мне нравился намеченный маршрут, потому что он давал нам возможность осмотреть не только все места в Галилее, куда обыкновенно проникает пешком наш русский паломник, но познакомиться ещё с прибрежною полосою Палестины и с Кармилом, этою знаменитою горою пророка Илии. Я предложил отправиться через день, чтобы прежде успеть посетить Гроб Господень и вообще осмотреться в Иерусалиме. Мой товарищ по путешествию был со мною вполне согласен, но у него были ещё и другие причины отложить поездку на один день. Между прочим, он хотел застаться летним костюмом на дороге.

— Господа, мой совет, — заметил нам хозя-

ин, — непременно вам надо заpastись тёплым платьем на дорогу, потому что придётся вам иногда путешествовать и по ночам. А теперь так легко простудиться на ночлеге под открытым небом, особенно после сильной знойного дня.

— Я хотел ехать без багажа, а теперь придётся везти и тёплое платье! — с горечью воскликнул мой компаньон. — Ну, а как же местные жители: неужели у них по две перемены платья? Одно — для дневного времени, другое — для ночного?!

— С местными жителями себя не сравнивайте: они здесь родились, да и костюм у них приспособлен и к здешнему зною, и к ночным холодам. Бедуины завернутся с головой в свой шерстяной аба и спокойно ночуют на земле. Но этот же плащ защищает их от пыли, да и солнце не так сильно жжёт спину.

— Отлично! Тогда я наряжусь бедуином, — решил мой товарищ и попросил свести его завтра, в магазины восточного платья.

Мы вышли в небольшой сад, огороженный каменным забором. Ни малейшего дуновения ветра. Темно настолько, что не различаешь

дорожки среди тёмных кустов.

— Удивительно — замечаю я, задевая кусты и деревья, — как тут ухитряются что-либо вырастить на камнях!

— Вот вы, — сказал хозяин, — проезжали по железной дороге и видели кругом один только голый камень, но попробуйте, дайте ему воды, и вы будете поражены обилием плодов. Про эту каменистую землю и теперь можно сказать, что она «течёт молоком и мёдом». Только приложите небольшое старание.

На другой день, рано утром, первую мысль нашею было поспешить ко Гробу Господню. Любезный хозяин сам повёл нас мимо многочисленных иностранных построек к северо-западному углу Иерусалима. С этой стороны как-то незаметно для себя мы очутились в стенах города. Несколько поворотов по узким переулкам, и мы скоро вышли на небольшую площадку перед храмом Воскресения.

Вот они хорошо знакомые по фотографиям две двери! Правые заложены, а левые открыты настежь. Я приготовился к обычному на

Востоке при всяком случае выспрашиванию бакшиша, но к моему удивлению и удовольствию турецкая стража не обращала никакого внимания ни на входящих, ни на выходящих.

Вступив в таинственный полумрак огромного храма, я сразу забыл всё внешнее мирское: передо мною восстала высочайшая святыня, какая только существует для христиан на земле. Мой путеводитель, учёный араб, быстро прошёл вперёд, распростёрся перед большим розоватым камнем, лежащим на полу, и поцеловал его. Я последовал его примеру.

— Камень миропомазания, — сказал он мне коротко.

Этот камень, окружённый гигантскими свечами на высоких подсвечниках, служит, так сказать, введением к поклонению святых мест. Ему же дают и последнее лобзание, уходя из храма. Ещё бы! На этом камне лежало тело Спасителя, когда Иосиф и Никодим повивали его плащаницею с ароматами.

Но тут у меня в голове прокрадывается скептическая мысль: если учёные археологи

оспаривают подлинность Голгофы и самого Гроба Господня, то можно ли поверить, что сохранилось предание о камне, на который возложили снятое с креста тело Спасителя?

Я остановился в раздумье. А сколько ещё дальше будет указано разных святых мест и предметов! И что же — всегда сомневаться и отрицать достоверность предания? Хочу верить. Но где взять веру?

— Господи, — помолился я, — помоги моему неверию!

Да, этот камень воистину пробный для паломника. Вот у простецов нет никакого сомнения. Ничтоже сумняся, бац в землю и горячо целуют камень. Иной не удовлетворится одним местом, перецелует камень во всех углах. И у них есть основание.

— Вы почему думаете, что на этом камне совершилось миропомазание тела Иисуса Христа?

— Святые отцы положили, так и нам передали.

— А они откуда узнали об этом?

— По откровению от Бога и Его святых ангелов.

Против такого довода нельзя спорить. Действительно, только остаётся одно: поверить.

Впрочем, разве можно сомневаться, что этот камень святой? Разве пролитые на нём слёзы и миллионы поцелуев с искреннею верою и любовью не освящают его? Разве горячие молитвы над ним в продолжение веков не делают его святым для последующих веков? Наконец, разве этот камень, откуда бы он ни был взят, не есть настоящий жертвенник беспредельной любви людей к своему Спасителю?.

С облегчённым сердцем я ещё раз склонился перед камнем миропомазания и горячо приложился к нему с молитвою апостолов:

— Господи! приложи нам веру.

ГЛАВА 14: У гроба Господня.

Ротонда и кувуклия гроба Господня. — Придел Ангела. — Снимание обуви. — Гроб Господень. — Церковь Воскресения. — Место стояния Божией Матери. — Как слагаются легенды. — Голгофа. — Сокровенность Ковчега Завета. — Служба в русском храме.

Из обширного предхрамья, где лежит камень миропомазания, я отправился вслед за своим приятелем-арабом в храм Гроба Господня. Мы вошли в высокое круглое здание, служащее как бы футляром, ротондою для маленькой часовни, или кувуклии, как её называют греки. В ней имеются два отделения: в первом находится известный камень, отваленный ангелом от гроба; во втором — самая пещера Гроба Господня.

В ротонде толпился народ, ожидая очереди войти внутрь кувуклии. Присоединился к

нему, и я со своим спутником. У входа стоят высокие подсвечники с пятиаршинными свечами. Тут же торчат гигантские палки, которыми тушат и зажигают эти свечи. Мраморные стены кувуклии украшены иконами, свечами и лампадами. Каждое вероисповедание — православные, католики, армяне, копты — имеют свои особенные лампы или свечи.

В придел Ангела пробрались мы скоро. Здесь народ ещё больше теснился, осаждая низенький вход в пещеру гроба. Посреди придела, как бы на пьедестале, стоит камень, от дверей пещеры. Вероятно, часть камня, потому что он не так велик, как об этом известно из Евангелия. В боковых стенах придела прорезаны два круглых отверстия для передачи святого огня в Великую Субботу.

Мне приходилось читать, что прежде паломники не осмеливались входить в сапогах в пещеру Гроба Господня, но теперь, сколько я мог заметить, почти все туда лезут, не снимая обуви. Если Господь велел Моисею на Хориве и Иисусу Навину близ Иерихона снять свою обувь, потому что они стояли на святом

месте, то, конечно, для нас, христиан, тут и вопроса не может быть, входить ли в пещеру Святого Гроба в сапогах или без сапог. И что удивительно: мы, христиане, чрезвычайно послушны туркам и снимаем свою обувь, входя в их мечети, а место своей величайшей святыни мы топчем своими грязными сапогами!

Повинуясь первому побуждению, я моментально сбросил свои ботинки и, низко согнувшись, чтоб не задеть головою резных украшений над входом, пролез в маленькую пещеру, около сажени длиною. Зараз в неё не входят более двух — трёх человек, иначе не повернёшься. В глубине пещеры стоял греческий монах с тарелкой и с сосудом розовой воды. Самый гроб представляет каменное ложе, покрытое расколотою пополам мраморною доскою. Над ним висят лампы и образа.

Когда мои предшественники дали мне подойти к Гробу, я, весь охваченный сознанием страшной святыни, благоговейно прильнул к священному камню и прослезился. Тут мне хотелось сразу сказать все свои молитвы, все тайные просьбы души, хотелось помянуть от-

ца и мать, всех родных и друзей, здесь хотелось прикосновением к святыни освятить своё лицо, руки, всего себя. Как будто бы стоишь пред самым Христом, и Он говорит тебе: «проси в эту минуту всё, что хочешь: Я исполню». Но минуты у Гроба Господня коротки: тысячи людей ждут у входа, чтобы заменить тебя. Надо выйти.

Получив от монаха кропление розовой воды на руки и положив ему монету, я попятился из пещеры задом в согбенном виде. Надо удивляться, как относительно хорошо ведут себя здесь наши паломники! Если бы они с такою стремительностью, с какою прикладываются, например, за всенощной на Вербное воскресение, хлынули к входу в пещеру Гроба Господня, то они не дали бы никому выйти наружу. Но этого на самом деле не происходит. Теснятся, но выйти можно. Конечно, тут имеет значение, с одной стороны, сознание важности святыни, с другой — ограниченное пространство придела Ангела, так, что вся масса народа волей-неволей стоит вне кувуклии.

Со сладостным сознанием достижения

главной цели паломничества я стал осматривать церковь, лучше сказать, собрание церквей. Прямо против входа в Гроб Господень — главная церковь Воскресения Христова, принадлежащая исключительно грекам. Она совершенно изолирована от всех других приделов, занимая срединную часть громадного храма, окружённого со всех сторон многочисленными пристройками. Церковь Воскресения богато разукрашена множеством висячих лампад и паникадил. Из них многие пожертвованы русскими так же, как и вызолоченный четырёхъярусный иконостас. Вокруг церкви кольцом тянется полусветлый, а местами и совсем тёмный, коридор с небольшими открытыми приделами в память лиц и событий, связанных со страстями Христовыми; например, в память сотника Лонгина, свидетеля смерти Иисуса Христа, в память разделения риз Господних, в память возложения тернового венца и др.

Когда я осматривал придел в память Матери Божией, близ темницы Иисуса Христа, подходит к нему очень скромно одетая русская паломница и обращается к одному из

Толпы молящихся:

— А тут, батюшка, что было?

— На сём месте стояла Пресвятая Богородица и плакала, когда распинали её Сына, — ответил её сосед и прошёл дальше.

Подходит к ней другая женщина и спрашивает её:

— Что тут такое?

— А вот видишь, — быстро заговорила только что просвещённая паломница: — на этом камне стояла Матушка Царица Небесная и плакала, когда жиды распинали Иисуса Христа. И слёзы-то, вот видишь, падали на этот камень и выбили на нём крестик.

Она показала на недавно выбитый крест на камне из крупных точек. Я поражён был, как скоро на моих глазах сложилась легенда. Один сказал, что тут плакала Божия Мать, а другой уже прибавляет, что слёзы оставили на камне знаки. Толпа сдвинулась около этого места, рассматривая крест, переспрашивала о нём сказание, молилась, ставила свечки и даже плакала. А потом все эти поклонники в простоте сердечной разнесут по всей России сказание о слёзах Богородицы... Попробуй-

те-ка разубедить их! Да и та паломница, которая первая придумала сопоставить слёзы Божией Матери с выбитыми точками на камне сама уже верит в свой собственный рассказ. И это понятно здесь. За десять тысяч вёрст люди собрались сюда, как в страну чудес и дивных сказаний о пребывании Самого Бога на земле. Здесь каждое повествование, каждое предание непременно должно быть облечено в форму диковинных, изумительных легенд. Бесполезно, да и невозможно было бы разрушить этот фантастический мир, в котором дышат наши паломники; вот почему я и не порывался разоблачать новое «чудесное сказание». Пришлось с грустью отойти к следующим святым местам, чтобы выслушать новые предания, не менее чудесные по своему содержанию. Около католической капеллы нам показали место явления Иисуса Христа Марии Магдалине. И место, где стояла плачущая Мария также обозначено на каменном полу кружком.

Недалеко от камня миропомазания был вход на каменную лестницу Голгофы. Многие воображают что место, где стоял крест Госпо-

день, сохранило ещё вид холма. На самом же деле мы видим комнату как бы во втором этаже храмовой пристройки, с небольшою частью естественной скалы, обсечённой с боков и снизу и прикрытой стенами окружающих комнат.

Мой спутник стал на колени пред отверстием Креста Господня и просунул туда кисть руки, а затем перекрестился ею. Я сделал то же самое и отошёл немного в сторону, чтобы вознести молитву Спасителю мира, пострадавшему здесь за грехи наши.

Протестанты склонны видеть Голгофу в другом месте — к северу от Дамасских ворот (Баб-ель-Амуд); но их доводы в настоящее время ещё не настолько сильны, чтобы поколебать веру православных и католиков в заповеданное веками место смерти и воскресения Искупителя. Это правда, при взгляде на карту, храм Гроба Господня занимает почти срединное положение Иерусалима в настоящем его развитии. Если радиусом в триста сажень обвести круг около главных современных построек города, то центр его ляжет на место храма Гроба Господня. Однако надо помнить,

что рост Иерусалима всё время идёт быстрыми шагами на северо-запад; в старину же было не так. Очень недавно нашли остатки стены и массивного порога ворот, которые показывают, что православная Голгофа находилась в то время вне городских стен.

Припоминаю по сему поводу мой разговор с одним учёным богословом.

— Зачем вы допытываетесь, — говорил он мне, — где именно находится святейший Гроб Господень? Если Ковчег Ветхого Завета сокрыт Божиим повелением от наших очей, то что удивительного, если Господь скрывает и место своей смерти и воскресения, так сказать, Ковчег Нового Завета? Можем ли мы, грешные люди, с подобающею святостью отнестись к месту, где лежало святейшее тело Господне? Погодите: в последнее время, как предсказал Иоанн Богослов в Апокалипсисе, откроется людям Ковчег Завета, откроется и живоносный Гроб Господень.

Я ему мог на это только сказать:

— Правда, в прежнее время наказывалось смертью одно прикосновение к Ковчегу Завета. Но то было до Иисуса Христа. Спаситель

же наш пришёл не губить, а, спасти человека, как об этом Он Сам говорит. А потому, прикосновение к святейшему Гробу Господню теперь не убивает, а освящает и спасает людей.

После утреннего завтрака обедню мы отстояли в русском храме Св. Троицы, где служило наше духовенство, составляющее здесь Иерусалимскую православную миссию. Миссия состоит, кроме её начальника архимандрита Александра, из шести иеромонахов, трёх иеродиаконов, шести монахов, одиннадцати послушников, регента, восьми певчих и драгомана{4}. Раньше, до образования православного Палестинского общества, наша духовная миссия, в лице её ныне усопшего архимандрита Антонина, проявила чрезвычайно плодотворную деятельность и создала несколько чисто русских мест в разных углах Палестины; но теперь она почти исключительно занялась церковными службами и трудами. Заботы о материальных нуждах паломников о содержании русских мест, о поддержании православия среди единоверных нам туземцев-сирийцев с 1882 года высочай-

шею волею были возложены на Палестинское общество.

Я не стану описывать ни храма Св. Троицы, ни церковной службы в нём: здесь всё было так же, как и в России. Сколько я мог заметить за своё пребывание в Иерусалиме, наш русский храм всегда был полон паломниками. Им, конечно, нравилась понятная и неспешная служба, да и близко было: храм занимал срединное положение в участке русских построек.

ГЛАВА 15: На месте Соломонова храма.

«Святое Святых». — Гостеприимное дерево. — Страстной путь. — Болгарин-истолкователь. — Выманивание денег мусульманами. — Священная скала. — Соломонов храм. — Своды подземелья. — «Остаток Израиля». — Мечеть Эль-Акса.

Ещё с утра в этот самый день, т. — е. в воскресенье, 19-го марта, в конторе русских построек в Иерусалиме объявили подписку желающим посетить «Святое Святых», или мечеть Омара и ограждённый двор при ней. Для паломников, конечно, не интересны мусульманская мечети, но им дорого то место, где стоял священный храм Соломонов, а главное — где находилось «Святое Святых», в которое имел доступ только первосвященник и при том только один раз в год. Сколько я мог заметить, русский богомолец постольку чтит

библейская места, поскольку они связаны с новозаветными событиями. Так, при воспоминании храма Соломонова, они не говорят о том, что в нём стоял Ковчег Завета, что в нём являлась «Слава Господня» и др. Нет, они приурочивают к «Святому Святых» главным образом священное предание о вхождении в него Божией Матери.

Желающих посетить это святое место оказалось не мало. Каждый должен был предварительно внести в контору Палестинского общества небольшую плату, потому, что заведывающие мечетью Омара пускали в неё христиан только за деньги.

После посещения Гроба Господня меня особенно тянуло увидеть место храма Соломонова, в доподлинности которого не может быть никакого сомнения. Я тоже записался в конторе, и мне выдали, как и всем, билетик для свободного прохода в мечеть Омара. По числу этих билетиков Палестинское общество платило туркам договорённую плату.

После обеда объявлено было, чтобы все записавшиеся на осмотр «Святого Святых», собирались к гостеприимному дереву, около

мужского подворья. Это дерево, очень красивое и раскидистое, всегда привлекает под свою тень массу паломников для отдыха и бесед. Здесь происходит перепродажа вещей их, здесь можно услышать пророческую проповедь о кончине мира, здесь же собираются и караваны богомольцев.

Когда собралась толпа приблизительно сотни в две паломников, черногорец-кавас повёл её через весь город, мимо храма Воскресения, к мечети Омара. Часть дороги проходила по так называемому «Страстному пути». И в настоящее время к нему применимо название «страстной», потому что до сих пор нельзя пройти здесь спокойно, без содрогания, при виде такого множества слепых, прокажённых, увечных и вообще страдающих от разных болезней людей. Все они шпалерами вытянулись вдоль улицы и отчаянно вопят о милостыни.

— Яслабу!.. Яслабу (т. е. я слепой)! — чаще всего слышится среди общего шума. Но если вы остановитесь и окажете, внимание одному убогому человеку, вас мигом окружит толпа нищих с протянутыми руками.

Перед стеною обширного двора Омаровой мечети произошла задержка. Посылали извещение о паломниках магометанским властям. Тут я заметил горбатенького болгарина-монаха, который присоединился к нам в качества проводника и истолкователя святых мест. Я уже имел случай послушать его беседы. Он изъясняется довольно свободно по-русски и приобрёл большую сноровку в обращении с нашими паломниками. Прежде чем начать объяснение, он немало потратил слов на призывание к тишине, пересыпая свою речь всевозможными прибаутками и остротами. Ему, как видно, надоело ждать перед воротами, и он, энергично поговорив с кавасом и с турецкими солдатами, смело двинулся вперёд, а за ним вошла во двор вся толпа. Это, сколько я мог заметить в своём путешествии по городам Сирии и Палестины, чисто восточный приём с разными задержками и препятствиями.

Мечетью Омара я уже любовался издали. Собственно в ней красива верхняя часть и особенно — купол. Это не византийские полушария или наши старинные луковки на вы-

тянутых шейках. В грандиозном куполе мечети поражаешься сколько гармонией, столько же красотой и благородством линий.

При входе в мечеть нам подали мягкие туфли и чехлы для сапог — бабуши. Кто остав- лял свои сапоги у дверей, а кто их брал с со- бою под мышку. Пользуясь суматохой, неко- торые женщины вовсе не надевали бабушей и проходили свободно среди других паломни- ков, скрывая длинным платьем свою обувь. У дверей — толпа магометан. Они бесцеремон- но хватают каждого и отбирают билеты на пропуск. Вторые и третьи ряды турок грубо требуют бакшиш, особенно от паломниц. Не подозревая, что это незаконное насилие, некоторые дают им деньги. Я поспешил за болгаринном, чтобы послушать его объясне- ний. Многие, в особенности простые женщи- ны разбрелись по мечети и продолжали отда- вать дань туркам. И как грубо они эксплуати- руют религиозное чувство наших паломни- ков! Забежит перед толпою женщин молодой турок и, указывая на первую попавшую ко- лонну, скажет им:

— Христос, Христос!

Бабы целуют камень и дают турку парички. Далее он покажет ближайшую стенку и скажет им с нескрываемой ехидной улыбкой:

— Мария, Мария!

И опять летят ему в руку парички. И это в магометанской мечети, построенной спустя шесть-семь веков после евангельских событий.

Внутренняя отделка мечети чрезвычайно богата и красива при эффектном освещении через цветные стёкла гигантских окон. Конечно, самую дорогою, святынею в ней была священная скала, на которой стоял жертвенник при Соломоновом храме. Потому и мечеть эта великая святыня в глазах мусульман, обыкновенно зовётся в Иерусалиме Куббет-эс-Сахра, т. — е. «Купол скалы».

Наш толкователь, горбатенький монах, остановился около священной скалы, выждал, когда столпившийся около него народ успокоился, и начал повествовать о святом месте горы Мориа, на которой мы находились. Его объяснение не шло дальше русских брошюрок для народа о святых местах, но спасибо ему и за это. Приятно вспомнить,

хоть вкратце, повествование о каком либо событии на самом месте его происшествия. Только неприятно резало ухо его сказание, без всяких оговорок, что на сём камне Авраам возложил Исаака для жертвоприношения. тогда как утром в Авраамиевском монастыре (близь храма Воскресения) тем же паломникам он указывал другое место, обозначенное на камне чёрным крестом, где также Авраам приносил в жертву своего сына.

Побывавшие раньше в Иерусалиме чрезвычайно любят поучать в первый раз прибывших в Святую Землю и авторитетно рассказывают им о местах поклонения. В стороне от болгарина-монаха собралась небольшая группа паломников послушать добровольного рассказчика. Он смело говорил им, что вот в этих самых стенах, построенных Соломоном, и есть «Святое Святых», куда удостоилась войти Мать Божия. Очевидно, самое название «Святая Святых» он применял, как и большинство паломников, не к месту, где стоял Ковчег Завета, а к самой Божией Матери.

— Послушайте, — не выдержал мой спутник, — от древнего храма Соломонова не

осталось камня на камне здесь сверх площади. Соломонов храм, как известно из Библии, был сожжён при царе Навуходоносоре. Тогда же исчез неизвестно куда Ковчег Завета. Потом, после вавилонского плена, евреи снова построили храм, в котором впоследствии являлись Христос и Божия Матерь. Но и этот второй храм был разрушен и сожжён римским императором Титом. А эти красивые стены, которые вы сейчас видите, построены магометанскими царями: Омаром, Саладином, Солиманом...

Но тут ему не дали договорить. Невежественный рассказчик, а за ним и его слушатели, яростно закидали его оскорбительными словами, — как он смел приписывать устроение «Святого Святых» каким-то мусульманским царям!

Сконфуженный мой спутник поспешил отойти, чтобы ещё больше не возбуждать тёмной толпы. Чтобы поверить, очевидно ей нужен или официальный проводник-истолкователь, облечённый внешними атрибутами, или свой брат, полуграмотный рассказчик, невежественный, но безотчётно верую-

щий.

Кто бы ни строил стены мечети, но само место чрезвычайно свято по своим воспоминаниям. Никто в этом не сомневается, что здесь прошла вся священная история от Давида до Иисуса Христа на протяжении слишком одиннадцати веков, т. е. во все время владения евреев Иерусалимом. Сюда был принесён Божественный Младенец Иисус Христос Своею Пресвятою Матерью, «чтобы представить Его пред Господа» и чтобы принести, установленную жертву по закону. Здесь была боговдохновенная встреча праведным Симеоном Богоприимцем и Анною пророчицею Спасителя народов, света мира и славы Израиля. Впрочем, иные говорят, что встреча Симеона с Младенцем Иисусом произошла в другом месте, где теперь мечеть Эль-Акса.

Предание указывает, что праведный Симеон Богоприимец жил тоже на горе Мориа, где в настоящее время находится подземная мечеть. Теперь тут за деньги турки показывают христианам «Колыбель Христа». Когда мы выходили из подземелья, один дервиш (мусульманский монах), показывая на нишу, кричал

паломникам по-русски, с неправильным ударением на букву а:

— Обрезание! Обрезание!..

И в его руку сыпались парички.

Кстати о подземелье. Чтобы выровнять вершину горы Мория, на которой предназначался двор для храма, Соломон покрыл это место гигантскими сооружениями, состоящими из множества сводов. А уж поверх их была выровнена на пространстве около двенадцати десятин красивая площадь, известная в настоящее время под названием Харам-эш-Шериф, т. — е. «благородное святилище». Подземные своды хорошо сохранились до сих пор и образуют огромное, решительно ничем не занятое помещение. Во времена крестоносцев здесь содержались их лошади.

Смотря на эти колоссальные каменные сооружения, простоявшие около трёх тысяч лет и выдержавшие, вероятно, не одно землетрясение, невольно вспоминаешь предсказания пророков об «остатке Израиля» (Ис. X, 20—22). В нынешнее время, — говорит апостол Павел, — по избранию благодати, сохранился остаток. И к этому остатку, к этому корню де-

рева прививались другие народы, другие религии. И христианство, и магометанство со всеми их многочисленными разветвлениями выросли на еврействе. Так и на сводах Соломоновых, по разрушении еврейского храма Иеговы, стояли и языческие храмы (Юпитера Капитолийского при императоре Адриане), и магометанские (при Омаре и его преемниках), и христианские (во времена крестоносцев). От христианских храмов на площади Харам-эш-Шериф осталось, полагают, Юстиниановская базилика, также превращённая магометанами в мечеть. Она известна здесь под названием Эль-Акса («удалённая»). Когда мы пришли в неё, проводник-болгарин подвёл нас к двум рядом стоящим колоннам и рассказал, что они служили для испытания греховности людей. Грешный человек не мог пролезть между ними. Но с тех пор, как один неудачник застрял между колоннами, приказано было загородить проход металлическими прутьями.

В этой мечети ещё показывают след ступни Христовой, отпечатавшейся на камне во время вознесения Его на небо на горе Елеон-

ской.

Хотя мы сделали беглый обзор всего, что помещалось на площади Харам-эш-Шериф и под нею, но и он нас очень утомил. А большинство женщин давно уже уселось в кружок и мирно разговаривали между собою в ожидании окончания осмотра.

Многие, выйдя из ворот двора, сейчас же поспешили отправиться домой, но нашлись и такие неустомимые, которые последовали за проводником болгаринном по Кедронскому потоку, чтобы видеть снаружи стены Харам-эш-Шерифа и заложенные в них так называемые Золотые ворота, т. — е. те самые, через которые, по преданию, въехал Иисус Христос на осляти в Иерусалим.

ГЛАВА 16: Вокруг стен Иерусалима.

Памятник Авессалома. — Иосафатова долина. — Страшный суд. — Источник Богоматери. — Нечистое место. — Долина сыновей Енномовых. — Прокажённые. — Акелдама. — «Новый Иерусалим».

Прежде чем выйти за город, монах-проводник обратился к толпе паломников и громко провозгласил два стиха из известного псалма:

— Пойдите вокруг Сиона и обойдите его, пересчитайте башни его; обратите сердце ваше к укреплениям его, рассмотрите дома его, чтобы пересказать грядущему роду.

Это библейское воззвание в устах проводника в Иерусалиме меня очень тронуло, и я, как ни устал, решил последовать ему, чтобы обойти вокруг стен города.

Число паломников сократилось, по край-

ней мере, наполовину. Мы вышли из города единственными открытыми на восточной стороне Гефсиманскими воротами Баб-ситти-Марьям. Так названы, вероятно, потому, что от них чрез Кедронский поток идёт дорога к гробнице Божией Матери. Они ещё носят название ворот св. Стефана в память перво-мученика, которого побили камнями в Иосафатовой долине, недалеко от этих ворот. Это событие дало повод нашему проводнику сказать пространную речь, с указанием точных мест, где кто стоял восемнадцать с половиною веков тому назад. Отсюда мы повернули направо вдоль по Иосафатовой долине, между Елеонскою горою и стеною города. Жарко. Душно. Недалеко от каменного моста через Кедронский поток продавали какое-то подслащённое питьё, в грязных бутылках. Я воздержался от искушения утолить им жажду и вслед за паломниками спустился в глубину долины, к памятникам седой старины, известным здесь под названием Авессаломова столба и гробниц Иакова и Захарии.

Из Библии мы знаем, что восстание Авессалома против своего отца, царя Давида, не

удалось, а его самого убили, бросили в глубокую яму в лесу и наметали над ним огромную кучу камней. Но он ещё при жизни своей поставил себе памятник в царской долине. «И называется он памятник Авессалома до сего дня». Вот это-то непреложное слово «до сего дня» и заставляет предполагать евреев, что небольшая каменная башенка с конусообразным верхом и есть древний памятник Авессалома. Они до сих пор не могут пройти мимо него, чтобы не бросить камня на память мятежного сына.

Относительно других гробниц имеются неопределённые предания, и наш проводник, не останавливаясь у них, поспешил перейти по небольшому каменному мосту опять на ту сторону долины, ближе к стенам города.

Иосафатова долина вся усеяна могильными памятниками евреев и магометан. По общему преданию у всех вероисповеданий на Востоке, в этой долине произойдёт страшный суд при конце мира. Пророк Иоиль от лица Божия так рисует картину суда:

«Я соберу все народы и приведу их в долину Иосафата и там произведу над ними суд...

Спешите и сходитесь, все народы окрестные, и соберитесь! Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там я возсяду, чтобы судить все народы отовсюду... Толпы, толпы в долине суда! ибо близок день Господень к долине суда! Солнце и луна померкнут, и звёзды потеряют блеск свой. И возгремит Господь с Сиона и даст глас свой из Иерусалима; содрогнутся небо и земля... Тогда узнаете, что я — Господь Бог ваш, обитающий на Сионе, на святой горе Моей».

Замечательно, турки отдали гору Сион христианам для погребения покойников. Здесь сосредоточены кладбища и православных, и протестантов, и армяно-грегориан, тогда как долина суда наполнена костями евреев и магометан.

Огибая юго-восточный угол зубчатых серых стен Иерусалима, наше внимание обратили на угловой камень, около трёх с половиной сажень длиною, при саженной толщине. И такой большой камень находится не в нижних рядах основания, а на порядочной высоте от земли: вероятно, тоже свидетель древнейших времён.

Недалеко от угла города дорога расходилась на три стороны. Мы выбрали левую, которая привела нас к источнику Богоматери — Айн-ситти-Марьям, близ деревни Силоам. Передовые паломники, спустившиеся в пещеру источника вниз по лестнице, успели спокойно почерпнуть воды и напиться; но последним пришлось выдержать борьбу с арабами, набравшими сюда со всех сторон. Пользуясь случаем, здешние силоамцы требовали за воду деньги, вырывали из рук кружки с водой и вообще вели себя очень дико и непристойно. Я переждал первые горячие схватки, осторожно спустился по скользким ступенькам и дал денег арабской девушке, оберегающей воду внизу колодца. Она поспешила поднести и мне свой водонос на один момент. Спасибо и за это!

Должно быть горбатенький проводник наш сильно утомился, потому что он предложил паломникам отдохнуть около Силоамского пруда и сам присел на заросшем склоне горы. Хотя не с прежнею энергией, он всё-таки продолжал рассказывать нам про окружающие предметы.

На севере от нас высились серые стены Иерусалима с Навозными воротами, или Бабель-Мугарибе. На западе — Сион. На востоке — гора Соблазна, соседка Елеонской горы, а с юга — пещерные скалы Акелдамы и горы Злого Совещания. Действительно, удачно был выбран пункт для обозрения окрестностей. Прямо перед нами две долины — Иосафатова и Гинномова — сходятся около колодца Иова в одну щель, которая пробирается между скалами Иудейских гор до самого Мёртвого моря. А около колодца виднеется турецкий дом прокажённых.

Что-то грязное, гнусное, скверное и в то же время ужасное, угрожающее чувствуется в этих названиях и предметах. Мы сидели в центре самого нечистого места во всех смыслах. Через Навозные ворота сюда вывозились все нечистоты из Иерусалима, сюда извергались все прокажённые и нечистые, тут на окружающих высотах были построены капища Хамосу, «мерзости Моавитской», Молоху, «мерзости Аммонитской», и Астарте, «мерзости Сидонской», тут и страшная Акелдама —

«земля крови», купленная ценою крови Иисуса Христа. Наконец, как говорит Господь чрез пророка Иеремию, здесь «устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал, и что Мне на сердце не приходило». За то и грозят пророки, что здесь будет страшный суд, здесь потечёт огненная река, «ибо Тофет давно уже устроен; он глубок и широк; в костре его много огня и дров; дуновение Господа, как поток серы, зажжёт его» (Исаии, 30, 33).

Водосточная городская канава, проведённая в этих местах, своим зловонием и теперь неприятно напоминает древнее значение Навозных ворот и вообще всего этого места.

Когда мы стали спускаться в долину сыновей Енномовых, или Вади-ер-Рабаби, то нам навстречу вышли из своего дома прокажённые. Пропустив мимо себя с криками о помощи переднюю главную массу паломников, они вдруг быстро заняли средину дороги и таким образом отрезали остальную часть уставших пешеходов. Несчастные прокажённые нагло протягивали руки с отгнившими паль-

цами, показывали вид, что желают прикоснуться к паломникам, иные дерзко перегоразживали путь, растопырив руки. Толпа паломников, особенно женщины, с криками и визгом отшатнулась назад, боясь заразиться, но потом, угрожая своими посохами, расчистила путь дальше.

В долине сыновей Енномовых мы подошли к пещерам Акелдамы. Здесь нас встретили греческие монахи, провели в церковь, отслужили молебен и затем стали показывать пещеры, наполненные незакрытыми костями усопших. В Акелдаме лучше всего можно понять, как хоронят покойников на Востоке в твёрдом грунте. Перед нашими глазами протянулись ряды ниш, выдолбленных по размеру тела в стенах пещеры. Эти ниши и служили собственно гробами для усопших тел. Общая же их могила, или пещера, снаружи заваливалась камнем.

Греческие монахи предложили паломникам отдохнуть и выпить какого-то угощения. Но так как было уже поздно, к тому же мне надо было приготовиться к завтрашней дороге, то я, поблагодарив монахов, поспешил

один отправиться домой. Местами, в долине сынов Енномовых, я чувствовал жуткое одиночество. Только у юго-западного угла Сиона мне встретились двое арабских мальчиков, разговаривающих по-английски. Я расспросил их, почему они знают английский язык. Оказывается, на Сионе для арабских детей имеется прекрасная английская школа Гобата, в которой и они обучались.

Миновав Яффския ворота, я пришёл опять к русским постройкам. Таким образом на первых же порах в Иерусалиме мне пришлось обойти его стены и невольно обратить своё внимание на контраст двух сторон его — юго-восточной и северо-западной. Если мы проведём прямую линию через место св. Гроба Господня и Силоамский пруд, то эта магистраль, пройдя посредине между Сионом и священной скалой Соломонова храма, разделит город на две равные части. Но как на южном конце этой магистрали — место суда, «огненной реки», адского огня, место извержения всего нечистого, скверного, негодного, так на северном её конце вырастает новый город, новый Иерусалим, как бы в прообраз «Нового

Иерусалима», предсказанного в Апокалипсисе. Южная сторона западает в глубину долины, идущей в Мёртвое море, а северная — возвышается к горе Скопус, где некогда стоял римский лагерь. Очень приятно было мне, как русскому, видеть, что и наше Палестинское общество заняло большую часть будущего Нового Иерусалима, и в средоточии русских подворий устроен храм во имя Святой Троицы.

К северу от русского места много владений, принадлежащих другим христианским вероисповеданиям, но ещё севернее — раскинулись еврейские колонии: Ебен Израэль, Езрат Израэль, Суккот Шеломо, Меа Шеарим, Шааре Моше, Байт Израэль, Шаар Пинна, Охель Шеломо и др. Не указывают ли они на образование «Нового Израиля» в «Новом Иерусалиме», как предсказывал пророк Давид: «на северной стороне город великого царя» (Псал. 47, 3)?

ГЛАВА 17: От Яффы до Кайфы.

Из Иерусалима в Галилею. — В вагоне до Яффы. — На австрийском пароходе. — Старообрядец в числе спутников. — Кайфа. — У русского агента. — На горе Кармил. — Почитание Божьей Матери и пророка Илии. — Вид с Кармила. — Сен Жан д'Акр. — Бедуинский костюм.

На другой день, 20 марта, по условию мы должны были отправиться в Галилею. Я уже говорил, что из Иерусалима в Назарет русские паломники едут двумя путями: или по железной дороге и морем на пароходе через Яффу и Кайфу, или прямо на север сухим путём через Самарию. По скорости, комфорту и разнообразию способов передвижения считается лёгким и доступным даже для дряхлых стариков — первый путь; за то второй — дорог паломникам по священным воспоминаниям путешествий Самого Господа.

Мне лично хотелось испытать ту и другую дорогу; но сначала, по совету гостеприимного хозяина, я решил отправиться в Назарет через Яффу и Кайфу. Мой товарищ нарядился в лёгкий бедуинский костюм, прикрыв его сверху осенним пальто обыкновенного покроя. До Кайфы в вагоне и на пароход он хотел ехать европейцем. Весь багаж его состоял из двух небольших мешков, перевязанных так, чтобы впоследствии удобно было положить их через седло на осла.

Отъезжающих вместе с нами по железной дороге из Иерусалима было очень много, но из русских, кажется, только мы вдвоём и были. Турки и сирийцы-магометане старались занять отдельные вагоны, а христианские туземцы перемешались с иностранцами, среди которых больше всего замечалось немцев. Почти всю дорогу до Яффы мы беседовали со своими соседями, жадно расспрашивая о палестинских порядках и обычаях. На промежуточных станциях не держат буфетов. Каждому пассажиру приходится заблаговременно позаботиться о своём столе. В придачу к захваченным закускам мы запаслись ещё нема-

лым количеством апельсинов — необходимый плод при здешней жаре, вызывающей сильную жажду в дороге.

Мы прибыли в Яффу как раз вовремя: австрийский пароход стоял уже на рейде, готовый сняться в Кайфу. Погода была тихая, и рейд сравнительно спокоен. Нам опять помог любезный агент Русского общества пароходства и торговли, и мы благополучно водворились на австрийце. Здесь произошла приятная встреча со знакомыми русскими паломниками. Небольшая партия, человек в восемь, прибыв из России со мной вместе на одном и том же русском пароходе в Яффу, не поехала тотчас в Иерусалим, а решила подождать австрийского парохода, чтобы сперва отправиться в Галилею и поспеть к празднику Благовещения в Назарет. Они заняли часть палубы спереди машинного люка. Такое помещение не совсем удобно для большого переезда, но до Кайфы было всего полсотни миль, т. е. часа на три, на четыре ходу, и притом стояла тихая, тёплая погода, так что и мы согласились присоединиться к ним на палубу. Кроме нас на пароходе ехало пассажирами

немного туземцев-магометан, которые вскоре после вечерней молитвы залегли спать. Под мерный шум гребного винта мы тихо разговаривали, передавая друг другу свои сведения о Палестине. Между нами были лица духовного звания, добродушнейший соборный диакон с женою, жена протоиерея и псаломщик. Но больше всех из моих спутников мне нравился купец, старообрядец из Тверской губернии. Он скрывал свою привязанность «к старинке», и я, вероятно, долго бы не догадался о его принадлежности к старой вере, если бы не раскрыл случайно его тайну диакон. Приводя слова одной молитвы, старообрядец закончил её так: «и вовеки веком, аминь». Диакон поправил его — «вовечи веков» — и сейчас же заметил ему при всех, что он в старой вере. Купец покраснел, но не возражал. Впоследствии он мне открылся чистосердечно, при чём высказал свой взгляд на внешние порядки никонианской церкви, отталкивающие старообрядцев своим нехристианским характером. Там, по его мнению, где должны пребывать любовь, доверие и братское общение, там царят формализм бессердечие и нераде-

ние. Мне казалось, что он послан своим городом с тайным поручением обследовать восточные церкви.

Пароход прибыл в Кайфу ночью. К нашему удовольствию переправа на берег прошла без всякого смятения и ссор с арабами-лодочниками, благодаря участию здешнего консульского агента. Он сам лично встретил нас с фонарём и усадил в свою шлюпку. Мы беспрепятственно вышли на берег и в сопровождении фонаря весёлою толпою направились в дом агента. Город благоухал от множества цветущих садов. Успокаивающая тишина и приятная теплота в ночном воздухе как-то особенно заметно отразились в настроении наших душ.

— Господа, — заметил нам мой товарищ, — мы вступили в благословенную Галилею, где впервые раздалось слово христианского учения.

— А был ли Христос в Кайфе? — спросила одна из женщин.

— Вероятно, был. По крайней мере, у католиков есть предание, что Христос со Своею Материю посещал соседнюю гору Кармил.

Вскоре мы пришли к дому агента и взобрались на самый верх его, где для паломников приготовлены были три-четыре комнаты с кроватями и нарами. После короткого ужина расположились на ночлег, где кто хотел. Нельзя особенно похвалить обстановку наших спален, но мы были рады и такому помещению, потому что оно избавляло нас от многих хлопот.

Утром пришёл хозяин и предложил нам до отъезда в Назарет посетить гору Кармил и католический монастырь на нём.

Город Кайфа раскинулся на береговой полосе морского залива у подножья горы. В нём очень много европейцев и, особенно немцев, которые несколько западнее города имеют прекрасную колонию. На северной стороне залива белеется Акка, древняя Птолемаида.

Было очень рано, и потому улицы города не отличались многолюдством, а прекрасная дорога на гору была совсем пуста.

По мере того, как мы подымались всё выше и выше, перед нами раскрывалась прекрасная картина морского залива, окружённого горами.

На вершине Кармила стояли каменные постройки католического Монастыря Notre Dame du Mont Carmel. По преданию, родители Божией Матери, св. Иоаким и Анна, одно время жили в этих местах. Полагают, что и Сама Божия Матерь посещала гору Кармил. Почитание же Присноблаженной Девы Марии и устройство здесь алтаря в честь её относят к апостольским временам. И до сих пор вся католическая церковь празднует 16-е июля, как день Кармильской Божией Матери.

Нас встретил у ворот католический монах и с строгим лицом довольно сухо предложил войти в церковь. В его глазах мы представляли жалкую толпу схизматиков, а потому странно было бы здесь нам рассчитывать на особенную любезность и радушное гостеприимство. Он показал между прочим, художественные изваяния Божией Матери и пророка Илии. Здесь, по преданию, было то самое место, где молился пророк в ожидании дождя.

... Илия взошёл наверх Кармила и наклонился к земле, и положил лицо своё между коленями своими, и сказал отроку своему:

— Пойди, посмотри к морю.

Тот пошёл и посмотрел, и сказал:

— Ничего нет.

Он сказал:

— Продолжай это до семи раз.

В седьмой раз тот сказал:

— «Вот небольшое облако поднимается от моря величиной в ладонь человеческую»... (3 Царств, 18 глава).

В этом облаке Илия увидел признак дождя. «И была на Илии рука Господня. Он опоясал чресла свои и бежал пред (царём) Ахавом до самого Изрееля». Следовательно Илия пробежал перед колесницею царя всю долину Ездрилонскую, т. — е. около сорока вёрст.

Это видение маленького облака, которое дало обильный дождь после трёхлетней засухи, по сказанию святых отцов, и есть образ Девы Марии, родившей Слово Божие. А потому католики считают пророка Илию, как первого чтителя Божией Матери.

Проводник-монах предложил нам купить на память крестиков и образков Кармильской Божией Матери. Осмотрев поверхностно постройки монастыря, мы вышли на открытое место, чтобы полюбоваться восхититель-

ной панорамой Палестины.

На западе перед нами лежит далёкое Средиземное море. Над ним расстилается необъятный воздушный океан, с ослепительным солнцем в его вершине. На севере, за мысом древней Птолемаиды, убегает в даль финикийский берег. Правее его вырисовываются в воздухе вершины Ливана. Ещё правее весь горизонт вплоть до Кармильского кряжа покрыт Галилейскими горами, среди которых прячется Назарет. Над Галилеей царит величественный Ермон под снежной шапкою. Ближе, у самой подошвы Кармила, расстилается равнина с извивающейся лентой Нахр-ель-Мукатта, или древнего потока Киссона. Внизу, при море лежит город Кайфа и немецкая колония.

Во времена крестоносцев Птолемаида (в тринадцати вёрстах от Кайфы) была обращена в крепость Сен Жан д'Акр. Весною 1799 г., эта крепость остановила победоносное шествие Наполеона, как некогда Тир задержал Александра Македонского на семь месяцев. Но Наполеон не располагал ни средствами, ни временем великого завоевателя Востока и

потому, после восьми безуспешных приступов, в продолжение семидесятидневной осады, должен был отступить от крепости. Всех своих больных и раненых он оставил на попечение кармильских монахов; но губернатор Акры, Джеззар-паша, безжалостно приказал перерезать их. Монахов разогнали, а монастырь подожгли. В 1821 году, Абдалла-паша, взорвал минами остатки монастыря, и Кармил снова обратился в пустыню на некоторое время. В небольшом монастырском саду теперь стоит памятник над собранными костями французов.

Недалеко от монастыря высится Кармильский маяк, видимый с моря за тридцать миль.

Приятно было бы осмотреть окрестности монастыря и вместе с тем башню св. Елены, школу пророков, источник Илии, но сегодня мы должны засветло попасть в Назарет, а потому поспешили спуститься с Кармила и по прежней дороге вернулись в город. В этот час он был оживлён торговцами, моряками, приезжими феллахами и колонистами более чем утром. Я шёл с диаконом и поторапливал его

покончить скорее с бесконечными приценками к разным товарам на базар. Вдруг он вынимает сотенный билет и хочет разменять его у уличных менял. Я насилу удержал диакона этого не делать.

К нашему приходу были наняты для нас большие тарантасы. Консульский агент не делал нам особенной любезности: за лодку, за помещение, за тарантасы и проч. он брал с нас деньги. Но хорошо было то, что всё это было определённо, без неприятной возни с арабами и их бесконечным попрошайничеством.

Товарищ мой снял своё осеннее пальто и надел бедуинский костюм. Удивительно прост покрой платья бедуинов! Например, что такое верхний плащ, или аба по-арабски? Это — две прямоугольные полки, пришитые к квадратному куску полосатой материи с боков и сверху. Ни рукавов, ни воротника, ни карманов, ни петель, ни пуговиц. Только в верхних углах плаща не дошито, чтобы в оставленные отверстия можно было просунуть руки. Штаны тоже своеобразного покроя. Сшивают два прямоугольных куса бу-

мажной материи с боков и снизу, так что получается мешок, не глубокий, но очень широкий. Внизу по углам оставлены недошитые места для ног, а верхний край мешка стягивается шнуром около талии. Головной убор, или кефие, опять-таки представляет простой квадратный платок, стянутый вокруг головы шерстяным жгутом. Только кумбаз, род халата или подрясника, кроится несколько в талию, с рукавами, с карманами и на подкладке. Кумбаз стягивается пёстрым кушаком. На ногах краснея сафьянные туфли, с выступающей по краям подошвой, для защиты ног от каменистой почвы. Я пробовал надавать такие туфли и поражён был их удобством для путешествия в Палестине. Благодаря толстой составной подошве, можно было безболезненно ступать по насыпанному щебню.

Одевшегося таким образом моего товарища арабы обступили с нескрываемым удивлением. Они так ценят и уважают франка в европейском костюме, а тут вдруг добровольное облачение себя в костюм бедного кочевого бедуина! Если бы ещё костюм был роскошный, дорогой по цене, то они, пожалуй, помири-

лись бы с этим; но ведь на нём всё бумажное, дешёвое, рублей на двенадцать, не больше.

— Почём покупал? — спрашивают моего товарища один за другим арабы.

Тот молчит, сердится и не знает, как от них отвязаться. А то станут учить его, как бедуины подвязывают концы платка, спускающегося с головы, как надо накладывать чёрный жгут на голову и проч.

ГЛАВА 18: Назарет.

В тарантасе по Ездрилонской долине. — Самоуглублённый странник. — Одежды Иисуса Христа. — В Назарете. — Греческая церковь Благовещения. — Поведение клира при богослужении. — Католический храм Благовещения. — Разъяснение францисканца. — «Трапеза Христова». — Гора Свержения.

В тарантасе я уселся рядом с тучным диаконом и всё время беседовал с ним об окружающих нас предметах. На первых порах всё встречное по пути напоминало нам пророка Илию. С правой стороны высилась гора Кармил, а с левой — протекал поток Киссон, с которым мы всё больше и больше сближались, пока не переехали его близ деревни Ель — Харисия. Отсюда дорога приняла ещё более восточное направление и стала постепенно входить в холмы и в предгория назаретских вы-

сот. Над Ездрилонской долиной, с правой стороны от нас, возвышался южный конец Кармила, называемый арабами Ель — Мухрака, что значит жертва, потому что на этой вершине пророк Илия вызвал огонь с неба на свою жертву в посрамление жрецов Ваала. Тут же, у потока Киссона, указывают и место, где он заколот этих пророков. Эта двойная жертва пророка огнём и мечем, его горячая ревность о Едином истинном Боге стали примером для гонителей еретиков. Но... что было уместно по духу Ветхого Завета, то не совсем прилично в Новом Завете. Когда апостолы хотели свести огонь с неба и истребить людей, как и Илия это сделал, Христос запретил им и сказал: «Не знаете, какого вы духа!».

Чем дальше мы ехали, тем всё более и более смягчались пейзажи. Встречались красивые рощи, цветистые луга, обширные поля с колосистым хлебом и даже небольшой лесок. Это единственное место в Палестине, где мы увидели лес. Здешние картины как-то ближе, роднее нашей душе, чем суровые виды каменистой Иудеи. Простота деревенской жизни туземных крестьян, или феллахов, невольно

напоминает с детства вычитанную из Евангелия ту безыскусственную обстановку, среди которой раздались премудрые притчи Божественного Учителя. Почти на каждом шагу встречается какая-нибудь иллюстрация к евангельскому тексту. Вот проехал старец на маленьком осле, чуть не касаясь свесившимися ногами земли. Вот молодой пастух не спеша идёт по склону горы со своим стадом «мелкого скота». Или вот пробирается феллах по полю со своими волами. Почти у каждого источника можно видеть черноглазую девицу с тёмным кувшином на плече или на голове.

Остановились мы в одном небольшом селении на короткий отдых. Все мы сошли с тарантасов и расположились около небольшой лавочки выпить воды или кофе. Обмениваясь своими впечатлениями, мы громко говорили, смеялись и вообще производили заметный шум. Перед нами наискось лежала дорога. Вдруг из-за угла дома показывается араб в тёмно-синем полосатом плаще, в красном кумбазе, с белым платком на голове под двойным чёрным кольцом толстой верёвки. Высо-

кий, статный, он медленно шёл, по дороге, как бы в глубоком раздумье. Несмотря на наш весёлый и громкий смех, он не повернул головы в нашу сторону. Для этого философа как бы не существовало ничего земного. Мы сразу смолкли и переглянулись между собою. Ведь арабы так любопытны, а наш шум и вереница тарантасов — не обычное явление в этом глухом местечке.

— Так только мог пройти Христос или библейский пророк, — заметил нам мой товарищ в бедуинском костюме.

В самом деле, точно видение, не оглядываясь назад, исчез вдаль за холмами самоуглублённый странник.

Вспомнив Христа, мы заговорили о Его костюме. Обыкновенно изображают Его на иконах белым, без головного убора, в греческом красном хитоне и с синей хламидой на плечах. Но так, ли это было на самом деле? Наш «бедуин» настойчиво доказывал, что Иисус Христос, как и все евреи того времени, не носил костюма язычников, а наверно имел такой же кумбаз и абу, какой носят и теперь все жители Палестины.

— Иоанн Предтеча, — говорил он, — заметил про себя, что он недостойн развязать ремешок обуви Его; следовательно Христос носил обувь. А если так, то отчего не допустить у Него и обычного на Востоке головного убора в защиту от жгучего солнца?

Другие возражали ему, но слабо, указывая на запрещение (Лк. 10) брать с собою обувь. Мне казалось, что спорить об одежде не зачем. Кумбаз арабов это тот же хитон греков. Положим, у Христа он имел ту особенность, что был не сшитый, а весь тканый но всё-таки стягивался поясом, о котором упоминается в евангелии (Лк. XII). Также и греческая хламида вполне соответствует современному плащу, бурнусу, иди «аба», как называют арабы. У Христа абу разодрали на четыре части. И в самом деле арабский плащ легко делится на четыре равные части, стоит лишь отделить пришитые две полки, а остальное разодрать пополам сверху до низу. Что же касается запрещения брать обувь, то, вероятно, это сказано о второй запасной паре, потому что одновременно говорится не брать двух одежд (Мт. X, 10).

— Пойдёмте-ка дальше! — перебила наш спор матушка. — А об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут. Если же траву полевую Бог так одевает, то тем боле нас оденет... Пойдёмте!

В самом деле, день склонялся к вечеру, и надо было поспешить к подъёму Назаретской горы. Я по-прежнему сидел в тарантасе с отцом диаконом и слушал его медленный, нескончаемый рассказ о его родном городе. Он нагружен был множеством мешочков, футляров, узелков, кошельков, и всё это поочерёдно выпадало на дорогу. То и дело приходилось подбирать ему-то очки, то платок. Наконец, я не выдержал и, собрав всю мелочь, передал её жене диакона.

Поздно вечером мы прибыли в священный город Назарет и остановились в русском доме.

Не успели немного отдохнуть с дороги и закусить, как наступила ночь, тёмная, тихая, настоящая палестинская ночь. Я вышел на крышу дома, но чёрный бархатный покров уже окутал город. Оставалось любоваться

только светлыми звёздами на небе.

Одна из учительниц здешней школы, увидев меня на крыше без шляпы, предупредительно заметила мне, что в Палестине, хотя и тепло в марте месяце, но без шляпы нельзя стоять ночью под открытым небом.

Действительно, разность дневной и ночной температуры здесь очень большая. И это надо постоянно внушать нашим паломникам простолюдинам, путешествующим в Палестине налегке, в одном пиджаке. Потом, когда мне случилось пройти с ними в одном караване через Самарию, я имел возможность убедиться, как много больных среди них от простуды. Разгорячённые, вспотевшие, истомлённые от жары, на привале обыкновенно они ложились на землю под открытым небом. И чаще всего простуживали животы.

Я послушался совета учительницы и, протившись с любезною хозяйкою, присоединился к своей компании паломников, которые уже располагались на ночлег в общей комнате в нижнем этаже дома.

На другой день утром мы поспешили к обедне в православную церковь Благовеще-

ния.

Наружный вид её очень скромный и мало отличается от обыкновенных домов Палестины. И только небольшая башенка над входом служила до некоторой степени отличительным признаком церкви, когда мне случилось потом искать её без проводника. Креста над храмом не красовалось. Внутренность, по обычаю восточных церквей, была украшена висячими лампадами. У обоих клиросов стояли стасидии для духовенства, певчих и почётных граждан города. Иконостас резной, довольно хорошей работы, но в запущенном виде и с значительными поломками. Например, лампады перед образами подвешены к резным изображениям голубей, но все эти голуби без крыла или без хвоста.

Как видно, и здесь, как в иерусалимском храме ремонта не полагается. Даже резной крест на иконостасе не поправлен, хотя его было бы легко починить. Иконы отстают от рам. На всём лежат густые слои пыли. Вообще всюду заметная грязь. Порядки и обычаи в арабском храме, тоже странные для русского глаза. Одних видишь в красных фесках, дру-

гих — в бедуинских головных уборах (платок, обтянутый шерстяным жгутом). Во время службы идут громкие переговоры, особенно между арабками. Греческие монахи свободно проходят в алтарь через царские двери. Если они закрыты завесой, то монахи, чтобы пройти через них, не стесняются приподнять её. Иногда из-за завесы показывалась голова монаха; скажет он что-нибудь вслух певчим на клиросе и опять скроется. Царские двери закрывает и отворяет церковный слуга, который ставит свечи. И всё это делается даже в присутствии самого назаретского владыки.

С северной стороны храма маленький спуск ведёт в пещеру с колодцем, где и было радостное и спасительное благовествование архангела Гавриила Пресвятой Деве Марии. Над колодцем устроен престол Благовещения.

Несмотря на непристойную для русского храма грязь и распущенность, общее впечатление наше всё-таки было благоприятное. Что тут этому помогало? Вероятно, и сознание святости места, и постоянно встречающиеся картины детского увлечения горячо верующих арабов. Пение у них для русского уха

непривлекательное, тем не мене, оно производит сильное впечатление своею страстностью и воодушевлением.

Обедню служили на двух языках: греческом и арабском, потому что господа церкви в иерусалимском патриархате исключительно греки. В Антиохийском патриархате арабы сильно борются против господства греков и в этом направлении уже сделали довольно много: например, недавно добились того, что патриархом назначили природного араба. Но в Палестине, как я говорил уже, греческое иго над православною церковью ещё лежит тяжёлым ярмом, снять которое, вероятно, удастся не скоро.

Надо видеть, с какою радостью, с каким энтузиазмом поют на своём клиросе арабы, когда придёт их очередь отвечать на ектению или пропеть какую-либо песнь из литургийной службы. Но нет худа без добра! Может быть, это соревнование, эта рознь двух племён поддерживает внутреннюю силу их веры и религиозного воодушевления. В этом смысле апостол Павел говорит в своём послании к римлянам (X, 19; XI, 11), как язычники воз-

буждали ревность в Израиле, а Израиль — в язычниках.

Из греческого храма в небольшой компании я прошёл в католический храм Благовещения. Нас встретил высокий францисканский монах и очень любезно объяснил нам на французском языке значение нескольких приделов в храме. Все престолы украшены живыми цветами. В главном красуется изваяние св. Девы Марии. То место, где стояла Матерь Божия во время архангельского благовестия обозначено надписью: *Hic verbum caro factum est* (т. е. здесь Слово плоть бысть. Иоан. I, 14). На левой стороне от входа висит толстая каменная колонна. Низ колонны, отломан. Она возбуждает в народе большое удивление и считается им одним из главных чудес Назарета. Полагают, что на месте этой колонны стоял святой благовестник — архангел Гавриил. Кроме престолов во имя св. Иоакима и Анны, родителей Божией Матери, и архангела Гавриила, в соседней пещере имеется придел, где праведный Иосиф учил отрока Иисуса. На стене сделана надпись золотыми буквами: *Hic erat subditus illis* (т. е. здесь был в

повиновении у них. Лук. 2, 51). Есть ещё пещера, которую называют кухней Матери Божией.

Здесь, у католиков, всё было безукоризненно чисто и в порядке. Мирная тишина, скромный любезный францисканец и... в то же время — пустота, безлюдье.

— Скажите, — обращаюсь я к католическому монаху, — где собственно было Благовещение? Вы говорите, что оно происходило здесь, в этом храме, а греки нам только что показывали колодец, у которого явился архангел Гавриил Пресвятой Деве.

— Не надо верить ни нам, ни грекам, — наставительно произнёс францисканец, — а верьте святому Евангелию, где сказано: *et ingressus Angelus ad Eam dixit* (и вшед к Ней Ангел рече. Лк. I, 28). Заметьте, евангелист сказал к Ней, т. е. в её дом, а не к городскому колодцу. Не желаете ли взглянуть, — сразу перевёл он разговор на другой предмет, — на большой камень, на котором Иисус Христос обедал со своими учениками?

Мы с благодарностью согласились, и он нас повёл в капеллу, недалеко от латинского

монастыря. Здесь посреди неё возвышался большой светло-серый камень, известный у паломников под названием «Трапезы Христовой».

Обозревая Назарет, заодно мы осмотрели и гору Низвержения с небольшою православною церковью на вершине, построенною на средства пензенской помещицы М. М. Киселёвой. Католики и тут расходятся с греками: они указывают на другую вершину, как на гору Свержения. Та и другая, впрочем, высятся рядом над Ездрилонскою долиною, куда хотели евреи свергнуть Иисуса Христа после Его обличительной проповеди в синагоге.

Спустившись с Тарпейской скалы назаретских жителей, мы отправились обедать. По дороге показали нам место той еврейской синагоги, где Христос сказал своим соотечественникам, что никакой пророк не принимается в своём отечестве. Теперь здесь выстроена двухэтажная церковь маронитов.

ГЛАВА 19: Фавор.

Поездка на Фавор. — Выбор осла. — Прodelки арабских проводников. — Встреча с русскими паломниками. — Рассказ о Преображении Господнем. — Поворотный пункт в ходе евангельских событий. — Ермон, как гора Преображения. — Схема шествия Христа. — В греческом монастыре. — Военное значение Фавора. — Обзор вершины горы.

Вечером мы стали собираться на гору Фавор и на Тивериадское озеро. Компания наша разделилась. Одни, отягощённые тучным телом, боялись тронуться в тяжёлый путь, где нельзя пользоваться тарантасом, другие, в видах экономии, отправились заранее пешком, третьи, к которым принадлежали я, мой товарищ в бедуинском костюме и купец-старообрядец, решили ехать на ослах. Для того, чтобы не связывать друг друга в дороге, я предло-

жил своим спутникам каждому взять себе отдельного проводника и для скорости тоже на осле.

Узнав о нашем желании, арабы привели множество ослов к русскому дому. Все они были очень мелки, сильно потёрты по бокам, с кровавыми подтёками от уколов на шее. Я выбирал себе осла пободрее с виду, да хоть немного с сносной сбруей из верёвок. Арабы кругом меня кричат, что-то толкуют непонятное. Наконец, в первый раз в жизни я взобрался с камня на белого осла и не успел ещё оправиться в седле, как он сразу рванулся в сторону и бросился бежать со всех ног. Я едва удержался на нём. Арабы сзади бегут и кричат: «хорош! хорош!..» Оказывается, они нарочно кольнули осла, шилом сзади, чтобы он проявил такую прыть.

Наша кавалькада выехала часа в три пополудни, с расчётом к вечеру быть на Фаворе и там переночевать до утра. Лишь только миновали город, как один из погонщиков тихонько отстал и исчез. Я остановился и стал говорить другому провожатому; что мы не поедem без двух проводников-мукари, а потому

пусть он вернёт скорей своего товарища. Нас предупреждали, что за арабами проводниками надо следить внимательно и не спускать им на первых порах ни малейшего проступка, иначе они будут обманывать потом на каждом шагу.

Мы настояли на своём, и проводник вернулся в город за своим товарищем.

Дорога спускалась между зеленеющими холмами всё ниже и ниже в Ездрилонскую долину. Сравнить нельзя с каменистою Иудеей! Здесь очертания гор боле округлы, и долины более широки, а главное кругом всё покрыто цветущею травою и разнообразными деревьями и кустарниками.

Вскоре мы нагнали своих знакомцев — пеших паломников, вышедших из Назарета часом раньше. Мы уступили женщинам своих ослов, а сами пошли за ними пешком. Я был рад поразмять свои ноги после неудобного сидения в седле с высоко поднятыми стременами; да и вообще я предпочитаю идти пешком, — в этом куда больше удовольствия и свободы в пути! Можешь остановиться над камнем, цветком, жучком, взять в руку, рас-

смотреть, спрятать на память.

Наши мукари были молодые ребята, не старше двадцати лет, и родственники между собою. Они немного знали русских слов, научившись от приезжающих паломников в Назарет. Всех мужчин они звали «Иваном», а всех женщин «Марией».

— Иван, Иван! — часто останавливали меня, подметив моё любопытствующее внимание к здешней природе и подносили бабочек и жучков. А то укажут какую-нибудь гору или деревню и назовут её по-арабски.

Сами мы знали не более десятка арабских фраз, необходимых при встрече с туземцами в Палестине, так что каких-нибудь обстоятельных разговоров со своими мукари не могли вести.

С Ездрилонской долины Фавор весь перед нами. Он представляет из себя совершенно изолированную гору правильного округлого очертания. Я заранее предвкушал удовольствие увидеть с её вершины всю Галилею.

Наш «бедуин» предложил в долине, в виду красивой горы Преображения Господня, сесть на траву и отдохнуть немного. Но умысел дру-

гой тут был. Ему, очевидно, хотелось высказать своё мнение об этой горе, потому что сейчас же разразился, заранее приготовленною речью, которую я нахожу нужным привести целиком. В самом деле, где и вспомнить Христа и Его Евангелие, как не здесь, между Назаретом и Фавором? Он говорил:

— Обратите, господа, внимание, что самый факт Преображения был тайною для апостолов, кроме трёх, — Петра, Иакова, и Иоанна, — которым Господь запретил рассказывать до поры до времени. Да и рассказывая об этом впоследствии, они как бы скрывают, на какой горе происходило Преображение. Были ли они в это время «в теле или вне тела»? Неизвестно. Мы знаем только, что эта гора была высокая и святая. Палестинское предание указывает на Фавор, имея в виду стих известного псалма: «Фавор и Ермон об имени твоём радуются». Но мне кажется, что этот стих даёт такое же основание утверждать, что Преображение было на горе Ермон.

— Как! — все встрепенулись: — вы хотите отвергнуть установившееся с древнейших времён предание?

— Ничего я, господа, не отвергаю, — продолжал «бедуин»: — но мне хочется сделать вывод, непосредственно вытекающий из Евангелия. Мы видим, что Христос проповедует и делает чудеса в Галилее; но, ни слова не говорит, по крайней мере, явно, о своей искупительной миссии, о своей крестной смерти. Наконец, Он достигает со своими учениками крайних пределов Палестины, так сказать, вершины её, где когда-то расположилось самое северное колено Израилево — Даново. И вот здесь-то, в Кесарии Филипповой, у подножия горы Ермон, он спрашивает своих учеников, за кого почитают его люди. Они сказали: за одного из пророков, за Иеремию, Илию или за Иоанна Крестителя. «А вы, — говорит им Христос, — за кого Меня почитаете?» Тогда Пётр признал его Христом, Сыном Бога Живого. Это очень важный момент, потому что в этом признании половина миссии Христа окончилась. Апостолы, так сказать, выдержали свой экзамен, их учение в первой половине, кончается. Здесь поворотный пункт Христа, отсюда Он идёт на юг, к Иерусалиму, где и заканчивает свою миссию крестною смер-

тью и воскресением. В этом поворотном пункте, в Кесарии Филипповой, он впервые прямо, без обиняков и прикровения, говорит ученикам о своём страдании и смерти. Как говорит евангелист Матфей: «С того времени Иисус начал открывать ученикам своим и т. д.» И вот тут-то, в северных пределах Палестины, по прошествии шести-восьми дней, Христос преобразился на святой высокой горе пред своими избранниками, то есть подтвердил им своё Божественное происхождение, и они услышали свидетельство Самого Бога Отца. Как естественно допустить, что это происходило именно на Ермоне, на высочайшей горе в Палестине, сверкающей своею чистою снежною вершиною. Ведь город Кесария Филиппова лежит при подошве этой прекрасной горы, не один раз воспетой царём-пророком Давидом.

«Бедуин» прервал свою речь и оглянул своих слушателей, но теперь ему никто не возражал.

— Итак, господа, — снова заговорил он: — вот схема Христова шествия: оно начинается в Вифлееме, направляется с юга на север до

Ермона, здесь опять поворачивает на юг и заканчивается в Иерусалиме. Рождение, Преображение и Воскресение — это главные моменты в жизни Христа.

Мне понравилась его речь, но как жалко, что сказал он её в виду Фавора. Для меня эта гора до некоторой степени уже потеряла своё высокое значение.

Когда мы снова двинулись в путь, одна женщина, взлезая на осла, сказала вслух, как бы про себя:

— Вот ещё что выдумал: Ермон! Уж сказал бы, что Господь преобразился на небесной горе, — это куда понятнее!

Дорога с подошвы горы на вершину шла зигзагами. Как видно, монахи поработали над нею, потому что, несмотря на крутой подъём, она была легко доступна для ослов. Пешие же, для сокращения пути, пробирались прямо на верх, пересекая зигзаги шоссейной дороги. Деревья и кусты, за которые цеплялись мы руками, постоянно останавливали наше внимание своею новизною для нас, но мне более всего нравились полевые цветы, густо разбросанные по всему склону.

Наконец, мы и на вершине в греческом монастыре. Монах указал нам небольшие комнаты, обставленные всем необходимым для ночлега паломников. К нашему ужину грек принёс бутылку мутного вина из здешних виноградников. Его нельзя было назвать ни красным, ни белым, что-то среднее по цвету. Нам казалось, вино плохо перебродило. Вообще в Палестине редко можно достать хорошего вина у туземцев. Только в европейских колониях ещё можно купить хорошего и недорогого.

После ужина монах повёл нас на плоскую крышу здания при церкви. Отсюда открывался восхитительный вид на Галилею. Под нами глубоко западает Ездрилонская долина. Она уходит на запад, где и тает в неясной дали у подножья Кармила. С другой стороны между гор лежит длинным синим овалом Тивериадское озеро. Над ним сверкает высокий снежный Ермон.

В старину Фавор имел большое военное значение. Во времена владычества римлян здесь была крепость. А сколько битв усматривалось с вершины этой Горы в продолжение

сорока веков! Тот, который провозгласил своим солдатам в Египте: «сорок веков смотрят с вершин этих пирамид!» тот самый воевал и здесь в Ездрилонской долине под Фавором, расставив против сирийцев свои щетинистые карре. Но раньше Наполеона, около трёх тысяч лет до него, тут происходила знаменитая битва Израиля, когда, по выражению пророчицы Деворы, «с неба сражались, звёзды с путей своих сражались с Сисарою», с военачальником ханаанского войска, в котором участвовали девятьсот железных колесниц.

Вообще древние смотрели на изолированные горы, как на естественные крепости, среди которых Фавор считалась первоклассною.

Наступившая ночь и ощутительная прохлада согнали нас с крыши, и мы вскоре залегли спать.

Чуть только занялась заря, как мои спутники один за другим стали подыматься: нам предстоял немалый путь к Тивериадскому озеру. Пока погонщики приготавливали ослов, мы успели обойти вершину горы, но не заходили в католический монастырь. Вся вершина усеяна остатками древних сооружений,

видны следы и христианской церкви.

Получив в благословение от греческого монаха литографированные образки Преображения Господня, мы отправились в путь по направлению к Тивериаде.

ГЛАВА 20: Галилейское море.

От Фавора до Тивериады. — Кочевые бедуины. — Мрачный вид становища. — Библейское значение суши и воды. — Тивериадское озеро — колыбель христианства. — Греческий монастырь. — Рыбацкая лодка. — Разъезды Христа по озеру. — Храм нерукотворённый. — Чтение Евангелия. — Галилейские рыбаки. — Соединение церквей.

От Фавора до Тивериады около двадцати вёрст. Дорога пробирается на северо-восток между галилейскими горами. Вчера здесь прошёл большой караван паломников, и мы решили нагнать его на берегу Тивериадского озера, чтобы дальнейший путь в Кану и в Назарет сделать в толпе русских богомольцев.

Часто попадались, нам хлебные поля, почти готовые к жатве. И это в двадцатых чис-

лах марта! Встречных было очень мало. Когда сталкивались с туземным крестьянином феллахом, мы спешили приветствовать его заученным «мархаба!» — здравствуйте! Селений по пути немного. Местами натыкались на бедуинския становища.

Если я мечтал прийти от чего в восторг, так это от палаток кочевых арабов. С раннего детства, по ярким раскрашенным картинкам библейской истории, у меня составилось светлое представление о кочевой жизни Авраама, Исаака и Иакова. Зелёные пастбища, лазурное небо, яркое солнце, разнообразный мелкий и крупный скот, гостеприимные шатры, весёлые ребятишки, наконец, сами кочевники, ласковые, сердечно зазывающие в гости всякого путника. На них яркие пёстрые одежды, величественная поступь, величавые речи... На самом деле далеко не так! На голом грунте стоят чёрные длинные палатки, с покрышкою в два-три перелома. Чем-то суровым веет от тёмных дырявых войлоков. Скота поблизости не видно. Дети держатся издали и смотрят исподлобья. Взрослые закутаны в одежды тёмного цвета. Что-то мрачное, угрю-

мое казалось мне в картине становища бедуинов. И это, может быть, только потому, что нас разделяет религиозная рознь.

Вероятно, бедуины со своими чёрными палатками вызывали бы у меня боле радостное настроение, если бы они были христианами и с радушием Авраама предлагали бы своё гостеприимство; но даже мой спутник в бедуинском костюме, и тот с некоторым опасением обходил подалее от шатров потомков Авраама.

— Бог их знает, — замечал он, — может быть, это разбойники. Ведь вы знаете, какая молва идёт о здешних бедуинах.

В одном только месте мы осмелились подойти поближе к колодцу, где собрались женщины и дети. Они сначала очень дичились нас, но звонкие парички заставили их подойти к нам несколько поближе.

Большую часть пути я прошёл пешком вместе с нашим «бедуином». Мы оба страстно желали поскорее увидеть Тивериадское озеро, на котором впервые раздалось евангельское ученье Иисуса Христа. История ветхозаветного Израиля прошла по суше: Ханаан,

Халдея, Египет, Синайская пустыня — вот страны библейских событий. Если евреям и случилось переходить Чермное море и реку Иордан, то и тут они дивным образом прошли, «яко по суху». Господь водил их «по пустыне великой и страшной, где змеи, василиски, скорпионы и места сухие, на которых нет воды» (Втор. VIII, 5). В этой-то сухой, безводной пустыне Господь явился Израилю и заключил с ним свой Завет. Но вот наступило время Нового Завета, и Господь являет себя на Иордане и на Галилейском море. Через воду крещения стали входить в Новый Завет. С лодки на Тивериадском озере раздалось Евангелие.

Итак христианство родилось на воде. И я теперь жаждал увидеть берега Галилейского моря, как колыбель христианства. Мы много опередили наших спутников, несмотря на то, что они ехали на ослах. Дорога шла к перевалу, от которого начинался спуск к озеру. Оно сразу нам открылось во всю ширину, но концы его терялись вдали за горами.

Я остановился в благоговейном восторге и замер от сознания важной минуты. Вероятно,

подумал я, и Христос, проходя к Тивериаде, не один раз стоял на этом перевале перед озером.

«Бедуин» выразил свой восторг более шумно и сильно. Он воздел руки к небу и громко произнёс по-гречески «Отче наш», я затем всё время читал молитвы по-славянски, пока не нагнали нас остальные спутники. Теперь уже оставалось немного до Тивериады: надо было спуститься с горы к береговой равнине и зайти с южной стороны от города. Красивое озеро среди зеленеющих берегов вызывало искренние восторги у всей моей компании. Здесь царило удивительное спокойствие. Издали незаметно было на поверхности воды ни малейшей ряби. Ни одного паруса, ни одной двигающейся точки. На небе также не плывёт ни одного облачка. Полнейшая тишина! Даже непрерывно льющиеся горячие лучи высокого солнца тоже как бы застыли в этой яркой картине.

— Какая тишина! Какое спокойствие! — непрестанно восклицал более страстный по темпераменту «бедуин».

Когда мы приблизились к Тивериаде, или

к Табарии, как теперь называют этот единственный город на берегах озера, нам стали встречаться наши соотечественники. Мы были очень довольны, что нагнали караван паломников, и согласились выступить в путь вместе с ними завтра утром. При въезде в город происходила торговля; между прочим здешние рыбаки продавали только что пойманную рыбу. Ничто, напоминающее Евангелие, меня так не обрадовало в Палестине, ни груды плодов, ни смоквы, ни масличные деревья, ни пальмовые ваии, как эта серебристая рыба в руках рыбаков на берегу Тивериадского озера.

— Сейчас же отправимся! Слышите, — говорю я своим спутникам: — сейчас нанимаем лодку и едем к Геннисаретским берегам.

Тесные и грязные улицы Тивериады с частыми поворотами направо и налево скоро привели нас к греческому монастырю. Двор и лестница двухэтажного здания невероятно грязны. Всюду толпится народ. Все комнаты заняты паломниками. У меня было рекомендательное письмо к здешнему архимандриту

Аврааму, но и он в такой тесноте бессилён был предоставить нам какие-либо удобства для ночлега. Я попросил его нанять для нас лодку, а сам с «бедуином» пошёл обозревать, как приютилась здесь такая масса паломни-

ков. Говорят, в караване было до тысячи человек обоего пола. Женщины отдельно заняли две-три комнаты в верхнем этаже. Некоторые расположились внизу в каких-то сараях прямо на земле. В одном из этих сараев была церковь, и она тоже сплошь была занята народом. Это была, кажется, самая убогая церковь, какую я встречал до сих пор в Палестине. На дворе толклись и кричали ослы и мулы. В общем, царил здесь страшный беспорядок. В коридоре мы встретили крестьянина-богомольца с котелком горячей ухи из здешней свежей рыбы.

— Продай, голубчик, хоть тарелочку ухи! — просим у него.

— Пожалуйста, кушайте, сколько хотите: я ещё себе сварю, — любезно предлагает крестьянин.

В эту минуту мы не так дорожили едой вообще, как тем сознанием, что мы едим рыбу, которую некогда ловили сам Христос с апостолами.

Вскоре пришёл хозяин лодки и договорился с нами в цене. Из моих товарищей согласились сейчас ехать только «бедуин» и старооб-

рядец купец. Остальные ссылались на усталость и позднее время. Был, однако, четвёртый час дня. Через грека-монаха мы просили лодочника везти нас в Телл-Хум на северный берег озера, где мы намеревались сделать высадку на полчаса, а затем назад в Тивериаду.

По дороге к озеру мы купили хлеба и маслин. Пристаней не было. Берег отлогий, а суда стояли в отдалении от него на якорях. На лодку нас перенесли рыбаки на своих спинах.

Невыразимый восторг охватил нас, когда мы уселись на палубной корме. Легко поверить, что и во времена Христа Спасителя лодки были на здешнем озере совершенно такого же типа, как и наша. Длиною она была около четырёх сажень. Кроме крытых кормы и носа, в лодке были две скамейки для гребцов. Невысокая мачта была наклонена вперёд, а на конце её держался своею серединою длинный реек с одним треугольным парусом. Нижний конец рейка крепился у носа лодки. С нами отправилось четыре рыбака из местных жителей.

Было тихо, и рыбаки, подняв якорь, сели в вёсла. По-русски они не говорили, и нам нель-

зя было их расспросить. А хотелось бы многое узнать непосредственно от галилейских рыбаков!

От Тивериады до Телл-Хума по прямому направлению считается десять вёрст. Собственно всё озеро в длину около двадцати вёрст, и половина этого в ширину, против Магдалы, ныне деревушки Ел-Медждель. Евангелие говорит о разъездах Христа в северной половине озера. Известное укрощение бури случилось в северо-восточной части, по дороге от Капернаума в Гергесинскую страну, откуда Христос, после исцеления бесноватого, тотчас же выехал обратно в свой город Капернаум.

Чудесное хождение по водам совершилось по пути в Геннисаретскую землю, в Вифсаиду, или в Капернаум. После насыщения народа семью хлебами Христос прибыл на лодке в пределы Магдалинския (Далмануфския) и отсюда, отказавшись дать фарисеям «знамение», отплыл, вероятно, к Вифсаиде Юлиаде. Эта последняя поездка Божественного учителя сопровождалась его беседою о воздержании от фарисейской закваски. Вот и все глав-

ные переезды, о которых упоминается в Евангелии. Понятно, что христианина тянет именно в северные воды Тивериадского озера, куда и мы тихо плыли, наслаждаясь красивым видом уходящих вдаль гористых берегов.

Здесь я отдыхал душою. Ничто нас не тревожило в эти радостные минуты. Никакого сомнения для нас не было, что мы плывём по тем водам, которые носили и Христа с апостолами. Здесь нам никто не насилдовал нашей совести, никто не продавал за деньги благодати Божией, никто не навязывал благочестивых преданий. Здесь всё было свободно, открыто, естественно. Здесь на озере, в зелёных берегах, под сводом голубого неба, был всенародный нерукотворённый храм, в котором с чистою верою легко возносилась молитва к Богу.

Мы всё более и более удалялись от западного берега, так что когда вышли на параллель деревушки Ел-Медждель (древняя Магдала), то были от неё в расстоянии трёх вёрст. Тут мы вспомнили свои маслины и дружелюбно поделили их со своими рыбаками. Питьём нам служила чистая, мягкая вода озера.

Кружка непрерывно переходила из рук в руки. Всем нам хотелось побольше отведать священных вод колыбели христианства.

Чем ближе мы были к северным берегам, тем с большим благоговением относились к незабвенным местам.

— Вот и здесь Христос явил Себя народу, — заметил нам «бедуин», когда мы были напротив ярко-зелёной Геннисаретской равнины. Он вытащил из-за пазухи небольшую книжечку, тщательно завёрнутую в тёмный платок. Это был изящный экземпляр Нового Завета на греческом языке. «Бедуин» раскрыл нам все места Евангелия, где говорится о пребывании Иисуса Христа на озере и перевёл их по-русски. Старообрядец с большим вниманием слушал чтение и очень был доволен, что известный ему, принятый в России, славянский текст благовествования не отличается от греческого. Может быть, он впервые увидел, что слово Иисус и по-гречески начинается с десятеричного и с восьмеричного «ии».

Рыбаки-лодочники во всё время гребли не переставали разговаривать между собою на непонятном для нас языке и, конечно, были

совершенно безучастны к нашим ликованиям. Мы всё время любовались ими, как потомками знаменитых рыбарей, которые своєю проповедью уловили целый мир людей. Старшего по возрасту мы окрестили Симоном Петром, а молодого — Иоанном. Для полноты картины, остальных двоих назвали Иаковом и Андреем. Но... ирония судьбы! Тут-то, где родилось христианство, дети основателей его не знают ни Христа, как Спасителя, ни Евангелия... Они мусульмане.

— Вот мы сейчас прочитали, как Христос плавал в ладье со своими учениками, — обратился «бедуин» к старообрядцу. — А приходило ли вам на мысль, что ладья-то в тот момент представляла единую соборную апостольскую церковь? Теперь уже не то: церковь раскололась надвое, вот как мы с вами в этой лодке. И мы, никониане, и вы, старообрядцы, называемся христианами, а любви-то христовой между нами и нет.

Старообрядцу не понравился этот разговор, и он хотел его замять, но «бедуин» поспешил успокоить купца:

— Я ведь не в осуждение вам говорю и не

имею в виду считаться, какая церковь более права. «Разделение» идёт с самого Адама: так уж положено человечеству. Каин и Авель, Измаил и Исаак, Исав и Иаков, Иудейское царство и Израильское, Восточная церковь и Западная, — ведь это прямо закон человечеству раскалываться на две половины. Но Христос предсказал, что Он соединит обе церкви и будет едино стадо и один пастырь.

— Да, правда, — заметил я со своей стороны, — работали две лодки на озере, Петрова и Иоаннова. Но, когда Христос вошёл в одну из них и произвёл чудесный лов рыб, то обе лодки соединились вместе.

— Дай Бог! Дай Бог! — искренно пожелали мы все соединения церквей.

ГЛАВА 21. По городам Галилеи

Капернаум — Нелюбезность католического монаха — Город Христа — Пустынность священного края — Ночью на озере — Возвращение в Тивериаду — Горячие ключи — Еврейство в Тивериаде — Священные места — По дороге в Кану Галилейскую — Чудо превращения воды в вино — Караван паломников.

Когда мы стали подходить к низкому берегу Тель-Хума, усеянного камнями, солнце уже садилось за галилейские горы. Лодочки пристали напротив католической постройки, ограждённой каменным забором. Кроме этого хана, или гостиницы для туристов, других построек не было на всём берегу. Нас встретил католический монах и, увидев бедуинский костюм одного и русский картуз и сапоги с бутылками другого, не оказал нам особенной любезности. На нашу просьбу вос-

пользоваться их минутным гостеприимством он сухо ответил:

— Вы можете располагаться здесь, как вам угодно!

И вышел.

Другой монах оказался более разговорчивым и показал нам, где предполагают место бывшего Капернаума. Мы остались бы ещё побродить немного среди камней древнего города, но наш лодочник Ибрагим настойчиво торопил ехать. Смеркалось. Мы набрали на память несколько камешков, прошлись вдоль берега и, наконец, к удовольствию рыбаков, сели в лодку. Не хотелось нам покидать так скоро берега, где столько было «явлено сил Божиих». В Капернауме Христос исцелил слугу сотника, освободил от горячки тещу Симона, выгнал нечистого духа из бесноватого в синагоге, и вообще возложением рук исцелил здесь множество страждущих различными болезнями, как свидетельствуют евангелисты. А главное — Христос поселился в Капер-

науме и имел в нём Свой дом, прославленный исцелением расслабленного, спущенного к нему через крышу. У этого дома теснились толпы народа, чтобы послушать божественного учения.

Хотя говорится в Евангелии, что апостолы Пётр и Андрей были из Вифсаиды, но в то же время евангелисты рассказывают о пребывании Иисуса Христа в доме Петра в Капернауме. Может быть, вот тут-то и было призвание трёх апостолов.

Но как страшно слово Спасителя: «И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низвергнешься!» И вот что же мы видим: город, в котором жил Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий, город, где Он проповедовал и сотворил столько чудес, теперь обратился в прах, в ничтожество. Даже не могут определить места, где он стоял. Мало того, весь северный край озера, наиболее освящённый стопами Господа, пустует до сих пор, когда православные, католики и протестанты наперерыв ста-

раются купить места, связанные с воспоминанием Спасителя. Сначала это волнует, и как будто стыдно становится за современное христианство, но, взглянув глубже в тайну домостроительства Божия, примиряешься с этим. Я вспомнил тут слова ангела Уриила Ездры: «Для того и повелел, чтобы ты пришёл на поле, где не положено основание здания. Ибо не могло дело человеческого созидания существовать там, где начинал показываться город Всевышнего». В самом деле, Господь постоянно удалялся в пустыни, где он молился и учил народ, кормил его вещественным и духовным хлебом. Созидая нерукотворённый храм, Господь ведёт за Собой народ под открытое небо. Я никогда не отдыхал так душой, как созерцая теперь зелёные склоны берегов Галилейского озера; и мне стало нравиться, что здесь нет в настоящее время ни городов, ни деревень, а развалины древних зданий поросли травой. Хоразин, Вифсаида, Капернаум, все эти города «человеческого созидания», не смогли вместить божественного дела Иисуса Христа и были уничтожены, как предсказал Он им в Своей обличительной ре-

чи.

Возвращаясь назад, мы не могли не заметить, что гордость Капернаума остаётся по-прежнему на том же месте. Нелюбезность католического монаха несколько отравила наше восторженное настроение. Впрочем, мы скоро оправились. Нас охватили новые впечатления, каких нельзя получить ни в каком другом месте.

Наступила ночь. С берега подул лёгкий бриз. Рыбаки распустили парус, и расселись по разным углам лодки, изредка перекидываясь короткими фразами. В воде отразились яркие звёзды. Очертания берегов исчезали в тёмной дали. Звёзды сверху, звёзды снизу, точно мы плывём среди небесного пространства! Мои спутники в немом созерцании неземной картины, как очарованные, не шевелились и, вероятно, чувствовали такой же дивный гимн Богу в душе своей, как и я.

— Сколько здесь святости! — наконец нарушил наше молчание старообрядец. — Мо-

жет быть, на этом самом месте Господь проходил по водам. Ведь он всё больше ночью переезжал с одного берега на другой.

Горячий «бедуин» отозвался по-своему:

— Если бы внезапно поднялась и буря, — я ничего не имел бы против этого. Подумайте, Христос вчера, и сегодня, и во веки Тот же, а потому чего нам бояться! По первому нашему зову Он протянет нам, как Петру, руку помощи. Вы что думаете? — вдруг он обратился ко мне.

— Я думаю, — отвечаю ему, — весь мир есть житейское море. Довольно с нас и тех бурь, которые мы нередко испытываем среди волнения народов. Сейчас я несказанно рад и благодарю Бога за тишину, мир и сладкое душевное успокоение, испытываемые нами. Взгляните на небо и на воду: отовсюду мигают нам ангельские очи. Право, я чувствую себя окружённым ангелами, точно я царстве небесном!..

И мы опять погрузились в сладкое молча-

ние, под лёгкое шуршание воды о лодку. Только с приближением к Тивериаде рыбаки спустили парус и взялись за вёсла. В городе царила тишина. Всё уже спало во тьме ночной. Опять рыбаки подхватили нас на свои могучие плечи и вынесли на берег. Ибрагим довёл тёмным переулком до греческого монастыря, где мы застали знакомого псаломщика ещё не спящим. Паломники потеснились и дали нам немного места для ночлега.

Рано утром паломники шумно поднялись и наперерыв спешили выйти за город на дорогу. Проснулись и мои спутники, но мы не хотели так скоро расстаться и с Тивериадой, и с озером. Рассчитывая потом догнать караван на своих ослах, мы не отправились сейчас вместе с ним, а прошли к естественным горячим ключам, текущим в озеро с южной стороны от города. Псаломщик попарился в выстроенной здесь бане, а я со старообрядцем предпочёл выкупаться в озере.

Горячие ключи имеют в себе целебные свойства, и палестинские жители нарочно

приезжают в Тивериаду, чтобы полечиться ими. Но мне показалась сама баня грязной и неудобной, да и горько-солёные воды её, говорят, слишком горячи. А главное — мне непременно хотелось окунуться в священном озере. Весь берег усеян камешками и очень мелкими ракушками. Здешние ребята, заметив, что я собираю ракушки, притащили мне их целый мешочек. Среди мелкого гольша часто попадались совершенно чёрные камни.

После разрушения Иерусалима Титом, город Тивериада становится центром еврейства. Здесь слагался Талмуд и здесь была великая синагога, потому что в первое время после восстания римляне разрешили иудеям селиться только в этом городе. И до сих пор преобладает в городе еврейский элемент.

Здесь имеются свои места у католиков и у протестантов. Первые указывают у себя даже рыбную лавку апостола Петра. Обозревать город некогда было: мы непременно желали сегодня догнать караван. Проводники арабы нарушили наши условия. Одного осла они отда-

ли кому-то из паломников большого каравана, а на другом они возложили сбоку сёдел связки сухой рыбы. Сперва мы погорячились, но потом по русскому добродушию махнули на это рукой и выехали из города. Дорога сначала шла в обход полуразрушенных стен Тивериады на север, а потом она всё более и более склонялась на запад.

В одном месте на зелёном холме мы встретили большие камни. Здесь, полагают, было чудесное насыщение народа пятью хлебами. Из двух стихов Евангелия от Иоанна (VI, 1, 23) заключают, что это происходило близ Тивериады, но Лука упоминает и Вифсаиду. Далее по дороге указывают на гору «Блаженств», т. е. то место, откуда была произнесена Иисусом Христом известная нагорная проповедь. Здесь опять приходит на память Евангелие от Луки, по которому мы можем судить, что это было близ Капернаума. Как бы то ни было, но мы знали, что проходим именно ту часть Галилеи, которая лежит между городами, часто упоминаемым в евангелии, и этого довольно нас. Здесь всё нам священо, всё дорого для

сердца нашего.

Около Хаттина вспомнили о страшном поражении крестоносцев Саладином в 1187 г. Впрочем, не столько их победили турки, сколько жара и неимение воды в июле месяце. Собственно эта битва решила борьбу христиан с магометанами из-за обладания Святой Землёй. С тех пор, вот уже семь веков, магометане непрерывно господствуют в Палестине, во исполнение Писания (Апок. XI, 2).

Часа через два мы успели нагнать хвост каравана, но, застрявши на одном водопое, снова потеряли его из вида. Большую часть пути я прошёл пешком, отдавши своего осла одной из паломниц. В одном месте, пробираясь хлебными полями, я уклонился с «бедуином» далеко в сторону. Проводники наши куда-то исчезли. И нам предстояло заблудиться, если бы не направил нас отдохавший паломник, тоже отставший от каравана.

Картины здешних мест чрезвычайно красивы. Все долины, склоны гор утопают в зеле-

ни. Предание относит к одному из здешних полей евангельский случай, когда ученики Христовы в субботу растирали в руках хлебные колосья и ели.

Кана Галилейская

Второй раз мы нагнали караван в Кане Галилейской, где имеется в настоящее время православная церковь. Народ занял весь ограждённый двор при церкви и тотчас зашу-

мел жестяными чайниками. Я пробрался между кострами в церковь. Толпы паломников прикладывались к образам и ставили свечки. В память чудесного превращения воды в вино здесь поставлены древние каменные массивные урны, вышиною немного меньше аршина. Предание относит их к временам спасителя. Весьма возможно. Но были ли они в числе шести водоносов, в которых по слову Господа вода превратилась в вино, — это ещё вопрос.

По поводу этого чуда в Кане Галилейской мне пришлось услышать интересный разговор «бедуина» с одним странником из толпы народа. Как они столкнулись — мне неизвестно. Я их застал на середине разговора.

— Первое чудо, — ораторствовал странник, — которое сотворил Христос, это превращение воды в вино, а последнее Его чудо — превращение вина в кровь на последней вечере в Сионе. В этом последовательном перехождении воды в вино, а вина в кровь, указывается на состав и развитие человеческого

естества. Сперва — плотяное, потом — душевное и наконец — духовное. До Христа люди жили по плоти, а с Его пришествием стали жить по духу. Моисей тоже первое чудо пред всем египетским народом дал в таком же роде: он превратил воды в кровь.

— А нельзя ли, — прервал его «бедуин», — так понимать это чудо? Кончилось вино — кончилось пророческое писание Ветхого Завета. Приходит Христос и даёт новое вино — учение Нового Завета. И новое оказалось лучше старого. Ведь Сам Христос называл своё учение новым вином, когда говорил, что молодое вино не вливают в мехи ветхие.

— Хорошо, — возразил странник, — но как вы объясняете, что сперва в сосуды была влита вода, а потом уже по слову Господа сделалась вином?

«Бедуин» ни на минуту не смутился. Он как бы ждал такого возражения и потому сейчас же ответил:

— Обыкновенная вода, как известно из беседы Христа с самарянкой, означает человеческое учение по науке, по философии; но Христос его одухотворяет, и получает пречудное вино премудрости Божией, как говорится о сём в притчах Соломона.

Паломники обступили тесным кольцом двух книжников и, как видно, с удовольствием слушали их, потому что один седовласый старичок низко поклонился «бедуину» и сказал ему:

— Спасибо вам, братцы! Теперь и мы можем сказать, что были в Кане Галилейской и, благодаря вам, пили духовное вино. Пречудно разъяснили! Спаси вас, Господи!

Может быть, «бедуин» с странником ещё долго беседовали бы, потому что они принялись раскрывать таинственное значение брака в Кане Галилейской, но народ стал сниматься для последнего перехода в Назарет. Караван растянулся версты на две, если не больше. Желая его рассмотреть детально, я с

«бедуином» прищпорили, если так можно выразиться, ослов и стали понемногу обгонять путников. В середине каравана ехал верхом на лошади священник. «Бедуин» что-то спросил его и в свою очередь получил вопрос:

— Зачем это вы в таком костюме?

Из подражания Христу и Его апостолам. Я думаю, они ходили приблизительно в таких же костюмах.

— Не в костюме мы должны подражать Христу, а в жизни, — наставительно заметил священник.

— Батюшка, а зачем священники и монахи рясы носят?

На этот вопрос «бедуина» священник ничего не мог ответить. Мы поехали дальше. Страшная пыль поднималась из под ног паломников. Вероятно, это одно из главных обстоятельств, которое заставляет их растягиваться на несколько вёрст. Только голова ка-

равана шла довольно скученно. Тут были, большей частью, крепкие молодые люди.

Не желая глотать пыль, мы решили обогнать караван и ехать несколько впереди его. Немного уже и оставалось до Назарета. Кучка городских мальчиков вышла нам навстречу и продавала небольшие цветные шарики. Паломники моментально их раскупили. встречали нас и воспитанники русского пансиона, в фесках и в однообразных серых пиджаках поверх полосатых кумбазов. Они приветствовали нас по-русски и вместе с караваном прошли до русского дома.

ГЛАВА 22. Праздник Благовещения

В Назарет — Источник Божией Матери — Всенощная в православном храме — Приют русских паломников — Ночью в городе — Оливковое масло — Обедня на праздник Благовещения — Пляска арабов — Митрополит Фотий — Два Благовещения Деве Марии.

На этот раз я вступил в Назарет с северной стороны. У меня было рекомендательное письмо к одному из учителей здешнего пансиона, К. И. Кеназе. Он принял меня в свою семью с чисто восточным гостеприимством. Мне вдвойне было приятно остановиться у любезного учителя: во-первых, я пользовался удобным помещением, а, во-вторых, я мог непосредственно видеть настоящую арабскую жизнь назаретского жителя, так как отец К. И. Кенадзе — природный араб, зани-

мающийся здесь торговлей.

Диакон не дождался праздника и уехал отсюда в Кайфу. По своей рассеянности он оставил там, в квартире агента, у которого мы ночевали, около девятисот рублей. Деньги не нашлись, и диакон, говорят, совсем упал духом. Ему посоветовали пожаловаться русскому консулу в Иерусалиме.

Не успели паломники отдохнуть с дороги, как поспешили они к всенощной в греческую церковь. Народу было и без русских очень много, потому что к этому дню, накануне праздника Благовещения, в Назарет съезжаются православные арабы не только из окрестных деревень, но и из дальних городов.

До начала службы русские паломники спешили напиться из святого источника Божией Матери в пещере Благовещения. Один арабский мальчик пробрался к колодцу, завладел большим ведром на толстой железной цепочке и стал давать воду за деньги. Народ тискался в беспорядке, вырывал друг у друга ведро,

проливал воду на пол, бранился с мальчуганом, требовавшим деньги... Наконец, наш горячий «бедуин» не вынес этого безобразия в таком святом месте и прогнал арабского мальчика. Сильной рукой он быстро доставал воду из глубокого колодца и поил народ, не выпуская из своих рук ведра. Паломники чинно подходили, пили не торопясь, сколько хотели, даже отливали воду в принесённые бутылки. Мы смотрели и удивлялись на своего неутомимого бедуина. Ведь, через его руки таким образом прошло более двенадцати сот человек!

На всенощной присутствовал сам назаретский владыка, митрополит Фотий. Он стоял в своей стасидии, около правого клироса, и принимал деятельное участие в службе, делая возгласы поочерёдно на трёх языках: по-гречески, по-русски и по-арабски. Некоторые псалмы он читал наизусть, поражая нас, русских, удивительной памятью. Митрополит не отставал от своего клира и в пении. В некоторых песнях он только, так сказать, аккомпанировал, время от времени протягивая одно-

тонные звуки. Это вообще в обычае восточного пения.

Поздно вечером, когда было порядочно темно, кончилась всенощная. Всё множество паломников двинулось к русскому дому и к школе Палестинского общества, где заведывающие этим домом и учителя хлопотали из всех сил, чтобы удовлетворить такую массу народа. Инспектор галилейских учебных заведений, П. П. Николаевский, начальник назаретского мужского пансиона, А. Г. Кезма, и учитель К. И. Кенадзе почти всю ночь провели около паломников, устраивая им ночлег, добывая воду, дрова для костров, пищевые припасы, прекращая в то же время всевозможные пререкания между паломниками и горячими арабами.

Я лёг было в отведённой мне горнице на самом верху дома, но от жары (город находится в котловине между гор) и от возбуждения нервов мне не спалось. Накинув на плечи арабский аба, я спустился вниз и по тёмным кривым переулкам пробрался к ночлегу на-

ших паломников. Около гигантских котлов с водой толпился народ с чайниками. Вот бежит знакомый учитель.

— Куда вы? — спрашиваю его.

— За солью. Соли просят паломники.

И пустился дальше. Я подивился его усердию и прошёл в большие классные помещения, отданные русским гостям. Здесь с первого взгляда трудно было понять, что делается. Но, судя по радостно возбуждённым лицам, все были довольны и веселы. Многие уже легли спать. На углу ближайшей улицы арабские торговцы оживлённо продавали хлеб и фрукты. Над всем этим кварталом широкими волнами проносился едкий дым костров.

Побродив ещё немного по улицам священного города, я поднялся на свою вышку. Дверь выходила на плоскую крышу дома. По склонам горы здесь одно здание лепится над другим, и очень трудно разобратся, что принадлежит какому хозяину, а в темноте — тем бо-

лее.

Город спал. Только чуть слабый говор доносился сюда с места ночлега паломников. Пламя костров освещало там полосу дыма, всё остальное кругом было погружено в непроницаемую тьму. Одни сверкающие звёзды, как неизменные стражи неба, готовы были бодрствовать всю ночь. Полюбовавшись ими, я ушёл в свою горницу и наконец заснул.

Утром приходит ко мне старик-хозяин и приглашает меня вниз, где сидели за столом только одни мужчины. Хозяйка дома, симпатичная полная арабка, любезно предложила мне туземные кушанья.

Так как в Палестине в большем употреблении оливковое масло, чем коровье, то я попросил попробовать его в чистом виде. Мне налили в тарелку зеленоватой жидкости и подали её с кусками белого хлеба. Тут только я впервые оценил, что за прекрасный вкус и запах чистого свежего масла, выбитого из

здешних маслин! Назарет вообще славится своим маслом и, мне кажется, вот откуда надо его выписывать в Россию для священных лампад пред чудотворными иконами Божией Матери. И вспомнилось мне повеление Господне Моисею, которое теперь часто забывается:

«И вели сынам Израилевым, чтобы они приносили тебе елей чистый, выбитый из маслин, для освещения, чтобы горел светильник во всякое время»

(Исх. 27, 20).

Обедня прошла при таком же множестве народа, как и вчера всенощная. Несмотря на тесноту, все молились с видимым усердием; особенно в этом отношении выделялись прибывшие сюда из окрестностей арабы. Приняли участие в богослужении и русские. Смешение языков, какое здесь замечается в день Благовещения, нисколько не портило общего впечатления от торжественной службы. Напротив, это видимое единение народов толь-

ко радовало нас, русских, и чувствовалось, как будто Христос здесь ближе, чем в другом месте. Его Божественные слова — «по тому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою» — надо бы надписывать над входом каждого христианского храма, чтобы мы помнили главную заповедь нашей религии. Говорят, в этот самый день греки оказали в здешнем храме какое-то препятствие русским учителям. Признаюсь откровенно, я проглядел этот неблагоприятный поступок греков и услышал о нём лишь много дней спустя.

Восторженные арабы, прибывшие в Назарет издалека, после обедни собрались во дворе греческого монастыря, чтобы принести поздравление митрополиту Фотию. Он вышел на балкон и, красноречиво приветствовав свою паству, благодарил её. В ответ на это арабы закричали и стали прыгать, шуметь и плясать, быстро помахивая обнажённым оружием. Для русских такое странное выражение восторга и религиозного чувства, конечно, было ново и непонятно, но для южанина,

особенно для горячего араба, оно положительно необходимо. Араб в своём экстазе — как огонь. В это время он не может сдерживать себя. Ему нужно непременно шуметь, кричать, прыгать, бушевать, плясать, нужно вылить, выразить в чём-нибудь всю страсть, весь пыл своей натуры.

Посетил и я со своей компанией митрополита Фотия, высокого статного грека, с умным лицом, с выразительными глазами. Он известен на Востоке за человека выдающихся способностей. Ему не было ещё тридцати лет, как в Иерусалиме единогласно избрали его на патриарший престол, но в Константинополе воспротивились избранию такого молодого инока (в настоящее время митрополит Фотий утверждён александрийским патриархом).

Митрополит Фотий прекрасно изъясняется по-русски. Мы попросили его объяснить нам, почему православные в Назарете указывают на свою пещеру с колодцем, как на место Благовещения, а католики утверждают, что оно происходило в их храме.

Митрополит совершенно спокойно, не отрицая утверждения католиков, передал нам следующее:

— Православный храм, в котором вы были, очень древний; известно, что он был построен на месте разрушенного храма, происхождение которого относят, чуть ли не к первым временам византийских императоров. Понятно, что если они строили в те времена храм в Назарете, то строили его, конечно, на месте, связанном, по преданию, со священными воспоминаниями. Важнейшее событие, происходившее в Назарете, как вам известно, — это Благовещение. Поэтому, весьма вероятно, оно и происходило на месте нашего храма. А так как под ним находится главный в городе источник, то тем более вероятно предположить, что здесь, когда Матерь Божия почерпала воду, явился Ей архангел; а потом уже он подтвердил Ей своё Благовещение окончательно в доме.

Мы благодарили митрополита за его бес-

пристрастное объяснение и попросились с ним. Каждого из нас он благословил и одарил на память образком или чётками.

На другой день, испив святой воды у источника Божией Матери и поклонившись иконе Благовещения, на которой Святая Дева Мария изображена стоящей у колодца, мы стали собираться в Иерусалим, но на этот раз другим путём — через Самарийские горы.

ГЛАВА 23. Ездрилонская долина

Выезд из Назарета — Салим мукари — Инспектор П. П. Николаевский — Переправа через ручьи — В Ездрилонской долине — Фаворская битва — Караван в пути — Недостаток в знающем проводнике — Селение Буркин — Арабское священство — Обстановка сельской жизни — Исцеление Христом десяти прокажённых.

Меня разбудили в три часа ночи. Темно. Я поспешил одеться и вышел на крышу дома. Вдали слабый гул голосов.

— Не караван ли это отправляется? — подумал я про себя и постучал в комнату хозяина. Старик-араб вышел навстречу, и мы вдвоём спустились на улицу. Накануне мы сговорились, что он найдёт мне проводника-мука-

ри с ослом до Иерусалима. Подходим к русско-
му дому. Здесь всё тихо.

— А караван где? — спрашиваю.

— Давно ушёл.

*Группа палестинских арабов – крестьян
(феллахи)*

Может быть не дождался меня нанятый
вчера мукари или просто обманул, но только

здесь осла не было для меня. Пришлось старику-арабу снова похлопотать с наймом осла и взять первого попавшегося. Я простился с гостеприимным хозяином, горячо благодарил за его внимание и поехал со своим проводником Салимом. Этот феллах из небольшой деревни близ Иерусалима главным образом занимался поставкой ослов для русских паломников. И теперь в караване он гонит их около десятка при двух работниках. Салим немного знал русских слов, но довольно для того, чтобы переговорить о необходимом с паломником. Он усердно угощал осла уколами своей острой палки, желая скорее догнать караван. Но его и след простыл!

По дороге к нам присоединились ещё запоздавшие паломники. Наконец, мы взобрались на край горы Назарета. Перед нами внизу темнела Ездрилонская долина. Стало чуть-чуть рассветать. Попадается навстречу П. П. Николаевский, инспектор галилейских школ Палестинского общества, с фонарём в руках. Поздоровались. Оказывается, он и эту ночь бодрствовал с паломниками и сейчас

проводил их за город.

— Далеко теперь караван? — спрашиваю его.

— Порядочно. Но вы успеете его догнать ещё до первой остановки.

Мы попрощались с взаимными пожеланиями всякого благополучия и разошлись. Я удивлялся заботливости Павла Павловича о паломниках.

— Слава Богу, — подумал я, следя за удалявшимся огоньком инспектора, — здесь работают не по-чиновнически!

— Елла, елла (скорей, вперёд)! — понукает осла погонщик.

Спуск в долину оказался очень трудным. Я предпочёл идти пешком, хотя Салим и уговаривал меня остаться на осле. Позади нас ехала верхом толстая женщина и ругалась со своим проводником.

*Караван паломников перед отправлением
из Иерусалима*

Вдруг громкий крик, и она свалилась на землю. Мукари снова посадил её на осла. Я спросил неудачную амазонку, — не ушиблась ли она.

— Немного ногу зашибла.

Сойдя в долину, я снова сел на своего осли-

ка, с высоко подтянутыми стремянами, и в утреннем полумраке поехал среди полей.

Ездрилонская долина испещрена множеством ручейков, которые сливаются в одну речушку Нахр-Ель-Мукатта, или библейский поток Киссон. Это чрезвычайно плодородная долина — естественная граница Галилеи от Самарии — перерезывает гористую Палестину от Иордана до самого моря. В дождливое время года здесь едва можно пройти или проехать, но в моё время, то есть 27 марта, некоторое затруднение представляли только ручейки, и то не все. Мы нагнали караван во время переправы через один из таких ручейков. Иные паломники с удивительным самоотвержением, по колено в воде и иле, переходили прямо вброд; другие нанимали за «металлик» арабов и на их спинах верхом переправлялись на другую сторону. В этом случае большое преимущество имели все сидящие на ослах и мулах. Но и с ними нужно переправляться очень осторожно, потому что маленькие копытца их далеко уходят в мягкий иловатый грунт, и эти слабые животные ино-

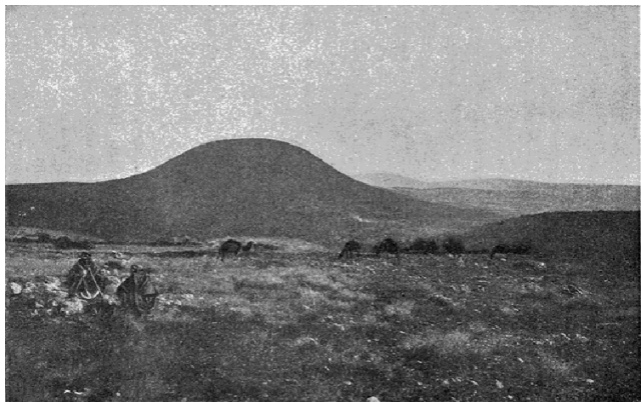
гда едва выкарабкиваются из воды.

Вскоре совсем рассвело, и моим глазам представилось оригинальное зрелище. На обширной равнине, теряющейся из вида на северо-западе и юго-востоке, версты на три длинной лентой растянулись паломники. Впереди идут пешие густой колонной, потом вперемежку с верховыми на ослах и мулах, а в хвосте почти исключительно всадники, да кое-где отсталые по немощи или болезни.

Впереди и позади виднеются горы. Все знакомые имена: Фавор, Ермон, Кармил, Гелвуй. Высокие дальние горы как бы подчёркивают обширность Ездрилонской долины. Казалось бы, мы, русские, должны привыкнуть к равнинам, а между тем здешней долиной поражаешься, как чем-то особенным.

В виду Фавора

Но это, пожалуй, будет понятно, если вспомнить, что всюду в Палестине обыкновенно встречаешь горные кряжи, предгорья,

холмы, так что равнина здесь кажется действительно чем-то необычайным.

На первом привале для отдыха ко мне подошли несколько паломников и просили рассказать что-нибудь о здешних местах. На Ездринской долине происходило множество битв со времён глубокой древности, но я им рассказал только про известную Фаворскую битву израильтян с Сисарой, которую начала пророчица Девора, а кончила Иоль, жена Хевевера, так что вся честь победы выпала на долю женщин (Книга Судей, 4 и 5 гл.).

— Сражались здесь, — говорю я им, — и все окрестные народы, и египтяне, ассирийцы, халдеи, и греки, македоняне, персы, римляне, и арабы, турки, европейские крестоносцы, и даже Наполеон был здесь.

— Как, — с удивлением спрашивают меня, — и Наполеон тут воевал?

— Вот на этом самом месте, в виду горы Фавор, он разбил около двадцати тысяч сирийцев.

Главная остановка каравана для обеда была сделана около источника, когда мы приблизились к холмам Гелвуя. Я обошёл всех паломников и полюбовался пёстрой картиной, которую создавали живописные группы людей, собравшихся сюда во имя Иисуса Христа. Почти у всех обед состоял из хлеба с солью и воды; только у некоторых виднелись в руках перья зелёного лука. Этот обед на зелёной равнине, благоухающей медовыми цветами, живо напомнил мне чудную евангель-

скую трапезу, когда Христос насытил пятью хлебами пять тысяч человек.

С нами ехал доктор и ещё один представитель Палестинского общества, в качестве начальника каравана. Кроме них, я заметил священника с двумя-тремя клирошанами из иерусалимской духовной миссии. Охранителями же каравана и путеводителями его были два каваса верхом на превосходных арабских лошадях.

Когда поотставшие паломники подошли к месту привала, шедшие во главе каравана уже успели закусить и подымались в путь, чтобы опять идти впереди всех. Таким образом, караван растягивался на несколько вёрст. Это было неудобно для наших охранителей, и они всеми силами старались сдерживать стремительность передовых, но ничего не могли поделать с ними. Мне говорили, что они так спешат идти вперёд, чтобы первыми захватить лучшие места на ночлеге. Мотив совсем не христианский.

Башня Зерын (Израель)

До первого ночлега было двадцать пять вёрст. Если бы не переходы через ручьи, дорогу надо считать хорошей и живописной. Окружающая зелень, разубранная душистыми цветами так приятно ласкала зрение после утомительных тяжёлых каменных громад, виденных мной в Иудее. В одном только чувствовался недостаток: не было человека, который бы мог указать исторические места. Проводники-мукари умеют только назвать по-арабски существующие города и сёла, и то

далеко не все. У меня была с собой карта Палестины, но и она мало помогала. Спросишь мукари, как называют арабы этот город.

— Лхррмррь! — скороговоркой выпалит он несколько непонятным гортанным звуком и как бы вдобавок к своему ответу сильно ударит палкой осла, отчего тот весь вздрогнет и неожиданно прыснет в сторону.

Вот налево виднеется большой городок. В другой стороне на горе тоже как будто селение. Что это такое? Никто не может сказать. Даже кавас черногорец, проезжавший здесь много раз, и тот назовёт только главные пункты по-арабски. Арабские названия, вне связи с историей, для любопытствующего туриста, конечно, имеют мало значения. В Палестине ведь оставили свои следы почти все народы, побывавшие в ней. Положим, для русского паломника было бы достаточно отметить хоть одни библейские места, он и за это скажет спасибо.

Например, по дороге из Назарета к сама-

рийским пределам мы должны проходить близ места древнего города Изрееля, не один раз прославившегося печальными событиями. «У источника, что в Изрееле» стояли лагерь израильтяне перед битвой с филистимлянами, в которой так грустно окончил свою жизнь первый царь Саул. Здесь же, в Изрееле, другой их царь, бедный Ахав, имел вторую резиденцию, вероятно, летнюю, потому что этот город расположен в высокой прохладной местности и пользуется здоровым климатом (См. Robinson. Researches in Palestine, III, 164). Его жена, нечестивая Иезавель, приказала в Изрееле коварно убить Навуфея и насильственно завладела его участком земли. Суровый Ииуй начало своей революции проявил тоже в Изрееле, убив несчастного царя Иорам и его развратную мать Иезавель. Но где же этот город, считавшийся в числе предельных селений колена Иссахарова? Подходили ли мы к нему? В караване не от кого узнать. Хотя учёные палестиноведы указывают на развалины башни в селении Зерын, как на остатки Изрееля, но не надо забывать, что в Палестине оставили следы своих вооружений и рим-

ляне, и рыцари-крестоносцы, а местность Зерына представляет очень крепкую военную позицию.

Две мелющие в жерновах. Мт. XXIV. 41.

В 4-м часу вечера мы прибыли в селение Буркин, где была маленькая православная церковь. Полагают, что это и есть та самая некая весь, при входе в которую встретили Христа десять прокажённых.

Весьма вероятно, что это событие — очищение десяти прокажённых — именно здесь

и происходило, потому что в то время Христос проходил между Самарией и Галилеей (Лук. 17, 11). Другие указывают на соседний городок Дженин, находящийся тоже по пути из Назарета в Иерусалим.

Селение Буркин расположено на полугоре над долиной, где протекает небольшая горная речушка. Кругом густая заросль. Видны несжатые хлеба, финиковые пальмы, смоковницы и оливы. Несмотря на усталость, меня потянуло побродить по окрестностям. Я спустился вниз под гору, к ручью. Арабки наливали здесь воду в свои чёрные, глиняные кувшины и, искусно ставя их на головы, уходили в селение. Ребятки обычно приставали с просьбой бакшиша. Один араб принёс целый ворох пальмовых листьев и стал продавать их по парочке. Я купил у него ваию около двух сажен длиной. Верхушку срезал, чтобы сохранить её, как «ветку Палестины», а из толстого конца черенка сделал тросточку.

Все ближайшие к дороге дома и дворы были заняты паломниками. Мне предложили

для ночлега один из домиков здешнего священника-араба. Впрочем, я не знаю, как и назвать это помещение, домом ли, сараем ли, или отдельно стоящей комнатой. Это была небольшая мазанка с глиняными нарами по двум стенам, с земляным полом и с кровлей из жердей. Вместо окна небольшое отверстие. Ни украшений, ни мебели; буквально, ничего не было, кроме двух-трёх циновок. Хозяин священник, пожилой человек, лежал больной в другом, более обширном помещении. К нему набилось много народу, и расположились на полу на ночлег. Некоторые сердобольные люди обратили внимание на больного и стали за ним ухаживать. Я попросил каваса найти нашего доктора и привести его к больному. Между тем пришли ко мне арабки с предложением сварить или испечь чего-нибудь на ужин. Вероятно, они были из семьи священника. Меня поражала бедность обстановки. В Палестине всё сельское духовенство из местных арабов, малообразованное, бедное; всё же правящее духовенство, — патриархи, митрополиты, епископы и архимандриты, — из греков.

Греки господствуют здесь, собирают жатву со святых мест, покупают себе выгодные положения и почётные звания. Таким образом, бедные арабы находятся под двойным игом магометан и греков.

Я вышел посмотреть на сельскую жизнь туземцев. В первом же проулке попались здешние оригинальные печи для хлеба, или скорее, для хлебных лепёшек. Это не что иное, как аршина в полтора в основании усечённый конус из глины, открытый сверху для топлива. Сперва накаливают в нём камни, а потом кладут на них тесто и печь закрывают, пока оно не испечётся в ней.

В улицах распространился запах печёного хлеба и едкого дыма. Паломники успели все разместиться и теперь ужинали. Слышен оживлённый говор всюду на огороженных дворах, особенно в ограде здешней церкви. Вот с бляением прошёл мелкий скот по дороге. Стало смеркаться. Я вернулся в свой однокомнатный дом и попросил арабку принести мне чего-нибудь на ужин. В соседнем доме,

где лежал больной священник, стоял гул от многочисленных голосов. Слышны слова из Евангелия. Должно быть, ведут беседу на религиозную тему. Вскоре входят ко мне две женщины-паломницы и с ними высокий здоровый бородач, как оказалось потом, бывший гвардейский солдат Павловского полка.

— Позвольте вас спросить? — обращается ко мне одна из женщин. — Вы так хорошо давеча утром объясняли! В этом месте, говорят, Господь исцелил прокажённых и сказал им, чтобы они пошли и показали священникам. Девять послушались Господа, а десятый — самарянин — не послушался и вернулся к Нему; и за это Господь его похвалил, а послушников осудил. Как же это так?

Все трое уставились на меня, как бы говоря: «Что, учёный барин, попался!»

— Тут вы затрагиваете Господа, — говорю им, — очень важный вопрос о законе и вере. Прокажённые пошли по закону благодарить Бога очистительной жертвой, а вера вернула

одного из них ко Христу.

Но в данном случае это не было ослушанием Господа. Напротив, самарянин по вере и послушался Христа, и закон исполнил. Ему говорят: покажись священнику! Он и пошёл. Но куда? Не к немощному священнику, который имеет нужду ежедневно приносить жертвы сперва за свои грехи, а к истинному, совершенному Первосвященнику по чину Мелхиседека, к Иисусу Христу. Те девять пошли приносить кровавые жертвы, а самарянин принёс Богу лучшую жертву хвалы. Таким образом, он по вере оказался большим исполнителем закона и послушником Господа.

Мои слушатели были вполне удовлетворены этим ответом. Они попросили разрешения задать мне ещё несколько вопросов, и беседа наша затянулась на несколько часов, так что мне самому нужно было напомнить им, что завтра караван снимется ещё до рассвета, а потому не мешает нам немного отдохнуть. Солдата я пригласил ночевать в моей комнате.

ГЛАВА 24. Через Самарию

Езда на ослах — Недостаток съестных припасов — Отчего заболевают паломники в пути — Англичане-туристы — Самария — Атака ребятишек — Канун мусульманского праздника — Набулус, или Сихем — Колодец Иакова.

На другой день, задолго до рассвета, паломники поднялись и часть их сейчас же двинулась в путь в темноте, чтобы быть первыми и на следующем привале. Вся остальная масса отправилась с рассветом. Дорога шла через Самарию с одного холма на другой, из одной долины в другую. Часто попадались ручьи. Зелень встречалась также повсюду. Местами проезжали полями. Хлеб уже в колосе, и кое-где начинали жать. Наши ослы, мулы и лошади так и рвались к созревшей пшенице.

Привал каравана паломников

Особенно трудно в это время справиться с ослом. Обыкновенной палки он не слушался, а от варварского способа колоть ему шею иголкой я отказался. У моего осла и так вся шея и зад были истыканы до крови иголками погонщика. Вообще, надо заметить, езда верхом на осле не представляет большого удовольствия. Кроме того, что трудно заставить идти это упрямое животное по намеченному пути и с желаемой скоростью, испытываешь порядочные муки от неудобного сидения. Вместо седла бедные арабы кладут на спину

осла толстую, широкую подушку, которую с трудом обхватываешь ногами. Стремена на верёвочках подвязываются высоко, что заставляет поджимать ноги; а если протянешь их, то рискуешь оборвать стремяна. Это у меня и было раза два. К счастью, я ни разу не падал с седла. Только однажды случилось, когда я, вынув затёкшие ноги из стрёмен, вдруг скатился через голову осла и стал на ноги прямо на землю.

Кстати, та женщина, которая упала с осла при выезде из Назарета, оказалось, получила серьёзный ушиб. Сперва она не обратила внимания, но потом дорогой нога её всё более и более пухла и причинила ей и доктору немало хлопот во время пути до самого Иерусалима.

Я и спутник мой «бедуин», не запаслись провизией на дорогу, рассчитывая покупать её в попутных сёлах и городах, и не раз в этом раскаялись. Бедные арабы встречающихся селений очень часто не могли предложить нам даже своих хлебных лепёшек. Предприимчи-

вый купец мог бы хорошо заработать, сопровождая караван русских паломников походной лавочкой, или устраивая в некоторых местах привала временную торговлю.

Мне кажется, большая часть болезней у паломников в пути является от простуды, как и говорил раньше, да от плохого питания. Ведь так легко проследить здесь, чем он питается в это время. Если предстоит большая остановка, он спешит развести огонь, вскипятить воды и напиться чаю с российскими сухарями. Это — те самые сухари, которые он задолго до паломничества приготовил у себя дома в Тамбовской или Тверской губернии.

И можно себе представить, какой они принимают вид от времени и сырого воздуха, залежавшись у него в котомке по пяти, по шести месяцев! Напившись чайку, он опять набирает в чайник воды, крошит в неё сухарей и отправляется дальше. По дороге от жары и усталости он часто прикладывается к своему чайнику и потягивает вредную для желудка сахарную бурду. В конце концов, большинство страдает расстройством желудка и ди-

зентерией. Ещё хуже на тех коротких привалах, где приходится паломникам пользоваться горячей водой для чая у арабов. Я нарочно заезжал впереди каравана, чтобы проследить продажу яко бы кипятка. Стоят около дороги три-четыре чёрных котла. Около них возятся арабки и ребяташки. Одни усердно подтаскивают хворост, другие — воду. Костры горят громадным пламенем. Вот подходят первые паломники и быстро разбирают за парички горячую воду. Арабки сейчас же доливают котлы холодной водой. Между тем подходят следующие паломники, всё больше и больше, окружают котлы, протягивают чайники.

Они не спрашивают, вскипела ли вода. Только давай скорей! Костры горят во всю силу, — чего тут спрашивать! Арабки едва успевают удовлетворять их требования. И вот, за исключением немногих, паломники напиваются недокипячёной воды и расстраивают пищеварение.

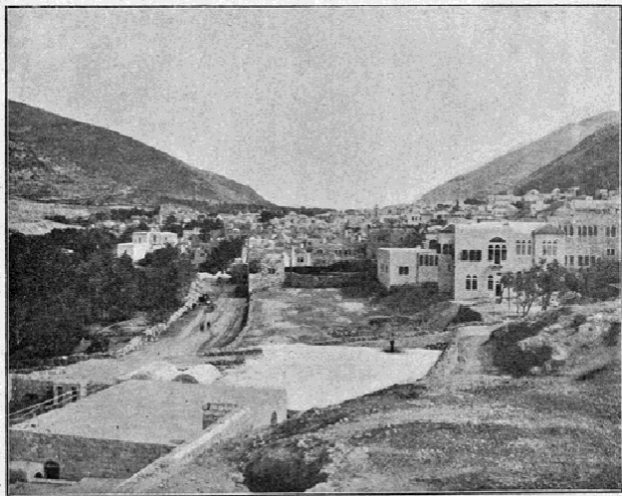
К своему счастью, я не пью чаю, и потому мне не приходилось обращаться к арабкам за сомнительным кипятком. Несмотря на то, что

я пил сырую воду прямо из источников, колодцев и водоёмов, во всё время путешествий по Палестине ни разу не мог пожаловаться ни на какую болезнь.

Приближаясь к остаткам древней Севастии, или Самарии, мы встретили на одном холме, с которого открывался вид на Средиземное море, две палатки с английским флагом. В стороне стояло несколько прекрасных лошадей и мулов. Около них суетливо хлопотали арабы. Два высоких англичанина с сигарами в зубах вышли из палатки и, заметив движущийся караван, на минуту скрылись в неё и снова вышли с фотографическим аппаратом.

Это уже не первая встреча с англичанами в Палестине. В Галилее мы наткнулись на большую кавалькаду мужчин на прекрасных лошадях, сопровождавших почтенную даму в маленькой каретке на носилках, напоминающей китайский паланкин. Но разница та, что носилки несли не люди, а два мула впереди и позади каретки. Вот с таким комфортом путе-

шествуют англичане!

Городь Набулусъ, древній Сихемъ.

В Иерусалиме также есть контора всесветного «Кука», в которой можно достать все удобства для путешествий по Сирии, но это доступно только для богатых людей.

Интересный разговор по поводу их я подслушал у паломников.

— Это из какого же народа они будут? — спрашивает один другого.

— Англичане, вот те, что с бурами теперь воюют.

— Так чего же эти гуляют, когда у них война?

— Да, ведь, они сами не воюют: у них войско наёмное. Богатый народ! Денежки чего не сделают: вот они тут, видишь, как путешествуют, а в Африке за них сражаются иностранцы. Мечтают весь мир завоевать через свои богатства.

— Кая польза человеку, «аще приобретет мир весь, и отщетит душу свою»? — с укором произнёс вопрошавший.

Считают около двадцати пяти вёрст от Буркина до Самарии. Сегодня, 28-го марта, канун главного магометанского праздника Курбан-Байрама, а потому надо спешить скорей засветло к месту ночлега, чтобы избежать встречи с фанатизмом мусульман. С правой

стороны от дороги на высокой горе показались здания города и выступающий из-за них храм. Нас встретили греческие священники с иконой Иоанна Крестителя в руках и поочередно подносили к проходящим паломникам, за что, конечно, они охотно жертвовали свои парички. Лично я очень огорчён был, что не мог посетить гробницу своего патрона Иоанна Предтечи.

Из города выбежали мальчишки и с высоты стали бросать в паломников камнями. Наш кавас Михаил припугнул их плёткой. На мгновение они скрылись в кустах, чтобы опять ещё сильнее атаковать нас каменным градом. Пришлось кавасу пришпорить свою лошадь, подняться на гору и прогнать ребят в самый город.

Это нападение мусульманских детей напомнило нам дерзких ребяташек около Вефиля, которые дразнили пророка Елисея. Но тогда по слову пророка «вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребёнка».

Теперь не только около Вефиля, но, пожалуй, во всей Самарии и Иудее нельзя найти такого леса, в котором бы водились медведи. Ещё можно в долинах и по склонам гор найти зелёные рощи, но вообще-то вся горная южная половина Палестины представляет оголённый камень под палящим солнцем.

До Набулуса, древнего Сихема, оставалось около десяти вёрст. Всех паломников сбили в кучу и просили не расходиться, чтобы жители Набулуса, фанатичные магометане, не могли обидеть оставших и отделившихся от общей массы. Также просили не останавливаться, если даже будут продавать арабы съестные припасы. К нашему каравану присоединился турецкий солдат на горячем арабском скакуне, вероятно, присланный турецкой администрацией.

В виду завтрашнего мусульманского праздника, представители Палестинского общества телеграммой просили турецкое на-

Водоемъ Иакова.

чальство оградить русских паломников от возможных оскорблений.

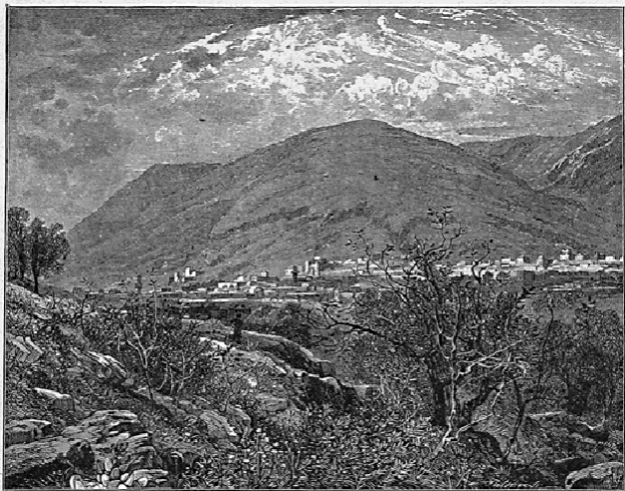
Рассказывают здесь, что в последнюю русско-турецкую войну город Набулус послал от себя целый полк, и из него будто бы не вернулось домой ни одного человека. С тех пор жители этого города не могут равнодушно видеть русских. Судя по беспокойным движениям начальника каравана и разъезжающих взад-вперёд кавасов, можно было заключить,

что опасения их в самом деле были серьёзны; и паломники, обычно плохо подчиняющиеся дисциплине в пути, на этот раз шли сжатой толпой. Побывавшие раньше в Палестине тоже свидетельствовали, что жители этого города осыпают русских камнями. А нельзя пройти иначе, как через город, между двумя библейскими горами Гевал и Гаризим.

Благодаря телеграмме, по сторонам дороги в город была выставлена охрана турецких войск. Да и надо было: народ тесными толпами выступал на встречу каравана и, если не кидал камней, то сопровождал паломников ругательными кличками.

На всём пути от Назарета до Иерусалима Набулус — самый большой город. Он имеет несколько мыловарных фабрик и ведёт сравнительно порядочную торговлю. В библейские времена он назывался Сихемом и известен был ещё Аврааму. Этот город есть среди́на Святой Земли, между морем и Иорданом. От Сихема в равных расстояниях (около 50 вёрст) лежат Иерусалим и Назарет, Яффа и

Ерихон. А потому понятно, что Авраам первый свой жертвенник в Земле Обетованной поставил в дубраве Море, около Сихема, и что именно здесь явился ему Господь и впервые дал известное обещание: «Потомству твоему отдам я землю сию». Через 180 лет в лице Израиля история повторилась. Он также, как и Авраам, вышел из Месопотамии и пришёл в землю, обещанную Господом ему и его потомству, и построил жертвенник около Сихема. Ещё через 430 лет, Господь заповедал народу израильскому, когда он перейдёт Иордан, поставить на горе Гевал (у подножия которой расположен Сихем) жертвенник Богу и написать на камнях жертвенника все слова Закона. Так Иисус Навин и исполнил, собрав всего Израиля вместе с Ковчегом Завета в долине гор Гевала и Гаризима, так сказать, в середине, в сердце обетованной земли. Здесь же, в Сихеме, пред скинией Господа Бога Израилева, заключил Иисус Навин с народом завет и дал ему постановления и закон, положив под дубом большой камень во свидетельство им.

Гора Гарзимъ.

К сожалению, нашим паломникам было не до посещения этих гор, потому что, как прежде «жители сихемские сажали в засаду людей на вершинах гор, которые грабили всякого проходящего мимо их по дороге» (Судей, IX, 25; Осии, VI, 9), так и теперь небезопасно ходить для одиноких путников.

Благополучно пройдя город, мы скоро дошли до огороженного места, принадлежавшего православной греческой патриархии. Здесь находился тот самый древний колодец Иакова, около которого отдыхал Иисус Христос и беседовал с самарянкой.

Близ колодца сделан большой водоём. Уставшие паломники, придя к нему, сейчас же стали черпать воду и пить. Я тоже подошёл к бассейну и попросил у одной женщины кружку. Почерпнув воды, я на минуту поколебался: пить или не пить. Слишком очевидно для глаз присутствие разных мелких представителей животного царства. Но, вспомнив, из каких только луж я не пил раньше по дороге, я храбро опорожнил кружку. Простота на Востоке удивительная! К тому бассейну, из которого пьют паломники, подвели ослов и лошадей. Мне вспомнились слова самарянки, сказанные Христу: «Иаков дал нам этот колодец, и сам из него пил, и дети его, и скот его».

В углу двора была лёгкая деревянная постройка. Передовые уже успели занять её. Вся

Остальная масса расположилась на земле, да на камнях, заросших травой. В отдалённом углу мы выбрали себе местечко под деревом, в соседстве афонского монаха и знакомого молодого странника.

Груша Самаритяне

ГЛАВА 25. Колодец Самарянки

Беседа Христа с Самарянкой. — Самарянский храм на горе Газирим. — Пещера священного колодца. — Забота паломниц о монахах. — Библейское значение встречи девиц у колодца. — Оставленный паломник. — Заблудившийся караван. — Больные и престарелые паломники.

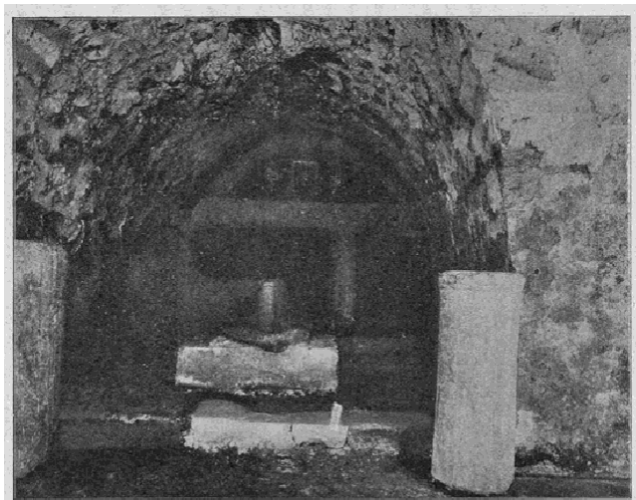
Священник, находившийся в караване паломников, отслужил молебен перед колодцем и прочитал евангелие, повествующее знаменательную беседу Иисуса Христа с самарянкой. Вот с этого места, указывая на гору Газирим, она сказала Господу:

— Отцы наши поклонялись на этой горе; а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.

Из Библии известно, что Ковчег Завета, ве-

личайшая святыня Израилева, путешествовал и в пустыне, и в Палестине, и в земле Филлистимской в продолжении четырёх с половиной веков, пока при Соломоне он не остановился на приготовленном для него месте в Святом святых первого храма в Иерусалиме. С этих пор исполняется повеление Господне: «На том только месте, которое изберёт Господь в одном из колен твоих, приноси всесожжения твои и делай всё, что заповедую тебе» (Второзаконие, XII, 14). Но уже вскоре, приблизительно через двадцать лет, царство еврейское разделилось на два: Иудейское и Израильское. Израильтяне, чтобы не быть в зависимости от иудеев и от их города Иерусалима, где находился храм, создали свой особый жертвенник и тем нарушили повеление Господне. Впоследствии наследники их, собравшиеся из разных народов в Самарии, построили свой храм на горе Гаризим. Таким образом, самаряне с древнейших времён стали в положение раскольников по отношению к иудеям. Вот этот-то вопрос многолетней распри на какой горе поклоняться Богу — и предложила самарянка Иисусу Христу; но Боже-

ственный учитель решил совершенно иначе.

Колодець Іакова (или Самарянки) близ Сихема.

— Поверь мне, — говорит Он ей, — что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу. Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

И на горе Гаризим, и в Иерусалиме храмы давно разрушены, кровавые жертвы прекращены, а поклонение Богу распространилось по всей земле в духе и истине.

После молебна народ спускался в пещеру и пил воду из большого железного ведра. Некоторое время колодец был завален, но не так давно его очистили и нашли воду на глубине одиннадцати сажень. Пещера внутри ничем не украшена. При слабом свете лампы мы заметили только две простенькие иконы, может быть, занесённых сюда нашими паломниками. Кругом пещеры видны остатки храма. Позади колодца роща деревьев, к сожалению, загаженная настолько, что неприятно ходить в ней.

К воротам ограды местные жители принесли хлеба и зелёного луку. То и другое паломники быстро раскупили. Пришлось и нам довольствоваться этой скромной пищей. Оно и кстати! Не надо забывать, что именно здесь, когда ученики предлагали Иисусу Христу по-

есть, он сказал им:

— Моя пища есть творить волю пославшего Меня и совершить дело Его.

Расхаживая с «бедуином» между группами паломников, мы увидели интеллигентную девушку, с которой недавно познакомились по пути из Назарета. «Бедуин» подсел к ней на траве и сразу озадачил её своим замечанием:

— Вы знаете, что на этом месте Христос говорил об эмансипации женщин в самом высоком значении.

— Как это так? – С нескрываемым изумлением спрашивает девушка.

— Вы слышали, батюшка только что прочитал нам беседу Христа с Самарянкой, которая имела пять мужей. Всевидец Христос велел ей позвать своего шестого мужа; но она сказала: «у меня нет мужа». И она была права не называть своего шестого сожителя мужем. С этим и Христос согласился. Как известно из

новозаветного писания, «муж есть глава жены». Но разве могут быть эти господа мужьями, которые пресмыкаются у её ног? Разве они сказали ей истину? Или вели её по пути к вечному спасению? Но вот перед ней стоит общий Жених всех душ, всех сердец человеческих, Иисус Христос. Он тронул и её ум, её сердце, и она сразу почувствовала у себя в голове духовного мужа — ум Христов. Она «обратилась», как Мария Магдалина, когда по воскресении Иисус Христос явился ей близ гроба. Вот почему самарянка не бросилась бежать за своим мужем: Истинный её Жених-Муж был перед нею и в её голове. И обратите внимание, она заговорила уже другим языком: «Господи! — говорит Ему, — вижу, что Ты пророк». И тотчас же поверила в Него, как во Христа. Вот тут-то мы и видим пример женской эмансипации. Истина-Христос сразу освобождает её от всех земных условий, а со смертью своей она переходит в другой век и становится равна ангелам. Там уже не женятся и замуж не выходят. Тогда она будет воистину свободна и самостоятельна во Христе.

— Да, вот вы что! — разочарованно возразила «Бедуину» девушка. — Вы разрешаете женский вопрос, переселяя всех нас Христовыми невестами в Царство Небесное. Нет, вы дайте нам свободу и самостоятельность теперь, здесь на земле.

— Да зачем это вам? — вмешался в их разговор почтенного вида странник из соседней группы: — Разве вас, женщин, может удовлетворить самостоятельность? Вы не знаете своей природы и забыли слово Божие, сказанное ещё праматери Еве в раю: «к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою». Дай вам всё: самостоятельность, красоту, ум, все таланты, богатство; но если вам не о ком будет болеть сердцем, для кого вы сделали бы самоотверженной рабыней, то ваша жизнь будет неполна, мертва. Если вы этого не чувствуете, то вы ещё молоды и не знаете тайны жизни.

Кто это был, говорящий так безапелляционно молодой девушке? — трудно понять. Спросить неловко, а костюм в паломничестве

по Палестине ничего не выражает. Многие дамы прикрывают свои головы простым платком, так же как и мужчины интеллигентных профессий одеваются очень скромно. К тому же серая дорожная пыль придаёт однообразный цвет всем костюмам паломников.

— Простите, — обратился он к «бедуину», — если я позволю себе дополнить вашу мысль. Хотя Христос избрал из среды мужчин двенадцать апостолов, но ведь и женщин Он не отстранял от Себя. Пока апостолы здесь ходили в город за пищей и приготавливали её для Господа, самарянка быстро восприняла своим горячим сердцем Христа и влекла уже к Нему толпы народа. За это и Господь оказывал иногда женщинам предпочтительное внимание и им первым явился по воскресении из мёртвых. Наконец, кого же из мужчин Он так превознёс, как свою Матерь, Пресвятую Деву Марию, которую мы считаем «честнее херувим и славнее без сравнения серафим?» Тут уже она становится не только равна ангелам, но и выше их.

«Бедуин» обрадовался новому собеседнику и остался с ним, а я прошёл на раньше избранное место под деревом, где странница усердно угощала чаем моего соседа, афонского монаха. Я заметил, что почти все странствующие монахи в Палестине имеют около себя одну, две, или даже небольшую группу женщин, которые заботятся о них, как в былое время они заботились о Христе и апостолах (Луки, VIII, 3). Они помогают монаху бельё, починят рясу, накормят, сварят чай. За это он почитает им душеспасительную книжку, расскажет про виденные им святые места, а иногда вместе с ними и помолится.

Я застал своего соседа, когда он говорил своей спутнице о знаменательном значении встречи женщины у источника вод. Он долго ей рассказывал, как Исаак через своего слугу нашёл себе невесту у колодца, как Иаков встретил Рахиль, а Моисей — Сепфору. И все они были случайно первыми девицами, пришедшими черпать воду, но по устройению Божию сделавшимися жёнами великих патри-

архов избранного народа.

— Значит, встреча у колодца — к счастью! — по своему решила странница.

Под впечатлением только что слышанной беседы «бедуина» захотел и я вставить слово, что и Христос, как Божественный Жених, духовно обручил Себе Самарянку у колодца. Но, мне показалось, что мои слова не были оценены по достоинству, и я не нашёл ничего лучшего, как залечь спать на камнях под деревом.

Долго я ворочался с боку на бок: мне и жёстко было, и холодно, да и беспокоила мысль, что какие-нибудь животные ползут на тебя из камней; но усталость взяла своё, и я задремал под неясный шум тысячи паломников.

Ночью просыпаюсь. Темно. Тихо. Соседей нет. Да и никого нет во всей ограде. Ушли! Весь караван ушёл, и никто меня не разбудил! Я схватил свой мешок и бросился бежать

вдогонку за караваном, как вдруг слышу голос моего проводника Салима:

— Иван! Иван!

Оказывается, они полагали, что я раньше ушёл пешком с паломниками, и искали меня в передних рядах каравана, но потом «бедуин» вернул его к колодцу поискать меня на дворе, не заснул ли я.

Салим помог мне взобраться на осла, и через час, не больше, мы догнали хвост остановившегося каравана. Темно ещё было. Никакого признака рассвета. Идти или ехать по каменистой дороге чрезвычайно трудно.

— Отчего остановились? – спросили мы «бедуина».

— Ждём сбившихся с пути паломников.

— Как так?

И мне рассказали, что и сегодня, как все-

гда, несмотря на просьбы кавасов и заведывающего караваном, некоторые паломники поднялись среди ночи и, не дожидаясь распоряжения выходить из ограды, отправились в темноте вперёд. Вслед за ними потянулась и остальная масса паломников. Но, когда узнали, что передовые ушли куда-то в сторону и заблудились, караван остановился, а кавасов отправили разыскивать нетерпеливых ходочков. Благодаря этой случайной задержке, я и нагнал паломников.

Караван снова тронулся в путь: должно быть, разыскали заблудившихся. В темноте ничего не разберёшь. Вот мимо меня промчался на коне кавас и что-то сердито проворчал, надо полагать по адресу паломников.

Дорога сопровождалась крутыми спусками и подъёмами. Наконец, стало рассветать, и многие древние старцы облегчённо вздохнули. Представитель Палестинского общества нанял десятка два ослов на всякий случай. По указанию доктора все захворавшие или по немощи своей отставшие от каравана были

посажены на запасных ослов. А больных, как я раньше замечал, было довольно много. Мне жалко было колоть своего осла в шею, и я понемногу очутился среди отставших и больных. И вот тут-то пришлось мне насмотреться удивительных примеров веры, самоотвержения и терпения. Плетётся, например, седая старуха, вся увешанная дорожными принадлежностями. Тяжело для неё идти и по гладкой дороге, а она пробирается между камнями. Но вот села отдохнуть. Караван скрылся за горы. Она покинута. Её могут ограбить разбойники. Но на первом привале каравана спустя полчаса, вдруг покажется она вдали на холме. Спешит, палочкой помахивает. И караваны обыкновенно не поднимаются дальше в путь, пока не подойдут подобно этой старухе все отставшие паломники.

ГЛАВА 26. Библейские места

На границах Самарии и Иудеи. — Доктор Конрад Шик. — Тяжёлый путь. — «Своя своих не познаша». — Видение лестницы Иаковом. — Ночлег в деревне Рамаллах. — Священная Иудея. — Прибытие в Иерусалим.

Мы теперь вступили в область, связанную с историей времён судей израилевых. Предание указывает здесь в разных местах гробницы Иисуса Навина, Халева, первосвященников Елеазара и Финееса.

Далее дорога шпак с каменистого хребта вниз и довольно круто. Местами даже нельзя сказать, что мы едем по дороге. Паломники и ослы разбрелись по склону горы, и каждый выбирал, где ему было удобнее спуститься среди камней. Эти голые скалы напомнили нам близость Иудеи. По карте мы должны

быть недалеко от древних городов, Силома и Галгал. Но где они были, — никто нам об этом не говорит. Священника тоже нечего спрашивать. Когда мы пересекали Самарию и приближались к Набулусу, «бедуин» попробовал спросить его:

— Отсюда видны, батюшка, Гевал и Гаризим?

Священник вопросительно взглянул, как бы недоумевая, о чём его спрашивают.

— Ну, те две горы, с которых все собрание Израиля произнесло анафему и благословение...

— Эк, вы хватились! — с достоинством знатока ответил батюшка. — Ведь эти горы вон там остались!

И он указал на северо-запад, по направлению к Кармилу.

По занятии Палестины Иисус Навин поста-

вил скинию собрания в городе Силоме. Там он по жребию разделил завоёванную землю между коленами израиловыми. Затем, в продолжении всего времени правления судей, Силом был главным религиозным и административным центром в Израиле. Здесь приносили жертвы и возносили свои молитвы к Богу. В Силоме Господь открылся отроку Самуилу. Сюда ежегодно собирались со всех колен израиловых на праздник Господень. Так продолжалось до последних дней первосвященника Илия, то есть до плена ковчега Божия филистимлянами. С этих пор Силом потерял своё значение, как об этом говорит псалмопевец: «Отринул (Бог) жилище в Силоме, скинию, в которой обитал Он между человеками. И отверг шатёр Иосифов и колена Ефремова (Силом находился в пределах колена Ефремова) не избрал, а избрал колена Иудино, гору Сион, которую возлюбил». Но Господь через пророка Иеремию грозил и Иерусалиму сделать, то же самое, что с Силомом: «Пойдите на место Моё в Силом, где я прежде назначил пребывать имени Моему, и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестие народа Моего Из-

раиля» (Иер. VII, 12).

Библия довольно точно определяет место Силома. Он лежит на север от Вефиля и на восток от дороги, ведущей от Вефиля в Сихем, и на юг от Левоны (Суд. XXI, 19). Но я тщетно взывал окружающему народу:

— Покажите, кто знает, где место древнего Силома? главного города Силома?..

Если где особенно чувствуется потребность в указателе священных мест, так это именно здесь, на границах Самарии и Иудеи, где каждый холм, каждая долина, каждый камень могли бы поведать историю двух древних еврейских царств. Но вот тут-то меньше всего мы и слышим указаний на древний мир. А между тем в Иерусалиме, у инославных, прекрасно читаются лекции по палестиноведению, и они доступны также и для всех желающих православных. Я не хочу этим сказать, что нам, православным, надо иметь здесь на месте своего дипломированного учёного палестинолога. Вопрос не в учёной сте-

пени, не в дипломе, а в истинной любви и преданности к своему предмету. Перед нашими глазами в Иерусалиме есть отличный пример, как из простого столяра вышел серьёзный любитель палестинологии, впоследствии признанный учёным миром, доктор honoris causa Тюбингенского университета. Я говорю про хорошо известного всем интересующимся древним Иерусалимом доктора Конрада Шика, или просто — фатера Шика (недавно, в декабре 1901 г., доктор К. Шик скончался на 80-м году своей жизни и после 55-летнего пребывания в Иерусалиме). От души пожелаем, чтобы и у нас нашлись свои русские православные Шики. Покойный архимандрит Антонин, образовав несколько русских мест в разных углах Святой Земли, положил тем прекрасное основание для исследования нашим любителям палестинской старины.

Переход от Набулуса до Рамаллаха, куда мы теперь шли, считается самым трудным на всём пути из Назарета в Иерусалим. Здесь случались ужасные катастрофы с нашими па-

ломниками, особенно во время непогоды. Мне кажется, пятидесятивёрстное расстояние от колодца Самарянки до Святого города (так называется Иерусалим и у туземцев — Ель-Кудс) надо бы разделить ровнее на две половины и промежуточную стоянку делать не в Рамаллахе, а в какой-нибудь другой деревушке, более северной.

На этом пути трудно найти пищи. В одном месте старик-араб вытащил мешочек сухих смокв. Мелкие, грязные, сухие, — в другое время и не взглянул бы на них! А тут толпа с жадностью обступила араба и наперебой просила у него продать их. Да и сам араб относился к своим смоквам, как к чему-то драгоценному, аккуратно отвешивая, чтобы на чашку весов не попала ни одна лишняя ягода.

У «Источника Разбойников» в глубоком ущелье Харамия мы и сами напились, и скот напоили, но долго не останавливались: спешили к ночлегу. По дороге у одного источника произошёл такой эпизод. Паломники дружно окружили водоём, и стали по очереди

черпать воду. Иные просили других почерпнуть заодно и для них воды. Подходит «бедуин» к одному услужливому паломнику из крестьян и просит его дать ему напиться. Тот, видя его туземный костюм, счёл за араба и сильно заругался:

— Ах, ты, нечисть ты этакая! Ишь что выдумал! Поди прочь!..

— Я... — заикнулся было «бедуин», чтобы рассеять его недоразумение. Но мужик ещё больше прежнего заругался, закричал на него и замахал руками. «Бедуину» ничего не оставалось, как уйти поскорее от колодца. Но, как увидим дальше, этот случай послужил отличным поводом «бедуину», сказать проповедь всему народу.

Приближаясь по чрезвычайно трудной каменистой дороге к древнему Вефилю, я вспомнил поэтичнейшие места в Библии, связанные с этим городом, или «Домом Божиим», как он называется в переводе на русский язык. Здесь было Иакову видение лестницы

до небес, по которой двигались ангелы. Относительно лестницы я подслушал случайно одну фразу в разговоре паломников:

— Надо разуместь лестницу духовную. Ведь, ангелы — духи бесплотные, следовательно, и лестница для них нужна духовная. Понял?

Видь Иерусалима съ сѣверной стороны.

Наконец, мы добрались и до ночлега в деревне Рамаллах. Некоторые паломники раз-

местились в домах арабов, а я, сдав своего осла Салиму, по инерции за главной массой народа пробрался на огороженный двор, где заранее от Палестинского общества приготовлены были для бесплатной раздачи ломти хлеба. Взобравшись на второй этаж дома, я любовался интересной картиной паломнических забот о ночлеге. Тут же происходила продажа съестных припасов, вина, фруктов. Мне любезно предоставили в одной из комнат кровать, и я, наученный предыдущими опытами, поспешил поскорее лечь, под шум ужинающих представителей духовной миссии.

Рано утром толпа поднялась до света, но на этот раз распорядились, чтобы ворота были заперты. Паломники волей-неволей должны были подчиниться и дожидаться во дворе разрешения выйти. Вероятно, вчерашний случай вызвал опасение у начальника каравана, что они могут и сегодня также заблудиться в горах, вырвавшись без каваса ночью.

Некоторые из толпы обратились к «бедуи-

ну», как к посреднику, не может ли он испросить разрешения раскрыть ворота. «Бедуин» уговаривал их потерпеть немного объяснил, что до Иерусалима осталось не более пятнадцати вёрст, а потому к обеду легко поспеем. Но вдруг он заметил того рыжебородого мужчину, который его ругал у колодца. Мужик вытаращил глаза и с удивлением слушал русскую речь барина, одетого бедуином.

— Это ты ругал меня у колодца, — спрашивает его «бедуин».

— Простите меня, ваше вы... Я думал, что вы турка, нехристь.

— Разве Христос учил нас, прежде чем помогать ближнему, спрашивать его: из какого народа? Какой Веры?.. Нет, дорогой, надо в каждом человеке видеть меньшего брата Христа. Разве ты не читал Евангелия?

Толпа ещё теснее сдвинулась к «бедуину» послушать его проповеди и на время забыли

Возвращеніе каравана паломниковъ въ Иерусалимъ.

про дорогу. Но вот спустился кавас Марко и велел открыть ворота. В пять минут двор очистился, и длинная вереница паломников быстро стала подвигаться к Иерусалиму.

Пред моими глазами более тысячи человек, знакомых по Библии с царями Давидом и Саулом, а некоторые из них — и со всеми пророками от Самуила до Иеремии. Но знают ли они, что мы как раз проходим по тем самым местам, где эти цари и пророки жили, сража-

лись, молились, «останавливали луну и солнце» и проявили силы Божии в знамениях и чудесах? Знают ли, что мы идём мимо Рамы, Михмаса, Гаваона, Массифы, Анафофа, Гивы, Номвы и других городов, связанных с историей священного народа? Впрочем, мне и самому как-то странным казалось, что эти голые каменистые скалы когда-то были населены и покрыты травой и деревьями.

Один из наших спутников развернул небольшой путеводитель довольно древнего издания.

— Спрячьте свой «Бедекер», — шутливо заметил ему «бедуин». — Он вам мало здесь поможет. Верующему человеку здесь надо иметь с собой Библию, и только Библию.

— Иван! Иван! — кличет меня Салим и показывает вдали на бедную арабскую деревушку: мой дом там!

В это время паломников занимал другой вид, открывшийся на Елеонскую гору. Её лег-

ко можно признать по высокой колокольне, построенной о. Антонином. Ещё немного, — и перед нами сразу весь раскрылся город Иерусалим. Вот отсюда он прекрасен! Белые дома его ослепительно блестят на солнце. Среди башен и минаретов царит мечеть Омара. Хорошо выделяется и купол нашей Свято-Троицкой церкви.

Паломниками овладел восторг и от вида святого города и от благополучного окончания трудного и долгого путешествия. Караван растянулся на несколько вёрст. Я не спешил в город. Мне так хотелось любоваться издали прекрасным видом его. Окрестности Иерусалима с северной стороны богаты всевозможными древними гробницами, но трудно разобраться в них и определить их происхождение. Указывают к западу от горы Скопус — Кубер-эль-Кудат (гробницы судей), а в одной версте от Дамасских ворот — Кубур-эс-Салатын (Царские гробницы).

Не заезжая в ворота города, мы свернули

Столовая на Русских постройкахъ въ Иерусалимѣ.

направо, по направлению к русским постройкам.

Навстречу нам выходили паломники и участливо указывали, какой дорогой удобнее ехать. Уполномоченный Палестинского общества со своими помощниками также вышли навстречу каравану и заботливо расспраши-

вали о путешествии.

Когда отставшие подошли к русским постройкам, то все паломники назаретского каравана приглашены были в столовую, где, прежде всего, отслужили благодарственный молебен за благополучное окончание трудного путешествия и за милость Господа, что Он сподобил увидеть священные берега Галилейского озера и приснопамятный Назарет, а затем сели за общий обед.

ГЛАВА 27. В Иерусалимском храме

Ночное пребывание у Гроба Господня. — Страстная пятница у католиков. — Запущенность храма. — «Мерзость на святом месте». — Литургия на Гробе Спасителя. — В трапезной у греческих монахов. — Иерусалимские геронтиссы. — Шествие в Гефсиманию. — Вымогательство греков. — Пещера Гроба Божией Матери. — Единение христиан под кровом Богоматери.

Прибытие галилейского каравана в Иерусалим по времени вполне отвечало древним путешествиям евреев из Галилеи в Иудею на праздник Пасхи. Мы опередили православное воспоминание прихода самого Христа в Иерусалим (в 1900 г. оно праздновалось 2-го апреля) всего лишь на два дня.

В пятницу, 31-го марта, т. е. накануне Лазарева воскресения, вновь прибывших паломников греки пригласили на ночное бодрствование в храме Гроба Господня, с тем, чтобы на утро проводить их в Гефсиманию, к месту погребения Божией Матери и на Елеонскую гору.

Часы дня у Гроба Господня строго распределены между разными христианскими исповеданиями. Ровно в полночь начинают здесь свою литургию греки, затем армяне, после них католики и т. д. А так как храм Воскресения турки держат всю ночь на запоре, то желающие прослушать здесь литургию греков должны приходиться в храм накануне с вечера и ночевать в нём до утра.

Давно желая провести ночь у Святого Гроба, я с радостью принял предложение греков и вместе с другими паломниками часов в пять пополудни отправился в храм Воскресения.

В том году Пасха у католиков празднова-

лась на неделю раньше, чем у православных, и в эту пятницу у них происходило торжественное воспоминание снятия с креста Спасителя. В присутствии европейских консулов и массы паломников Иерусалимское католическое духовенство в полном составе совершило грандиозный крестный ход в стенах храма. Перенесение изображения снятого с креста Господа, помазание миром на известном камне у входных дверей, положение во гроб — всё это было представлено очень наглядно и эффектно. Один из молодых каноников сказал блестящую речь у камня миропомазания.

На этот раз, вероятно, за особую плату турки сделали исключение и, по окончании богослужения католиков, выпустили их среди ночи из храма. Остались только православные. Одна часть из них расположилась около скамеек католического придела, другая — тихонько бродила по многочисленным переходам храма, но большинство собралось на Голгофе и читала акафисты. Некоторые паломники нашли себе приют в кельях греческого

Святогробского братства, примыкающих к храму со стороны Голгофы. В самом же храме ночевать довольно тяжело. В нём и днём чувствуется свежесть и сырость, а по ночам бывает заметно холодно. Множество переходов и коридоров развивают резкий сквозной ветер. От него нигде не спрячешься. Присесть негде. Немногочисленные скамейки около латинского придела все заняты, расположиться же на холодном каменном полу опасно: можно простудиться.

Только наши крестьянки — паломницы да бедные феллахи осмеливаются садиться на грязные плиты. От паразитов в храме нет покоя. Не успеешь прийти в ротонду Гроба Господня, как уже начнут чесаться руки и ноги. Вообще, кто хочет ночевать в Иерусалимском храме, должен запастись тёплым платьем и достаточным терпением выстоять на ногах всю ночь.

Не могу умолчать об одном крайне при- скорбном явлении в храме величайшей христианской святыни. На северной стороне его, между католической капеллой и темницей

Иисуса Христа, выходят в коридоре двери отхожего места. От непрерывного хождения сюда паломников двери часто раскрываются, и выходящее из них зловоние распространяется до кувуклии. Ещё в древности, при Моисее, было строго заповедано израильтянам хранить в чистоте свой лагерь, а тем более — место скинии завета.

— Место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить... ибо Господь, Бог твой, ходит среди стана твоего... а посему стан твой должен быть свят, чтобы он не увидел у тебя чего срамного и не отступил от тебя (Втор. XXXIII, 12— 14. Полный текст содержит некоторые описательные подробности, которые здесь опущены.). А теперь не только «в стане», но в самом храме, на расстоянии каких-нибудь двенадцати сажень от Гроба Господня, допущена «мерзость на святом месте» (Мт. 24, 15). И нельзя ссылаться в данном случае на турок, которые своим правилом затворять двери храма на всю ночь якобы принуждают христиан иметь грязное место в святилище. Очень легко можно было вывести необ-

ходимую постройку вне главных стен храма и соединить её с ним лишь узким проходом с несколькими наглухо затворяющимися дверями.

В полночь обедню у Гроба Господня служил архиерей. Пели поочерёдно греческие монахи и русские паломницы. Престолом служил камень в приделе Ангела, а жертвенником — Гроб Господень. Народ столпился вокруг кувуклии и горячо молился.

Около двух часов ночи обедня кончилась, и нас повели греки в свою трапезную, находящуюся рядом с храмом, где в качестве хозяйки встречала нас и распорядилась с угощением высокая русская женщина в чёрном монашеском одеянии. Она, по рассказам моего соседа-паломника, когда-то приехала сюда для поклонения Гробу Господню, но, познакомившись со здешними условиями жизни, решила поселиться в Иерусалиме и приняла самое деятельное участие в жизни греческого монастыря. Она обыкновенно управляет русским хором при греческом богослужении, объясня-

Входъ въ погребальную пещеру церкви Божіей Матери въ Госсенманіи.

ет паломникам значение святых мест, служит посредницей между своими соотечественниками и греками. И вот теперь она властно распоряжается в столовой, указывая, кому где сесть, и угощает чаем. Каждому паломнику за столом дали по куску хлеба и по три смоквы (винные ягоды). «Хозяйка» обхаживала своих гостей и приговаривала елеи-НЫМ ГОЛОСОМ:

— Кушайте на здоровье! Кушайте на здоровье!

— Покорно благодарим, матушка, за угощение! — с поклонами отвечали паломники.

— Если хотите, — шепнул мне мой сосед, — иметь хорошее место на «благодать», то к ней обратитесь. Хотите повидать архиерея, — опять же через неё.

Однако эта красивая средних лет женщина вызывала у многих недоумение. О том, что греческие монахи держат при себе для домашних услуг геронтисс, или стариц, — это было известно паломникам. Что эти приезжие из России «старицы» чаще всего бывают не старше тридцати лет, — это тоже они знают.

Но такое открытое проявление существования русских женщин в мужском монастыре многих паломников соблазняло и вызывало у них нескромные подозрения.

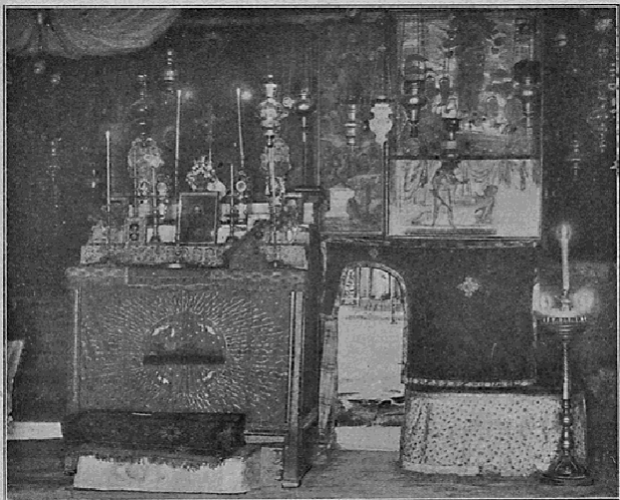
За своё пребывание в Иерусалиме я раза

четыре ночевал в храме Гроба Господня, но подобного общего угощения ночью после обедни мне больше не случилось наблюдать. Вероятно, сегодня греки пригласили паломников в столовую, чтобы собрать их вместе для дальнейшего обхождения святынь в Гефсимании и расположить их к большей щедрости.

Чай мы скоро отпили, и до утра оставалось ещё немало времени. Нас попросили подождать пока в храме Гроба Господня.

Утомление от непрерывного путешествия в продолжение целого месяца особенно сказалось в эту ночь, и меня сильно клонило ко сну. Пройдя к приделу коптов у задней стены кувуклии, я сел подремать на скамейку. Здесь было сравнительно тихо. Мне нравился этот самый западный уголок в храме.

По своей скромности и бедности, копты в Иерусалиме симпатичнее других народностей, и, как это всегда бывает, при их очевидной скудости и убожестве, они богаты верой

Гробница Божіей Матери.

и любовью ко Христу (Иак. II, 5). Я замечтался на тему, как Господь приближает к Себе смиренных (копты ближе всех ко Гробу Господню), и хотел просидеть здесь до рассвета; но холодный сквозной ветер и насекомые нестерпимо беспокоили меня и согнали с места.

Наконец, около пяти часов утра, приходит низенький, горбатый болгарин, хорошо известный русским паломникам, как проводник-рассказчик, и повёл нас из храма Гроба Господня по Страстному пути сперва к пещере Божией Матери в Гефсиманию. В предрасветном полумраке мы быстро пробирались по пустынным улицам толпой более сотни человек. Если и встречались нам, то только нищие, слепые, прокажённые, вероятно, привлечённые сюда так рано известием об утреннем шествии паломников на Елеон. Выйдя из города через ворота Ситти-Марьям, паломники бодро пересекли Иосафатову долину и скоро подошли к пещере Гроба Божией Матери, у подножия Елеонской горы. Как у храма Гроба Господня от всего фасада сохранилась только часть южной стены с входом, так от храма Гроба Божией Матери осталась тоже только готическая арка входа.

Мы стали спускаться по тёмной лестнице вниз. Проводник-болгарин остановил нас и велел покупать свечи для Гроба Божией Матери.

На конторке навалена куча обгорелых свечей из парафина, толщиной в рублёвую восковую свечу.

— По рублю! По рублю! — кричит грек за конторкой.

— Все, все покупайте! — вторит ему наш проводник, загораживая собой проход.

Вышло замешательство. Некоторые, побогаче, беспрекословно подчинились требованию греков и покупали наполовину обгорелые свечи по рублю. Но большинство обступило конторку и просило свечей подешевле. Один старик вытащил из-за пазухи мешок, медленно развернул его и долго искал в нём. Наконец, вытащил он серебряную монету и дрожащей рукой протягивает её греку.

— Нет ли свечечки за двугривенный, — спросил он умоляющим голосом.

— Других свечей нет. Только рублёвые! —

настаивал на своём грек.

Много я слышал про вымогательство греков, но такая развязность и поразила и возмутила меня. Один из паломников, не обращая внимания на греков, быстро прошёл вперёд, вынул маленькую свечку из числа стоящих на подсвечнике перед образом и исчез в кувуклии Гроба Божией Матери. Через две-три минуты он вышел оттуда и опять поставил свечку на прежнее место.

Я подошёл к нему.

— Нет, подумайте, — говорит он мне волнуясь, — какую хитрую придумали штуку! Загородили собой проход и, как пропуск, требуют рублиевые свечи. И одна и та же свеча идёт у них вкруговую с конторки ко гробу, а с гроба опять на конторку. Если хочешь, чтобы мы жертвовали, — хорошо, мы пожертвуем. И я положил деньги в тарелку на гробе. Но зачем такое возмутительное вымогательство?!

Гроб Божией Матери покрыт также мра-

морной доской и находится в небольшой кувуклии, как и Гроб Спасителя. Весь храм или, лучше сказать, вся обширная пещера пёстро изукрашена висячими лампадами и подсвечниками. Всюду обилие икон. Здесь имеют свои алтари все восточные христиане. Даже мусульмане, и те устроили свою модельню под кровом Божией Матери и также чтут её святую гробницу.

Только западные христиане — католики и протестанты — вовсе не имеют здесь своих алтарей. В этом подземном храме мне нравится смешение языков. В разных углах среди русских и арабов наталкиваешься на своеобразных по одеянию греческих, армянских, абиссинских, сирийских и коптских монахов. Все они чтут «Единого Истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа» и Его Святую Матерь Марию. Глубоко, сажень на пять под землёю, совершается это духовное единение, и оно прообразует то стадо, которое, как сказал один русский святитель, Матерь Божия приводит ко Христу.

Через дорогу от пещерного храма Богома-

тери находятся остатки масличного сада, с которым предание связывает гефсиманскую молитву Спасителя. Вероятно, в пределах этого сада была и гробница Божией Матери. По крайней мере, у наших паломников под названием «Гефсимании» понимаются не остатки масличного сада, принадлежащего католикам, а вот этот подземный храм с гробом Божией Матери.

ГЛАВА 28. Елеонская гора

Вид с горы на Иерусалим. — Место Вознесения Господня. — Отношение греков к святым местам. — Сокровище, скрытое на поле. — Покойный архимандрит Антонин. — Высочайшая колокольня в Иерусалиме. — Вифания. — Гробница Лазаря. — Крестный ход. — Арабские дети. — Всенощная с ваиями.

Воспоминания о последних днях земной жизни Христа Спасителя связаны с Елеонской горой. Вифания и Виффагия, гробница Лазаря, Гефсимания, место беседы о разрушении Иерусалима и, наконец, последний пункт земного пребывания Иисуса Христа, с которого он вознёсся на небо, — всё это находится по ту или другую сторону Елеона.

Когда мы вышли из тёмной пещеры гроба Божией Матери, было совсем светло. Право-

славный народ большими и маленькими группами двигался по иерихонской дороге на праздник в Вифанию и к гробнице Лазаря. Погощители-мукари наперебой предлагали своих измученных жалких осликов. И если их паломники брали сегодня, то, вероятно, ради воспоминания въезда Господня в Иерусалим на одном из предков этих животных. С небольшой компанией я предпочёл идти на гору пешком, чтобы не стеснять себя при осмотре достопримечательных мест по пути. Обогнув русскую церковь святой Марии Магдалины, построенную в память покойной императрицы Марии Александровны, мы стали подниматься к месту вознесения Господня. Подъём был довольно крутой, и вначале пришлось восходить по иссечённой в скале лестнице. Кругом обычный желтовато-серый колорит. Палящее солнце над головой, камень под ногами и пыль в воздухе. Растительности очень мало. Справа и слева от дороги ограды из щебня и серые каменные дома с плоскими крышами. Мы оглянулись назад, на запад. Перед нами протянулся весь Иерусалим, окружённый лентой тёмно-серых стен с зубцами

и башнями. На первом плане царит величественный купол мечети Омара. Правее можно разобрать купола храма Воскресения.

Ещё правее — русский храм святой Троицы. За исключением нескольких башен, вся остальная масса серых домов представляет собой довольно однообразный фон картины.

Празднование Успения Божией Матери в Гефсимании.

Празднование Успения Божией Матери в Гефсимании

Когда Иисус Христос смотрел отсюда на Иерусалим, то пред Его духовным взором пронеслась панорама не только святого города, но и всего мира во все времена. Предсказывая своим апостолам о последних днях Иерусалима, Он говорил вместе с тем и о кончине мира. Вот такую-то точку зрения, т. е. на всю вселенную во все времена, и надо нам искать на Елеоне.

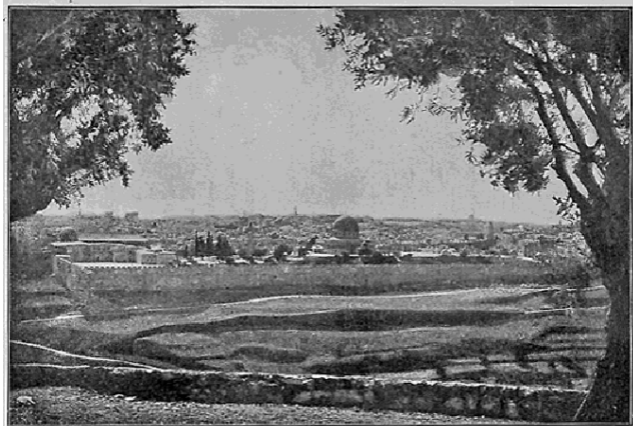
Наконец, мы взобрались на вершину горы, к месту вознесения Господа, принадлежащему мусульманам. В небольшом купольном здании показывают камень с отпечатком стопы Спасителя. За несколько паричек турки охотно допускают христиан внутрь здания и даже позволяют им молиться здесь по своему обычаю.

Ещё четверть версты далее к востоку, и мы приходим к русской церкви с гигантской колокольней, построенной хорошо известным в Палестине покойным начальником духовной миссии, архимандритом Антонином. Он отлично понимал, что греки не столько заботят-

ся о православном населении Палестины, сколько о личной наживе. На святые места, которые ещё удержались в их руках, они смотрят, как на предмет выгодной эксплуатации, и только. Небольшая кучка святогробских монахов, проживая главным образом в Иерусалиме, некоторые свои монастыри и церкви в Святой Земле отдаёт, как доходные статьи, на аренду мирским людям. И, конечно, ничто не помешает им при случае продать часть своих святых мест инославным вероисповеданиям, чему и были примеры. С другой стороны, препятствуя русскому священству совершать богослужения в Палестине, греки тем стесняют наших паломников удовлетворить запросы своего религиозного чувства. Отпадение от православия местного населения происходило на глазах архимандрита Антонина тысячами. И вот он решил, по примеру западных христиан, завести в разных местах Святой земли русские владения,

Общий вид Иерусалима с Елеонской горы

открыть, так сказать, новые «рассады»

Общая видъ Иерусалима съ Елеонской горы.

православия. Благодаря частной благотворительности, в короткое время он скупил множество клочков земли в разных углах Палестины. Куда ни приедешь, — к Мамврийскому ли дубу, в Иерихон, в Яффу, в Горнюю, — всюду встречаешь заботливое насаждение о. Антонина. Но завершением его славных дел надо считать устройство русского места на Елеоне, несмотря на множество препятствий со стороны греков, католиков, турок и даже русских.

Случилось, что при раскопках намеченного места на Елеоне наткнулись на прекрасный мозаичный пол. Архимандрит ещё не вошёл тогда во владение купленным участком, а потому он поспешил закрыть находку, чтобы не раздражить ею латинян и тем ещё более не увеличить препятствий к приобретению земли. Этот поступок о. Антонина напоминает евангельскую притчу о сокровище, скрытом на поле, «которое нашёл человек утаил, и от радости о нём идёт и продаёт всё, что имеет, и покупает поле то». Вот на этом-то поле с сокровищем, 24 марта 1894 г., на 77 году жизни, и успокоился отец Антонин, буквально выполнив Христову притчу о Царстве Небесном.

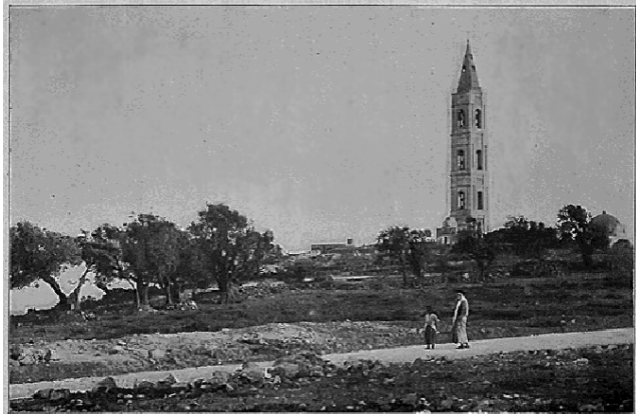
Испросив благословения у иеромонаха, звонарь открыл нам вход в колокольню. Пришлось перебраться не одну сотню ступеней, прежде чем мы достигли самого верха. Говорят, о. Антонин хотел вывести колокольню такой высоты, чтобы за пятьдесят вёрст увидеть Средиземное море, но недобрые завист-

ники и этому скромному желанию воспрепятствовали, не дав достроить ему одну или две сажени до требуемой высоты.

Хорошо вознестись на горе Елеонской на высоту двадцати сажень (сама же Елеонская гора возвышается на 378 сажень над уровнем моря) и взглянуть с вершины колокольни на Святую Землю! На севере видны самарийские и галилейские горы. На востоке — Иорданская долина; а Мёртвое море кажется совсем близко, хотя до него не менее двадцати вёрст.

Русская церковь на Елеонской горе, построенная архимандритом Антонием

Юг весь изрыт горами, а на западе расстилается в тумане прибрежная равнина. Вот она, Обетованная земля Израиля! Так, вероятно, и Моисей осматривал её с вершины Фасги моавитской горы Нево, когда «показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана и всю землю Иудину, даже до самого западного моря, и полуденную страну, и равнины долины Иерихона».

Русская церковь на Елеонской гора, построенная архимандритомъ Алтонимомъ.

От русского храма мы направились в Вифанию, откуда сегодня должен был начаться крестный ход. Вифания, или Эль-Азарие, лежит на южной стороне Елеонской горы и имеет обыкновенный вид маленького арабского селения с каменными постройками, которые издали трудно признать за жилые дома. Всё серо, пыльно. Всюду торчит камень. Деревьев очень мало. Селение скрашивала прибывшая сюда из Иерусалима масса наро-

да. Нищие, дети, мукари с ослами, продавцы фруктов и напитков обычно толклись между паломниками. Кто-то предложил до крестного хода сходить к гробнице Лазаря. Пошёл и я туда со своей компанией.

У самой дороги зияло тёмное отверстие пещеры, обложенное камнем. Это и была гробница Лазаря. Пожелавшие спуститься по очень скользким ступеням в глубину пещеры должны были заплатить бакшиш предстоящим туркам. Один пожилой паломник кряхтя вынимал из портмоне деньги. В это время вышедший из гробницы длинноволосый странник, увидя его, торопливо предупредил:

— Не тревожься, дяденька, там нечего смотреть: пустое место, и больше ничего! А спускаться надо с большой опаской.

— Милый человек! Как не побывать в животворящем гробу Лазаря в сегодняшний день!

— Не гроб Лазаря животворящий: он там

смердил четыре дня, а слово Господне оживотворило его, — наставительно поправил его странник.

Походив немного по окрестностям, мы скоро заметили быстро движущийся по дороге крестный ход греческого духовенства. «Общее воскресение!»... громко выпевали тонкие голоса русских женщин.

Вход в гробницу Лазаря

Собственно по обстановке крестный ход не поражал своею торжественностью. Духовенства было немного, образов и хоругвей тоже мало. Зато велико было воодушевление пёстрой и многочисленной толпы паломников. Перегоняя друг друга, некоторые бросали на дорогу цветы, попутно сорванные тут же в прилегающих участках. У многих в руках были ваии финиковой пальмы. Один молодой парень в благочестивом рвении нёс двухсаженный пальмовый лист. Дорогу для духовенства среди толпы пролагала местная полиция. Она довольно свободно пускала в ход

Входъ въ гробницу Лазаря.

свои палки, возбуждая в народе крики и ругать. Более состоятельные и слабые ехали в экипажах и на ослах. Среди народа, вероятно, было немало и магометан. Но настоящий праздник больше всего был для арабских ребятишек. С криками и с весёлым смехом, скаля свои белые зубы и сверкая чёрными глазами, они в перегонку сновали между паломни-

ками. Если остановишь их, они сейчас же тебя окружали с просьбами: «бакшиш! бакшиш!»

— Не «бакшиш», а «осанна» вам подобает кричать сегодня, — строго им замечает стройная женщина в тёмном одеянии.

— Бакшиш! бакшиш! — кричат бойкие арабчёлки, окружив её с протянутыми руками.

— У, пострелята! Не рада, что и связалась с вами. Отстаньте!

И женщина, сунув им по паричке, спешит скрыться в наиболее густой толпе паломников.

В самом городе всё множество народа быстро рассеялось. Все спешили поесть и немного отдохнуть перед всеобщей «с вербами».

Обширный Троицкий собор на дворе рус-

ских построек не мог вместить в себе всех желающих богомольцев. Ввиду страшной тесноты, мне пришлось воспользоваться привилегированным местом на южной стороне храма за решёткой. Служба была обычная, русская; только у народа в руках были не наши вербы с серебристыми почками, а зеленоватые ваии финиковой пальмы. У иных узенькие листочки ваии были искусно переплетены между собой в виде ёлочки или в виде креста.

Выходя из церкви, я увидел на площади громадную толпу людей, представляющую чрезвычайно красивое зрелище. Вся она была охвачена лунным светом, как бы тонким флёром, через который пробивались сотни огоньков горящих свечей. Колебания ваий в руках паломников и негромкий гул их переговоров оживляли эту картину тихой тёплой ночи.

— Не хотите ли пойти к католикам, — обращается ко мне мой сожитель: — у них ведь сегодня пасхальная ночь.

— Интересно бы. Но, мне кажется, Пасху

встретить хорошо только один раз в году. Я
уж поберегу своё чувство к нашей православ-
ной Пасхе.

ГЛАВА 29. Разделение христиан

Католическая капелла. — Колонна бичевания. — Крестный ход у Гроба Господня. — Святогробские монахи. — Их денежные средства. — Драка женщин в храме. — Ссоры монахов разных вероисповеданий. — Омовение ног. — Денежный сбор на поминание. — Разрешительная молитва. — Тайна омытия ног Господом.

На другой день у всех восточных христиан был праздник Входа Господня в Иерусалим, а у католиков — Пасха. В ожидании православного богослужения и крестного хода в стенах храма Гроба Господня, я прошёл в католический придел с северной стороны от кувуклии. Там меня встретил францисканец фра-Иосиф с ключами в руках и любезно предложил осмотреть капеллу. Фра-Иосиф уроженец Италии, но жил некоторое время в

Могилёвской губернии, а потому свободно изъяснялся по-русски. Сперва он подвёл меня к колонне бичевания Христа. Я приложился к ней по католическому обычаю, то есть прикоснулся к ней кончиком палочки через небольшое отверстие каменной ширмы и затем поцеловал конец палочки. Это делается для сохранения святыни от грубых и нечистых прикосновений, да и для обеспечения от благочестивых покушений отделять себе частицу священного камня.

Осмотрев в капелле иконы и богослужебные книги я опять прошёл в ротонду Гроба Господня. Народу собралось чрезвычайно много. Половина, если не больше, всех собравшихся были туземцы разных исповеданий. Многие стояли в храме в красных фесках, а один прилично одетый европеец — в шляпе. Женщины-арабки, разряженные в широкие светлые платья, с множеством ювелирных украшений, заняли северную часть коридора храма Воскресения.

Крестный ход три раза обошёл вокруг

кувуклии Гроба Господня, а четвёртый — вокруг греческого храма Воскресения. Здесь, как и всюду у греков, которых мне приходилось наблюдать в Палестине, богослужение и религиозные процессии не отличались такой величавой торжественностью, как у русских в больших городах. На лице святогробского монаха обыкновенно замечаешь или равнодушие, или скуку; всё его движения ленивы, апатичны.

— Сыты, заелись! — ответил мне мой сосед на моё замечание: — богаты стали! Они, ведь, тут служат не Богу, а мамоне. Вы спросите, сколько ему стоило, чтобы получить местечко при Гробе Господнем.

Я только вздохнул и ничего ему не возразил. Тяжело было говорить о таких вещах в святейшем на земном шаре месте, между Голгофой и Гробом Господним. Впрочем, надо заметить, что положение главы греческого духовенства, иерусалимского патриарха, несколько затруднительно. Он стоит между двух огней, поедаящих его доходы с русских

паломников: с одной стороны, он должен всегда удовлетворить членов синода; с другой — заботиться о нуждах патриархии. Поэтому я не удивился, когда увидел в Иерусалиме патриаршую гостиницу, то есть обыкновенную мирскую гостиницу, которую содержал патриарх для увеличения своих доходов. Но в Иерусалиме есть ещё другая греческая глава — настоятель Святогробского храма, архимандрит Евфимий, доходы которого с того же русского паломника будут побольше, чем у патриарха, да и торгово-промышленные предприятия его пошире и поразнообразнее. Тут уж святогробцы совершенно теряют нравственный облик монаха и становятся настоящими купцами-мирянами, хотя и в чёрной рясе. Благо ещё, что большинство наших протестов-паломников не видят и не понимают характера деятельности святогробских монахов, иначе вышел бы немалый соблазн для них.

Обходя приделы храма, мы прошли в северную часть его, где собралось много туземцев. Вдруг поднялся среди них гортанный

крик, и на наших глазах две богато одетых арабки яростно бросились друг на друга. В один миг разлетелись кружевные и кисейные покрывала, волосы растрепались... Тут подбежали мужчины и с великим трудом разняли их; но они, продолжая ругаться, вырвались из рук мужчин и снова сцепились с ещё большей яростью. Толпа опять разняла арабок и отвела их по разным углам храма.

Казалось бы, драка в священном храме должна произвести гнетущее впечатление на паломников; на самом же деле они отнеслись к этому явлению довольно спокойно. Они уже успели привыкнуть к здешним порядкам. Ещё бы! В предпасхальное время в иерусалимском храме почти ежедневно затеваются если не драки, то крупные ссоры. Ни одно большое богослужение, ни одна религиозная процессия не обходится здесь без присутствия роты турецких солдат с ружьями. Тут страсти напряжены до величайшей степени. Сам по себе народ иерусалимский, как порох: малейшая искра, — и взрыв. Чуть запоздают греки со своим богослужением, — и армяне уже волнуются и начинают бесчинствовать... Ко-

гда видишь, как греки горячо отстаивают права православных христиан на святые места, тогда только понимаешь весь тяжёлый труд быть епитропом у Гроба Господня (недавно, 22-го октября 1901 г., греческие монахи Святогробского братства вступили в рукопашный бой с латинянами из-за обладания двумя плитами на площадке перед храмом. Уступая давлению европейской дипломатии, турки решили кровавый спор в пользу католиков). В этом смысле святогробские монахи искупают до некоторой степени свою жадность к деньгам.

— Вы не удивляйтесь этим кровавым схваткам, происходящим здесь, как будто бы во время Христа, — заметил мне мой спутник на моё тяжёлое раздумье. — Так должно быть. Иерусалимский храм есть образ христианского мира. Люди, братья во Христе, враждуют между собой, воюют, стараются или подчинить себе один другого, или вовсе стереть с лица земли. В малом виде всё это здесь и происходит. Как уже случилось раз, что Христос в негодовании опрокинул столы меновщиков и

выгнал из храма всех, кто делал из него дом торговли и вертеп разбойников, так и ещё раз Господь придёт в этот мир и поколеблет не только землю, но и небо, и отринет всех тех, кто забывает, что они братья во Христе.

— Пойдёмте отсюда! — вдруг резко заключил он свою речь.

Вспоминая теперь о Святогробском братстве, кстати, я расскажу об известном обряде омовения ног приезжающим паломникам. Этот обычай, подкреплённый примером и словами Самого Спасителя, имеет древнее происхождение. Некоторые паломники не начинают обхода иерусалимских святынь, прежде чем не «посвятят» своих ног. Хотя немало было и таких, которые вовсе пренебрегали этим обрядом. Мне самому случилось присутствовать при омовении ног, спустя лишь несколько дней по приезде в Иерусалим, кажется, в среду на страстной неделе.

Толпу паломников, человек в полтораста, греки привели в один из своих монастырей

(рядом с храмом Гроба Господня) и одну половину их ввели в горницу, а другую попросили подождать на дворе. Паломники уселись на камнях, кто где мог: на дворе, на лестнице, на террасе. Нетерпеливые не хотели жариться на солнце и ушли из монастыря. Минут через двадцать позвали в комнаты вторую половину паломников, к которой принадлежал и я, и рассадили нас вдоль стен. Все разули свои ноги. Два греческих монаха (я называю греков святогробского братства общим именем монахов, но, может быть, в данном случае были и послушники) с водой в кувшине и с тазом стали подходить поочерёдно к каждому паломнику и вымывать ноги. Смочив слегка мокрой губкой верхнюю часть ступни и протерев её сырым и не совсем чистым полотенцем, монах склонялся над ногами и делал вид, что целует их, на самом же деле только чмокал воздух. Во всё время, пока умывали ноги паломников, один из монахов, заложив руки за спину, лениво расхаживал взад и вперёд по комнате и что-то пел по-гречески. Я догадывался, что это были соответствующие случаю стихи о взаимной любви апостолов.

Обходили ещё раз два сидящих паломников, причём прыскали розовую воду на руки и собирали деньги.

Откровенно говоря, я большего ждал от этого обряда. Особенно мне не нравилась толстая фигура апатично прохаживающегося грека и гнусаво распевającego духовные стихи. Лучше бы его совсем не было, так он портил впечатление от патриархального обряда.

В следующих небольших комнатах мы опять застряли в куче.

— В чём дело? — спрашиваю своих соседей.

— Да там, видите, записывают в поминальные книги имена родителей...

Общий вид русских подворий и Троицкого собора в Иерусалиме

Назад уйти нельзя; оставалось пройти гуськом вперёд мимо стола, за которым сиде-

Общій видъ русскихъ подворій и Троицкаго собора въ Иерусалимѣ.

ли толстые греческие монахи и собирали от паломников деньги.

— Нечего сказать, хорошо придумали! Никуда от них не увернёшься, — ворчал мой сосед.

Я не стал дожидаться очереди и попросил монахов отпустить меня поскорее. Они пригласили меня к столу, взяли деньги, дали мне большой разрисованный лист и тотчас выпу-

оказался разрешительной молитвой от иерусалимского патриарха Дамиана. Молитва эта по своему содержанию очень похожа на ту, которую у нас на Руси дают усопшему в руки. Подобное значение, конечно, надо приписывать и этой разрешительной молитве; но так как её выдают греки без каких либо пояснений, то простой народ придаёт ей значение западных индульгенций.

Одна богомолка, показывая толпе паломников выданную ей молитву, с напечатанными изображениями евангелистов, воскресения Христова и кувуклии, объясняла при этом:

— Не каждому дают такую молитву, а только жертводателям, кто сделал взнос на Гроб Господень.

— А почему же здесь креста не написано, — перебивает её один странник. — Тут всё есть: и копие, и гвозди, и лестница, и столб с петухом, а главного-то нет. Без креста, пожалуй, молитва-то и недействительна.

Богомолка пришла в немалое смущение от открытия странника.

Русские паломники в общей палате в Иерусалиме.

Русские паломники в общей палате в Иерусалиме

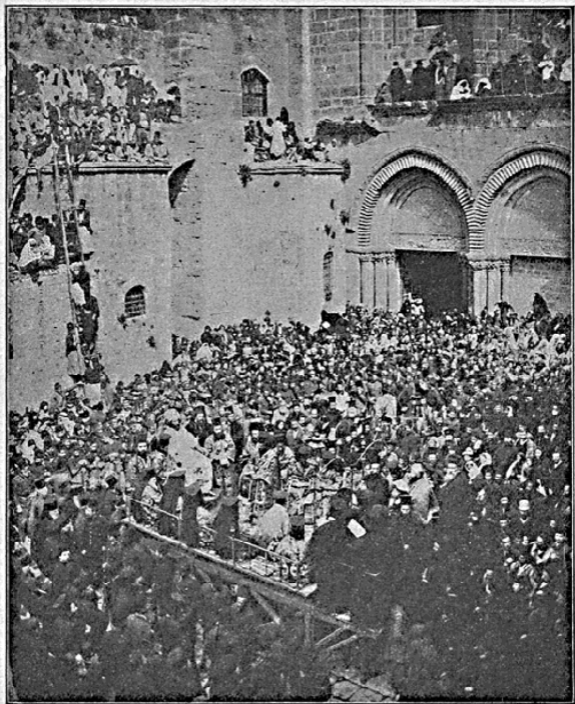
В воспоминание омовения ног апостолам на Тайной вечери Господа, ежегодно в великий четверг, на площадке перед храмом Св. Гроба этот обряд совершается самим патриар-

хом. В это время не только небольшая площадка, но и примыкающие к ней улицы запружены народом. Само собой разумеется, все балконы, окна, карнизы и крыши домов густо усеяны благочестивыми зрителями.

Мне лично за тесной толпой не удалось проникнуть к возвышенному месту, где иерусалимский патриарх Дамиан при чтении евангелия омывал ноги священников, но зато я был свидетелем интересной беседы по этому поводу между паломниками.

— Как железно-глиняные ноги истукана, виденного во сне Навуходоносором, — орасторствовал один из них, — означают последнее царство на земле, так омытие ног апостолам на прощальной вечере Господа означает последнее время, когда все люди завязнут в грехах своих...

— Ну, чего ты, — перебивает его другой, — берёшься разъяснять, когда сам Господь сказал Петру: что Я делаю, теперь ты не знаешь.

Умовеніє ногъ въ великій четвергъ передъ храмомъ Гроба Господня.

— Правда, тогда он не знал; а теперь, чем

ближе к концу, тем всё более и более разъясняется тайна омовения ног...

К сожалению, нахлынувшая толпа оттеснила меня от современного книжника, и мне не пришлось дослушать его объяснений.

ГЛАВА 30. Православное Палестинское общество

«Палестина» — русский оазис. — Народная столовая. — Дешёвый способ паломничества. — Русские женщины в Иерусалиме. — Императорское Православное Палестинское Общество. — Общие помещения. — Баня для паломников. — Недостаток воды в Иерусалиме. — Больница. — Пожертвования. — В. Н. Хитрово. — Знак общества.

У русских паломников выработались свои названия святых мест. Так мусульманскую мечеть Омара (Эс-Сахра) они называют «Святая святых», гробницу Божией матери — «Гефсиманией», а русские постройки нашего Императорского Православного Палестинского общества паломники сокращённо окрестили «Палестиной». О применении этого названия к целой стране простой народ, кажется,

не имеет понятия. Благодаря своим стенам, наша русская «Палестина» совершенно обособлена в отдельный городок на пространстве приблизительно десяти десятин. Здесь чувствуешь себя, как дома: русский храм, русский говор, русские лица. Тут же в юго-восточном углу подворья приютилось и русское консульство.

Вернувшись из кругового путешествия по Палестине, я не хотел уже злоупотреблять гостеприимством своего приятеля араба и остановился в гостинице Палестинского общества, в одном номере со своим прежним спутником по пароходу, Ф. А. А. После бесприютного скитания по весям Галилеи и Самарии, приятно было вдруг очутиться в безупречно чистой комнате, прилично обставленной и даже с комфортом. Гостиница может похвастаться услужливостью прислуги, её заботливостью, вниманием, опрятностью, разумными порядками, предупредительностью, и притом всё здесь очень дёшево, сравнительно, например, с петербургскими ценами. За номер мы платили один рубль в сутки, за вто-

рую кровать тридцать копеек, да по полтине за вкусно приготовленный обед из трёх блюд. В общей народной столовой обед из двух блюд стоит восемь копеек (собственно, четыре парички, что по местному курсу составляет десять копеек), но мне, ни разу не удалось пообедать вместе с народом.

Купил я однажды обеденный билет в лавке Палестинского общества и в урочный час прихожу в большую угловую комнату в нижнем этаже гостиницы. Полна народу! Все столы заняты. Ко мне подошёл один бедный паломник и попросил накормить его. Я отдал ему свой билет и вышел. В другой раз я запасся несколькими обеденными билетами. Меня встретила одна из служанок в форменном платье с фартуком.

— Я вам найду место. Пожалуйста! — сказала она.

Пробираясь между паломниками, мне пришлось раздать все лишние билеты. Но лишь только я сел за стол и взялся за ложку, как ме-

ня обступила толпа голодных бедняков. Я отдал им свой обед и опять ушёл к себе наверх, как говорится, не солоно хлебавши.

Как сюда попали эти нищие?

Русский странник не считает унизительным или греховным питаться по дороге к святым местам милостыней и тем более не считает грехом собирать подаяния там, где сами апостолы со Христом носили ковчежец и собирали деньги на пропитание (Иоан. XII, 6, XIII, 29; Лк. VIII, 3). И вот идут они сюда в надежде, что добрые люди не оставят их умереть с голоду в земле, где впервые раздались слова евангельской любви к ближнему.

Наблюдая за общей массой народа, я заметил, что большинство паломников, или поклонников, как иногда они себя называют по примеру эфиопского евнуха (Деян. VIII, 27) (ещё называют их богомольцами, а в древних сказаниях встречается описательное название – землепроходец), было из южных губерний. Одни объясняли это близостью их к Одессе, т. е. к месту отправления паломников из России, другие – сравнительным матери-

альным довольством малороссийских губерний. Я обратился непосредственно к одному малороссу за разъяснениями:

— У нас, — сказал он, — в Иерусалим съездить не надо быть богатым. Вздумалось, например, мне ехать ко Гробу Господню, я и иду по хатам соседних сёл и всем объявляю о своём желании поусердствовать Богу. И ни одна семья не отпускала меня, не давши чего-нибудь на дорогу на помин души. У меня в одну неделю собралось более тридцати рублей. Если бы не поторопился ехать, то и больше бы собрал.

С такой-то ничтожной суммой он осмеливается ехать за границу! До Одессы дойдёт пешком. Тут он возьмёт за двадцать пять рублей пароходный билет до Яффы и обратно. По дороге питается запасёнными сухарями, а где случится и подаением. Но зато эти мирские ходебщики, возвратившись из Иерусалима, должны привести своим жертвователям какую-нибудь памятку из Святой Земли: кому свечку от «благодати», кому образок, кому крестик. За всякий камешек скажут им спаси-

бо.

— Ну, а здесь же вы как живёте? — спрашиваю его.

— Добрые люди и здесь кормят. Иной раз заработаешь. Кто знает какое-либо мастерство, портняжить или сапожничать, тому нетрудно пробиться в Иерусалиме. Вот бабам здесь не в пример легче. Они поступают в услужение и в «Палестине», и у греков, и просто у приезжих господ. Опять-таки бельё постирать, починить, пошить. Бабе куда легче, особенно если она молодая. Её и из Иерусалима не выживешь!

Относительно русских паломниц я уже слышал кое-что от командира парохода.

— Едут, — говорил он, — в Иерусалим и старые и молодые. Но обратите внимание, когда будете возвращаться в Россию, как мало идет назад домой молодых.

Я не могу допустить, чтобы русские бого-

молки, за немногим исключением, ехали сюда с какими-либо другими предвзятыми целями, кроме одной главной – посетить святые места. В Иерусалим большей частью едут или незамужние, или бездетные вдовы, или матери взрослых детей, т. е. все такие женщины, которые не обременены заботой о воспитании детей. Обыкновенно эти свободные женщины всегда готовы пристроиться к кому-нибудь, занять себя каким-либо делом и потому с радостью хватаются за всякое предложение в Палестине. Очень часто их нанимают здесь в служанки и экономки. И если они являются в качестве сожительниц, то это, конечно, случайно и даже, можно сказать, в силу необходимости при тех условиях, в которые их ставят наниматели.

Я допускаю, что некоторые женщины отправляются сюда специально с такой же целью, как и хорошо известная св. Мария Египетская, но, надо надеяться, что с ними может случиться такой же конец, как и с этой удивительной подвижницей.

В общем, можно сказать, женщины-паломницы в Святой земле подогревают религиозный энтузиазм в каждом русском богомольце и составляют тот восторженно-благочестивый фон, который придаёт особенную окраску всей картине паломничества.

Я поехал в Иерусалим с большим предубеждением против Палестинского общества, к чему настроил меня один почтенный муж, побывавший в Святой земле в первые годы деятельности общества. Но знакомство на месте со школами Сирии и первые впечатления от русского подворья в Иерусалиме сразу изменили моё мнение, и я стал осторожнее относиться к суждениям порицателей русского дела в Палестине.

Удешевление проезда, охрана от назойливости арабов-турок, удобство и чистота гостиницы, дешёвый и вкусный стол, даровое лечение — всё это испытывает на себе каждый паломник, и, конечно, оценивает с благодарностью. Судя по настоящим греко-турецким порядкам в Палестине, воображаю, что было

двадцать лет тому назад, до возникновения Палестинского общества! Несомненно, пожелать молодому обществу ещё много можно. До сих пор ещё оно не может поместить в своих постройках всю массу паломников, съезжающих в Иерусалим на Пасху; но и это, Бог даст, будет продолжаться недолго.

За последние годы число паломников быстро увеличилось, и в моё время оно дошло до пяти слишком тысяч. И это только в стенах русского подворья! Обществу пришлось наскоро расширить прежние постройки и строить новые бараки, но и этих помещений было недостаточно. Внутренность барака мне напомнила многоэтажные матросские помещения на судах или клетки для овощей, чтобы они не сопрели. Выигрыш места значительный, но зато от такой скученности паломников развивается масса паразитов.

— Наверху ещё ничего, — говорил мне один из занимающих место в нижнем ряду, — а внизу-то очень трудно, когда сверху начнут на тебя сыпаться гниды.

В общих каменных подворьях, мужских или женских, гораздо лучше. Среди паломников я встречал здесь также интеллигентных людей, и все они были довольны помещением. Комнаты достаточно высоки и чисты. У каждого железная кровать, и при ней небольшой шкаф для вещей. В настоящее время общество занято постройкой ещё нового здания на 1 200 человек; но, мне кажется, и этого будет недостаточно. Надо надеяться, что число паломников с годами ещё более увеличится.

Другое слабое место в русском подворье — баня. При той пыли, которая наполняет Иерусалим, при обилии паразитов в помещениях, наконец, при нестерпимой палестинской жаре, необходимо паломникам мыться почаще. Для классных гостей есть удобная ванна. С этой стороны они обеспечены. Для простого же народа устроена крошечная баня, которая берётся, чуть ли не с боя.

Я хотел испытать на себе все прелести здешней бани, тем более, что мне похвалили

её чистоту. Назначена была баня для мужчин вечером после женщин. Прихожу в установленный час. Толпы паломников в передней и на дворе ждут, пока женщины вымоются. Прихожу через час. То же ожидание. В это время стараются ворваться в баню вновь пришедшие женщины, но их не пускают мужчины. Наконец, настала очередь мужчин. Как лавина, ворвались передовые в маленькую раздевальню, уставленную шкафами с ящиками для белья и платья. Я опять ушёл, но через час прихожу в третий раз. Дал и мне сторож ключ с номером от ящика в верхнем ряду. Рядом на лавке сидели паломники. Одни раздевались, другие одевались. Я долго ждал, не освободится ли где местечко для меня, и не дождался. Пришлось раздеваться посреди комнаты, комкая вещи и втискивая их через головы других в ящик. В умывальне тоже тесно. У меня под носом ухватили шайку. Одеваться было ещё труднее. Скамейки все заняты, кругом толчётся мокрый голый народ. Чрезвычайно неприятно! И всё от тесноты. Впрочем, надо отдать справедливость, баня содержится чисто.

Многие паломники ходят в частные бани. Я не знаю, в состоянии ли русское подворье снабдить водой для частного умывания всё множество паломников. Вода – это ведь слабое место в Иерусалиме. Святой город пьёт буквально небесную дождевую воду. Если зимних дождей мало, то город терпит недостаток воды; а летом, с апреля по октябрь, дождей почти не бывает. Дождевая вода собирается плоскими крышами зданий. По желобам и трубам она стекает вниз в цистерны, устроенные в подвальном помещении зданий, и тут держится круглый год. Понятно, что в Палестине волей-неволей приходится «оцеживать комара» (Мт. XXIII, 24), через полотно или фильтр. Водопровода до сих пор нет, хотя об этом много хлопотали, а одна англичанка ещё в 1866 г. предлагала устроить его за свой счёт.

Одно из необходимых и благодетельнейших учреждений общества – бесплатная больница. Пришлось и мне немного воспользоваться её помощью после странствования

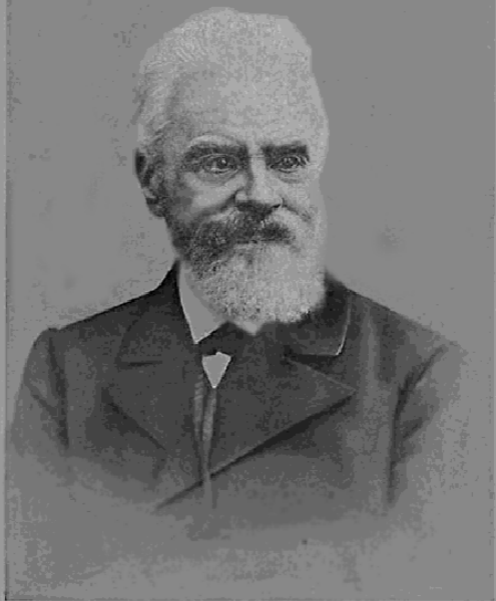
по Галилее. Я дешёво отделался: каким-нибудь вередом от неудобного сидения на осле. Многие паломники, как я уже говорил, страдали после такого путешествия дизентерией, и немало из них скончалось. В мою бытность в Иерусалиме почти ежедневно отпевали по покойнику. Хотя у нас на русских постройках есть свои русские священники, но отпевать паломников, без разрешения греческого духовенства, они не имеют права, а потому всегда, как свидетель, лучше сказать, как надзиратель, при отпевании кого-нибудь нашим духовенством, присутствует и туземный священник. В этом выражается как бы недоверие к нашему духовенству; но на самом деле подкладка всё та же: греки не хотят отдать доходов от треб в руки русской духовной миссии.

За получение через греков христианской религии мы, русские, до сих пор расплачиваемся с ними большими суммами. Наши пароходы ежегодно перевозят из России в Палестину сотни тысяч рублей.

В настоящее время большинство пожерт-

зований в Иерусалим идёт по адресу: «На Гроб Господень». Это доход исключительно греков, т. е. в пользу Святогробского братства. Если бы наши добродушные крестьяне или купцы знали, куда идут их деньги, то, конечно, они жертвовали бы в распоряжение Палестинского общества, которому приходится ежегодно тратить на паломников и на поддержание православия в Палестине немного менее 300 000 руб. (по отчёту за 1900—1 г., расход общества выразился в 407 169 р., в том числе на поддержание православия 133 319 р. и на пособие паломникам 150 541 р.).

Говоря о Православном Палестинском обществе, нельзя не упомянуть его создателя, Василия Николаевича Хитрово, недавно скончавшегося в Гатчине. Первый раз Василий Николаевич посетил Святую Землю летом 1871 г. Ещё тогда он обратил внимание на беспомощность русских паломников и тяжёлое положение православной части туземного населения в Палестине. Но вскоре случившаяся война России с Турцией помешала сделать

Василій Николаевичъ Хитрово.

(† 5 мая, 1903 г.).

что-либо для них. Тотчас после заключения мира, Хитрово, путём публичных чтений и докладов, стал знакомить русское общество с прискорбным положением паломничества, а осенью 1880 г. и сам снова отправился во второе путешествие в Палестину. К этому времени начальник русской духовной миссии, архимандрит Антонин, приобрёл уже несколько участков в разных местах Св. Земли и построил на них странноприимницы и храмы. Вот тут-то и возникла у них мысль о создании частного общества для оказания помощи русским паломникам и православным сирийцам. В 1881 г. предприняли путешествие в Палестину великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович. Эта поездка ещё более возбудила внимание русских людей к Св. Земле.

Великий князь Сергей Александрович согласился стать председателем Православного Палестинского общества, а 8 мая 1882 г. был утверждён его устав. Через 7 лет (24 марта 1889 г.) в заведывание обществу были переданы все русские странноприимницы и земельные участки в Палестине, находившиеся

раньше в ведении Палестинской Комиссии при Азиатском департаменте министерства иностранных дел. С этих пор общество, приняв наименование «Императорского», крепко становится на ноги и занимает прочное положение, как в пределах Сирии и Палестины, так и в самой России; но своему быстрому развитию и тому цветущему состоянию, в котором оно находится в настоящее время, главным образом обязано изумительной энергии и неутомимой трудоспособности помощника председателя общества, В. Н. Хитрово. Можно сказать, он был душою, руководителем и стражем Палестинского общества. Все, сколько-нибудь знакомые с его деятельностью, поражались той горячей преданности и беззаветной любви, которые проявлял Василий Николаевич ко всему, что имело то или другое отношение к Палестине. Кроме заботы о паломниках и поддержания православия в Св. Земле, он обратил своё внимание и на разработку вопросов по палестиноведению. Археологические раскопки, начатые ещё архимандритом Антонином, продолжались и Палестинским обществом. Между прочим, в са-

мом городе Иерусалиме раскопки увенчались неожиданным успехом: близ храма Воскресения был найден порог Судных ворот, через который, как полагают учёные археологи, проходил Страстной путь на Голгофу.

Кроме множества книг по палестиноведению, изданных обществом, перу самого Василия Николаевича принадлежат несколько интересных сочинений, с верным описанием св. мест, условий паломничества и положения православия в Палестине.

Празднуя, 14 мая 1902 г., двадцатилетие Палестинского Общества, Василий Николаевич в своём докладе общему собранию членов выяснил причины неожиданного успеха общества.

«Первую и безусловно главнейшую причину, — говорит он, — следует видеть в том отзвуке, который находят в сердцах простого православного люда громкие имена св. мест, известных ему, может быть даже бессознательно, с детства... Затрудняешься сказать,

чей труд для успеха дела больше и святее – духовного ли пастыря, который в якутской тундре, в занесённом снегом чуме, рассказывает инородцам о Св. гробе, Голгофе, Вифлееме и совершившихся в них, великих для рода человеческого, событиях, или управляющего Русскими подворьями, устраивающего, по возможности, в тесном помещении шестую тысячу русских паломников, чтобы дать им на утро возможность достигнуть того, чего жаждала их душа десятки лет, или тех наших тружеников и тружениц, которые, будучи оторванными от родины, среди чуждой для них, и должен сознаться, часто неприглядной обстановки, из сил выбиваются, чтобы удержать подрастающее поколение в православной вере отцов. Смею думать, что все они одинаково способствуют и способствовали успеху общества»

Членам Православного Палестинского общества полагается красивый знак на голубой ленте для ношения на груди. Знак этот, если внимательнее рассмотреть его подробности, становится для верующего человека знамени-

ем, символом, — так много вложено в него смысла и значения! Мой близкий друг (смотрите «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», февраль, 1893 г.), больше десяти лет тому назад, дал ему прекрасное объяснение, которое раскрывает таинственное содержание, скрываемое в словах и изображениях двух сторон знака.

Евангелие своими притчами научает нас видеть высший духовный смысл во всех словах и делах нашей земной жизни. Как обыкновенная картина сеяния хлеба раскрывает нам учение о Царствии Божием, так каждое явление в мире может служить озарённому свыше уму притчею Царствия Небесного. Иногда люди, подобно апостолу Петру во время Преображения Господня, сами высказывают глубокую притчу, не понимая её; иногда же намеренно выражают какое-нибудь учение в символах, представляя широкий простор другим искать в них сокровенную тайну Божию.

Палестинское Общество имеет следующий

знак для своих членов: Золотой крест. На нём щит, на белом поле которого золотая монограмма имени Христова между буквами Альфа и Омега. Кругом щита, на чёрной ленте слова пророка Исаии (62.1): «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь». Другая надпись на обратной стороне щита, на белом поле: «Благословит тя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима» (Пс. 127.6).

Вот притча! скажем и значение её (Дан. 2.36).

Щит, это – Церковь, Иерусалим. Основание Церкви – крест. Две стороны щита – две стороны Церкви.

Займёмся сперва передней видимой стороной щита. Белое поле с золотыми буквами, окружённое чёрной лентой, это – настоящая видимая сторона Церкви, основатель которой, Иисус Христос, как солнце в мире, сияет в ней Своим именем (Христос), пред которым преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних (Фил. 2.10). Как человек, собирая мёртвые буквы в одно целое, составляет из них живое слово, так Дух Святой, собирая смертных людей, составляет из них одно живое тело, которого Голова-Начальник есть Иисус Христос (Еф. I.22.23, II.22, IV.15.16). В Нём, в Истинном Слове Божиим, черпают свою силу, премудрость и славу двадцать четыре апокалипсических старца, окружающие Его в белых одеяниях с золотыми венцами, как 24 буквы греческого алфавита от Альфы до Омеги (Апок. I.10, IV.4, V.8.12).

Но это светлая часть воинствующей Церкви имеет и тёмную полосу зла: весь мир лежит во зле (I Иоан. V.19). Белое воинство Христа (Апок. XIX.14) борется с этим чёрным злом. Каждый из них, неся крест терпения Христо-

ва и укрываясь щитом веры, исповедуваемой Церковью, до конца (Мт. 24.13) стоит на поле брани. «Не умолкну, взывает он, ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдёт, как свет, правда его, и спасение его – как горящий светильник» (Ис. 62.1).

Другая, совсем белая сторона знака, сокрытая от взоров людей, говорит нам о сокрытом сокровище Царствия Небесного (Мт. XIII.44). О, воин Христов! не бойся принять этот крест: по ту сторону его тебя ожидает вечное блаженство. Твоя непобедимая вера (I Иоанна V.4) ведёт тебя к горе Сиону и ко граду Бога живого, к Небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу (Евр. XII. 22-24). Там благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима (Пс. 127.6). Эти две стороны Единой Церкви Христос соединяет Своим крестом, убив вражду на нём (Еф. II. 16). Своею кровию, пролитою на сём кресте Он примиряет земное с небес-

ным, человека с Богом (Еф. I. 10; II.16; Кол. I.20).

Полагается и голубая лента с двумя красными полосками при сём знаке. Как эти две алые полоски небесной зари восходящего солнца пробиваются в замкнутой крестом голубой ленте ясного неба, так в вечном мире вечная взаимная любовь Бога и людей истекает из этого великого, чудного креста Господня.

Этот знак Палестинского Общества имеет в себе и образ Марии, Божией Матери. На щите знака золотая монограмма Христа, это – на руках Своей Матери вопрощённый Иисус, благословенный плод чрева её. Самый щит – Божественный покров «ширший облака», а белый цвет его – чистота и святость Приснодевы.

В русском народе есть обычай вместе с крестом на груди носить и круглый образок Божией Матери, т. е. каждый православный христианин, как бы член Палестинского Общества, лучше сказать, как член Небесного

Иерусалима, носит на сердце его Божественные знаки.

О вы, напоминающие о Господе, члены и сотрудники Палестинского Общества! Не умолкайте, не умолкайте пред ним, доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалим славой на земле. Приготовляйте путь народу! Равняйте, равняйте дорогу, убирайте камни! Поднимите знамя для народов! (Ис. 62. 7.10). И увидят народы правду твою, Иерусалим, и все цари – славу твою, и назовут тебя новым именем, которое нарекут уста Господа. И будешь венцом славы в руке Господа и царскою диадемою – на длани Бога твоего. Не будут уже называть тебя «оставленным», и землю твою не будут более называть «пустынею», но будут называть тебя «Моё благословение к нему», а землю твою – «замужнею», ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя сочетается. Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой (Ис. 62. 2-5).

ГЛАВА 31. Иордан и Мёртвое море

Поездка на Иордан. – Иерихонское шоссе. – Гостиница Милосердного Самарянина. – Иорданская пустыня. – Сорокадневная гора. — Иерихон. – Иорданская долина. — Монастырь Иоанна Предтечи. — Река Иордан. — Священное купание. — Мёртвое море. — Возвращение в Иерусалим.

Иисус Христос, прибыв из Галилеи в Иерусалим, все ночи своей последней страстной седмицы проводил в окрестностях города. Так и теперь многие из наших паломников обыкновенно расходятся по окрестностям Святого города до среды страстной седмицы. Я тоже примкнул к небольшой компании, чтобы поехать на Иордан.

Хорошо зная по рассказам паломников,

что заиорданские бедуины до сих пор грабят, а иногда и убивают путешественников, мы попросили в конторе русских построек рекомендовать нам хорошего и надёжного извозчика. Кавас, черногорец Марко, провожая наш экипаж, несколько раз повторял арабу-извозчику, чтобы он сначала ехал к Сорокадневной горе, ночевал в Иерихоне, а на утро отправился бы к Мёртвому морю, а потом уже к Иордану.

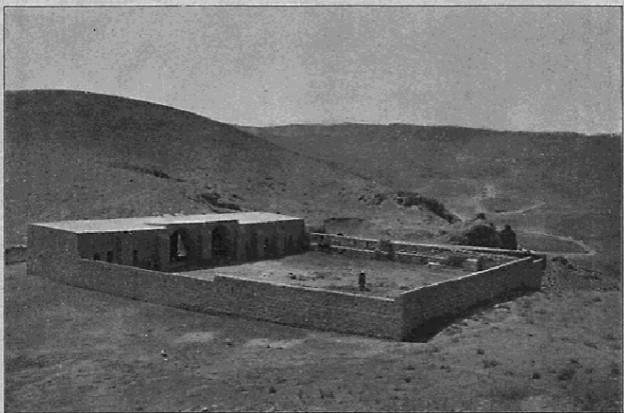
Это обыкновенный маршрут почти всех паломников, и к нему извозчики давно привыкли.

Довольно гладкая укатанная шоссе́йная дорога в Иерихон сначала шла в обход Елеонской горы. К общему удовольствию оказался среди нас хороший знаток библейской истории, и в его образных рассказах оживлялся каждый уголок этой дикой пустыни. А пустыня была в полном смысле этого слова: голые скалы, местами усеянные камнями и только. Ни деревьев, ни травы не заметно. Всё, кажется, выжжено палящим солнцем. Недавно

устроенное, ради приезда германского императора, иерихонское шоссе было отлично выглажено и представляло бы собой прекрасную дорогу, если бы не беловатая пыль, поднимавшаяся столбами от каждого пешехода.

За Вифанией не встречается никаких селений. Только на полпути к Иерихону стоит гостиница, с которой связывают известный евангельский рассказ о милосердом самарянине. Восточная гостиница, или хан, — это большой огороженный двор с множеством стойл для скота. В одноэтажной пристройке для путешественников предлагали нам купить древнее туземное оружие и угощали кофе; но мы, купив только жестяную фляжку для вина на память о милосердом самарянине, поспешили отправиться дальше на восток.

Встречных очень мало. Попадались пастухи с небольшими стадами коз, заиорданские бедуины да изредка парами или небольшими группами паломники.

Ханс-ель-Ахмарь (Гостиница «Доброго Самарянина»).

Хан-ел-Ахмар (Гостиница «Доброго Самарянина»)

Я удивлялся отважности русских женщин. Пустыня, заведомо разбойничий край, а они попарно бредут себе тихохонько и спокойно разговаривают, как будто у себя дома, в России.

Дорога шла извилистой лентой с горы на гору; когда мы взбирались на вершины их, от-

крывался далёкий вид на Иорданскую долину и Мёртвое море.

Разобрать издали, где протекает Иордан, очень трудно: всё было затянуто лёгкой дымкой. За долиной бледной полосой тянулись горы.

Стали нам попадаться всё чаще и чаще аисты. В России их видишь в одиночку, редко попарно; а тут при каждом повороте дороги они подымались небольшими стайками, штук по десять, по пятнадцать. В одном месте они буквально усеяли весь склон горы.

Иудейская пустыня.

Хозевитский монастырь.

Хозевитский монастырь

При нашем приближении вся эта масса крупных и красивых птиц вдруг взлетела на воздух. Прекрасное зрелище!

Вероятно, мы встретили отдыхающую стаю на весеннем перелёте в Россию (2 апре-

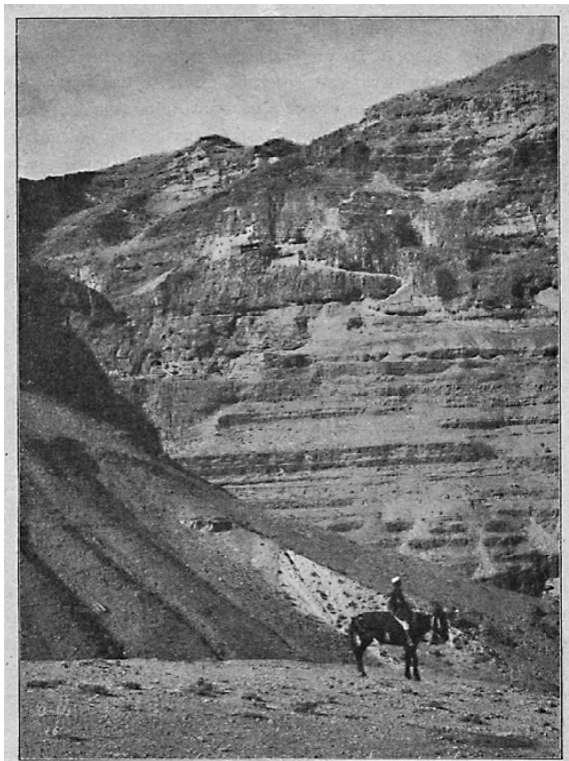
ля по старому стилю).

Иорданская пустыня знаменита своими отшельниками во все времена христианства. Прежде здесь монастыри насчитывались десятками. Как птицы, гнездились иноки в этих голых скалах, ища полного уединения, как и Христос сорок дней на горе Джебель-Каранталь. Куда ни взглянешь, все горы изрыты пещерами. Но не только пост, терпение, молитва или воздержание, труд лишения и опасности привязывали отшельников к суровой пустыне. Они искали здесь уединения и тишины, чтобы приблизиться к Богу, созерцать его духовными очами, удостоиться общения со святыми ангелами.

После погрома Палестины персами и арабами немногие из монастырей уцелели до нашего времени. Теперь возобновлены и поддерживаются только пять обителей, посещаемых паломниками: Хозевитская, св. Герасима, Иоанна Предтечи, Саввы Освящённого да на Сорокадневной горе, куда мы держали путь свой.

Крутыми спусками мы быстро съехали в равнину и повернули налево к Сорокадневной горе, или Джебель-Каранталь, как её здесь называют. У её подошвы мы заметили маленькое селение, а, может быть, временное бедуинское становище, из которого нам навстречу вышел мальчик. Извозчик попросил его покараулить лошадей, пока мы сходим на гору. Крутая дорожка, пробитая в каменистом грунте, вела к удивительному по устройству греческому монастырю. Он состоял из ряда пещер, высеченных в отвесных скалах, с прилегающими к ним висячими балконами, подпертыми снизу. Монахи и сам настоятель, архимандрит Авраамий, любезно показывали нам всё, что могло нас интересовать, и угощали щербетом и кофе. Обстановка обители не богатая.

Мы взбирались и на самую вершину горы, откуда была видна вся окрестность Иорданская. На западе отлично выделялась русская колокольня на горе Елеонской, а на севере царил белоснежный Ермон.

Монастырь на Сорокадневной гора (Джебелъ Каранталъ).

Отсюда, говорит предание, были показаны Христу «все царства вселенной во мгновение времени». Место на самой вершине теперь расчищено для сооружения церкви.

Спустившись с горы, мы с большим трудом отыскали нашу коляску. Равнину охватил уже вечерний сумрак. Извозчик-араб попросил у нас денег для сторожа мальчика. Мы дали ему двугривенный. Переговорив с мальчиком, извозчик сел на козлы и сказал нам, что мальчик требует ещё две парички (самые мелкие медные монетки). Мы позвали арабчёнка и лишь только дали ему парички, как извозчик стегнул по лошадям и быстро поехал к Иерихону.

Тут только мы сообразили, как просто он всех нас обманул. Парички достались мальчику, а двугривенный он взял себе. Нам это плутовство не понравилось. Объясниться же с ним мы не могли: он так же мало понимал по-русски, как мы по-арабски.

Вскоре в ночном полумраке замелькали

Иерихонъ.

дома и сады Иерихона. Извозчик быстро подкатил к воротам русской странноприимницы. Заведует ею монах Дионисий, кажется, единственный из всех русских, который мог выдержать томительно жаркую температуру Иорданской долины в продолжение многих лет.

К тому же он прекрасный садовник, и это как раз кстати, потому что у русских здесь имеется большой фруктовый сад. В Иерихоне

Монастырь св. Іоанна Предтечи на Іорданѣ.

свободно растут и пальмы, и бананы, и вообще растения жаркого климата.

Поужинав в общей большой столовой на втором этаже, мои спутники разошлись по номерам, а я с отцом Дионисием вышел на балкон и залюбовался тихой, звёздной ночью. Вдали виднелись слабые огни, откуда доносилось до нас пение и пляска мусульман-арабов.

Рассказывая о местных нравах, монах-го-

стиник заметил, что у нас взят извозчик ненадёжный: всегда на него жаловались все паломники.

На другой день, чуть свет, мы уже были готовы к дальнейшему путешествию. Отец Дионисий ещё раз напомнил по-арабски нашему извозчику, чтобы он ехал сперва к Мёртвому морю, а потом уже к Иордану.

Тронулись. Дорога шла по долине, покрытой песчаными буграми, как бы дюнами. Повсюду встречается частый, но мелкий кустарник. Его листья представляют вид тонких соудиков, наполненных солоноватой влагой. Сколько ни встречалось растений, все они имели характер солончаковой флоры.

Мы вскоре потеряли из виду Иерихон, но в то же время не видели ни Мёртвого моря, ни Иордана. Насколько сумели, мы спросили извозчика, везёт ли он нас к Бахр-Лут (Бахр-Лут значит «море Лота»), т. е. к Мёртвому морю.

— Бахр-Лут! Бахр-Лут! — поспешил заве-

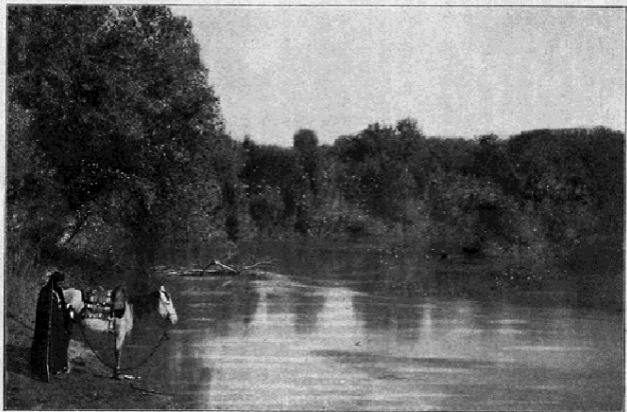
ритель нас араб.

Нам это было очень важно. В такой ранний час купаться в реке было бы очень холодно, в море же вода была значительно теплее. Кроме того, после купания в солёном рассоле Мёртвого моря необходимо смыть с себя едкую и даже ядовитую соль в пресной воде. Да и духовном значении неудобно, чтобы из святых вод Иордана, «очищающих грехи мира», погрузиться в мёртвые воды Содома и Гоморры.

Эта местность, по которой мы ехали, была для Израильтян входными воротами в Обетованную землю. Отсюда вождь Израиля, Иисус Навин, сделал своё победоносное шествие к Иерихону и к другим городам Палестины. Патриархи Авраам и Иаков тоже входили в обетованную землю с восточной стороны из-за Иордана.

На берегу Иордана

Пока мы вспоминали библейскую историю

На берегу Иордана.

здешнего края, извозчик подъехал к монастырю Иоанна Предтечи. Мы все бросились к нему с упрёками, зачем он нас обманул и привёз сначала к Иордану, а не к Мёртвому морю, как ему не один раз раньше наказывали. Нахальный араб вскипел и, жестикулируя кулаками перед самым носом одного из наших товарищей, сильно кричал по-своему. Его подходы были настолько дерзки, что товарищ наш не выдержал и отстранил его ударом палки по руке. Араб моментально вы-

рвал палку и, как ужаленный, с яростью замахнулся ею в свою очередь, но тут все остальные спутники поспешили разоружить его.

Эта безобразная сцена повергла нас всех в крайне печальное настроение. Перед монастырём Проповедника покаяния, пред священным Иорданом – и такая вспышка гнева! Кто-то из нас заметил, что это тоже в своём роде искушение дьявола в пустыне Иорданской, как было у самого Христа и у всех иорданских святых.

— Господа! – примиряю я их, — этот эпизод необходим в нашей поездке на Иордан. Без него мы не испытали бы всей полноты впечатлений древних паломников в эту местность, подверженную разбойничеству и насилию со стороны бедуинов.

Впрочем, взаимное незнание языков скоро нас смирило, и мы, проворно осмотрев монастырь, покорно отправились на Иордан. Можно подъехать совсем близко к реке и не ви-

деть её священных вод, потому что оба берега густо заросли деревьями и кустами.

Было ещё рано. Чувствовалась свежесть и в воздухе, и в воде. Солнце хотя освещало землю, но не грело ещё тенистых берегов Иордана. Мутная, светло-серая река бежала очень быстро. От каждой свесившейся в воду ветки расходились две сильных струи. Для купания мы разделились попарно. У паломников составилось понятие, что окунаться голому в водах Иордана, освящённых крещением Господа Иисуса, не только неприлично, но и грешно.

Неприменно надо прикрыть свою греховную плоть новой рубашкой. В Иерусалиме можно купить у некоторых русских паломниц специально для этой цели сшитое бельё из колленкора за весьма ничтожную цену. Таким я и запасся накануне отъезда на Иордан. Мой же спутник, почтенный семьянин, разделся, как на праздник: всё нижнее бельё от рубашки до носков было сделано заранее в России по особому заказу из хорошего мате-

риала. Не забыт был и белый галстук.

Въ день Богоявленія на берегу Иордана.

В день Богоявления на берегу Иордана

Всё было вперёд строго обдуманно, потому что это бельё будет тщательно оберегаться до гроба, чтобы в нём представиться и перед судилищем Христовым.

Мы выбрали место для купания у более глубокого берега, среди нависших над водой ветвей. Товарищ опустилсЯ в воду первым и, держась за ветки дерева, окунулсЯ три раза, а я в это время пел крещенский тропарь. Затем

насталла моя очередь. С большим трудом натянув на себя сшитое на живую нитку узкое бельё, я спрыгнул в воду и хотел выйти на более глубокое место, но с первым же шагом почувствовал, что мои ноги теряют почву: мягкий грунт на дне расступался под ними, а сильное течение влекло меня в сторону.

— С большой опаской, — предупреждал нас о. Дионисий, — купайтесь в Иордане. Не один раз тонули и хорошие пловцы.

Окунувшись три раза, я не рискнул поплавать на глубине и поспешил выйти на берег. Несмотря на сильные жары в долине, вода была довольно свежая. Воображаю себе, какая она должна быть в январе месяце, когда в воспоминание крещения Господня толпы паломников погружаются в Иордане при торжественном молебствии!

Наше купальное бельё мы развесили по деревьям для просушки.

— Теперь, — заметил мой товарищ, — его

не следует мыть после освящения в иорданской воде. Вот ещё надо образа посвятить.

И он окунул в реке по три раза привезённые с собою небольшие иконы и крестики. Хотели в память из Иордана взять камешков, но их трудно было найти в глинистом берегу. Ограничились водой, налитой в бутылки, да палками из прибрежных растений. Араб-извозчик, увидев, как его недавний противник неумело старается выломать себе палку, поспешил отломать с другого дерева и поднёс ему. Эта зеленеющая палка в руках араба, как миртовая ветвь, как эмблема мира, выражала примирение. Русский же давно простил всё и только сожалел о своей гневной вспышке.

Закусив хлебом с отстоянной иорданской водой, которая показалась всем очень вкусной, мы поехали к Мёртвому морю. С каждым часом солнце припекало всё сильнее и сильнее, так что, когда мы подъехали к гладкому, как зеркало, морю, искупаться было бы очень кстати, но после Иордана никто из нас не рискнул испытать силу страшно едких вод.

Берег усеян чёрными и белыми камешками. Но ни одного дерева кругом! Только вдали от берега виднелись низенькие солончаковые кустики.

Мертвое море (Бахр-Лут).

Мертвое море (Бахр-Лут)

На вкус вода Мёртвого моря очень жгучая. Некоторые не рады были, что попробовали. Если на минуту опускали в неё руку, то она покрывалась тонким слоем соли. Вода на-

столько густа, что тело человеческое не может утонуть в ней.

Вернувшись в Иерихон, я вспомнил про Закхея и попросил отца Дионисия показать мне какую-нибудь смоковницу, одного вида с той, на которую влезал низенький начальник мытарей. Он привёл меня к большому роскошному дереву, с овальными, а не лопастными листьями.

— Это не похоже на обыкновенную смоковницу! — замечаю я.

— Да, это другой вид. На ней также есть смоквы, но мельче. В Евангелии это дерево зовётся сикомором.

В странноприимнице имеется книга для записей приезжающих. Некоторые не ограничились одними именами и названиями городов, откуда они приехали, но внесли и свои заметки. Мы же записали три молитвы, подходящие к месту, связанному с именами Иисуса Навина, пророка Елисея и, наконец,

Самого Господа Иисуса Христа.

Когда мы, мирно разговаривая, закусывали перед дорогой, вдруг раздались со двора визгливые крики и плач женщины. Моментально мы все сбежали вниз. Здешний слуга из арабов бросился за ворота ловить кого-то. По этому поводу отец Дионисий рассказал нам много своих наблюдений о здешних нравах и порядках. Можно только удивляться, как ещё здесь люди осмеливаются гнездиться в селениях...

Наскоро осмотрев источник пророка Елисея, мы поспешили отправиться в Иерусалим, чтобы сегодня же добраться до него засветло.

В общем, дорога теперь шла всё в гору и гору, потому что Иерихонская долина ниже Иерусалима более чем на одну версту и, что замечательно, ниже уровня Средиземного моря немного менее 200 саженей.

После томительной жары в долине, нам показалось в горах довольно свежо. А когда

зашло солнце, некоторые мои спутники даже озябли от развивающегося при езде холодного ветра. Такой резкий контраст ночной температуры после дневной жары!

Во все время дороги извозчик был очень тих и послушен. Потом мы узнали, что отец Дионисий сделал ему хорошее внушение, пригрозив консулом. А в Иерусалиме он и рта не разинул.

ГЛАВА 32. Мамврийский дуб и Хеврон

Поездка в Хеврон. – Ильинский монастырь. – Памятник Рахили. – Гора Фудерис. – «Крины сельные». — Дуб Мамврийский. – Потомки Авраама. — Город Хеврон. — Библейский тип еврея. — Гробница ветхозаветных патриархов.

Обыкновенно каждый православный паломник, приезжающий через Яффу в Иерусалим, считает своим долгом пройти в длину Палестину, от Галилеи до Хеврона, и в её ширину, от Яффы до Иордана, так сказать, перекрестить Святую Землю. Такой образ странствования указан самим Богом первому паломнику в обетованную землю — Аврааму, родоначальнику избранного народа и прародителю Спасителя мира.

«И сказал Господь Аврааму, после того, как

Лот отделился от него: возведи очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу... Встань, пройди по земле сей в долготу и в ширину её: ибо Я тебе дам её» (Быт. 13).

Следовательно, Господь велел Аврааму перекрестить землю Ханаанскую с севера на юг и с востока на запад. Место отделения Лота от Авраама, если не было в самом Иерусалиме, то, весьма вероятно, около него, потому что Иерусалим лежит к югу от Вефиля (Быт. 13,3) и на параллели устья реки Иордана, к которой устремился Лот.

В Галилее я уже был; оставалось мне, как Аврааму (Быт. 13,18), из Иерусалима «двигнуться к дубраве Мамре, что в Хевроне».

Ко мне присоединились ещё три паломника, и мы вчетвером, наняв коляску у Яффских ворот, рано утром выехали из Иерусалима. День был ясный, солнечный. Дул небольшой ветерок. Всё предсказывало чудную прогулку.

Переехав Гинномову долину, мы быстро покатали на юг по Вифлеемской дороге. Справа от нас оставался железнодорожный вокзал, а слева — гора Злого Совещения. Прямо перед нами открывался вид на горы Иудейские.

Один еврей, которому нужно было попасть в Хеврон, насильно навязался к нам в качестве проводника и подсел к извозчику на козлах. Однако сведения его были очень скудны.

— Вот за этой горой, — говорил он, — будет Вифлеем, а там Бет-Джала, где русская школа для арабских девочек...

— А это, — спрашиваем мы его, — прямо по дороге что за здание?

— Греческий монастырь. Мы сейчас остановимся у него поить лошадей.

Действительно, вскоре наш возница подъехал к источнику воды. Мы вышли из коляски и направились к монастырю, связанно-

му с памятью пророка Илии. За монастырской оградой виднелся большой масличный сад. По преданию, здесь отдыхал строгий пророк, когда он бежал от израильского царя Ахава.

Один из встретивших нас греческих монахов прочитал в церкви краткую молитву и дал нам поцеловать крест, причём, показывая на блюдо, очень понятно сказал по-русски:

— Давай! давай!..

За особую плату монахи записали наши имена для поминовения и одарили нас чётками из масличных косточек и бумажными образками российского изделия.

Следующая остановка была у каменного памятника Рахили с белым куполом. Эта «одинокая гробница вниманье путника зовёт» своей печальной историей. Здесь умирает мать при рождении ребёнка; здесь же, через девятнадцать веков, она плачет и рыдает,

когда убивают её детей (Матф. 2,18).

Вскоре мы прибыли на распутье трёх дорог: вправо шла дорога в Бет-Джалу, влево – в Вифлеем, а прямо — в Хеврон. Мы решили посетить место рождения Христова на обратном пути в Иерусалим, а потому поехали прямо к городу ветхозаветных патриархов. Да и приличествует сперва побывать у святых праотцев, а потом уже на месте рождения Сына Авраамова (Матф. 1.1), как и православная церковь перед праздником Рождества Христова сперва вспоминает Авраама, Исаака, Иакова и других прародителей Спасителя мира.

За Вифлеемом возвышалась вершина Джебель-Фуредис, царившая над соседними горами. Иосиф Флавий говорит, что наверху этой горы Ирод Великий построил себе дворец и город Herodia. Будто бы здесь он и погребён был. Замечательно, какое сочетание двух противоположностей на пространстве каких-нибудь шести-семи вёрст! С одной стороны, пышный дворец Ирода Великого на одной из горных вершин Иудеи; с другой – сми-

ренные ясли Христа Спасителя в подземной пещере Вифлеема!

Предполагают, что гора Фудерис есть потухший кратер вулкана. В таком случае в своём «вознёшемся до неба» (Матф. 2,23) Иродиюме Ирод Великий мог бы сказать в прямом и переносном смысле известную фразу: *Nous dansons sur le volcan* (мы танцуем на вулкане).

Во времена крестоносцев Джебель-Фуредис служила им сторожевым пунктом со стороны Идумеи. С тех пор она стала называться также горой Франков.

Близ известных Соломоновых прудов, высеченных в скалах недалеко от Хевронской дороги, мы опять вышли из коляски, чтобы собрать букет яркопунцовых анемонов, напоминающих своей окраской наш российский дикий мак. Палестинские анемоны в это время года, кажется, самый распространённый цветок в здешних краях. Из этих засушенных «крин сельных» монахини католических монастырей делают красивые венки и букеты,

наклеивая их на картон.

В оживлённых разговорах мы и не заметили, как подъехали к месту древней дубравы, с которой предание связывает явление трёх ангелов Аврааму у священного дуба. Нам пришлось немного пройти пешком мимо садов, защищённых каменными оградами.

Около нас быстро собралась толпа арабских детей и русских паломников, прибывших сюда пешком с вечера. Подошла к нам и женщина арабка, заведывающая русской постройкой при Мамврийском дубе. Она любезно приветствовала и ввела нас в ограду достопамятного дерева, величественно раскинувшегося тремя толстыми стволами, как бы в указание явления на этом месте триипостасного Бога.

Один из моих спутников благоговейно склонился на молитву, а потом, поднявшись, восторженно воскликнул:

— Подумайте, Святая Троица явилась здесь на этом месте! Как свято оно! Не только в са-

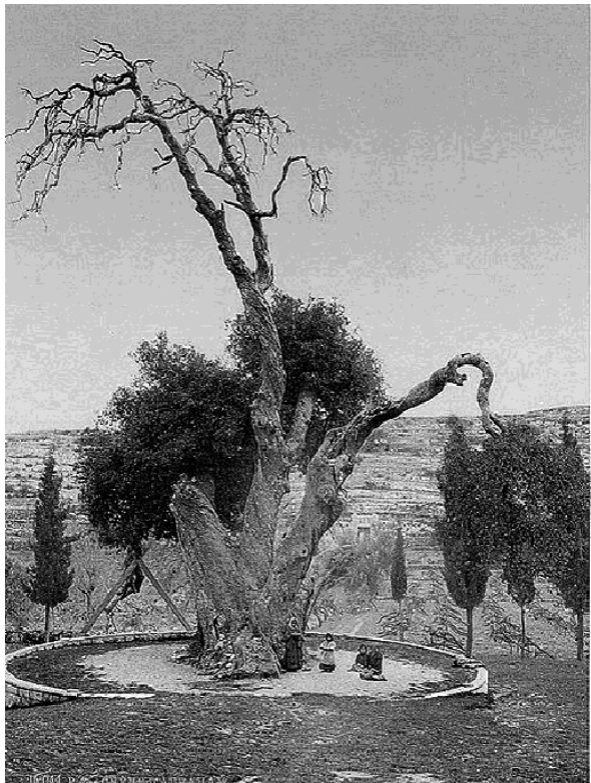
погах, но и без сапог мы недостойны входить сюда!

— Но ведь это, — заметил другой мой спутник, — не тот дуб, который видел Авраама и Сарру сорок веков тому назад. Ещё в четвёртом столетии по Рождестве Христовом предполагали, что видят только следы того дуба. А теперь, вероятно, и следов не найти. Да и здесь ли он рос, — это тоже надо доказать.

Мамврийский дуб. Фото нач. XX века

В это время арабские ребяташки поднесли нам тарелку с желудями. Они несколько толще, круглее и вообще крупнее российских. Предлагаемые жёлуди были собраны под соседними дубами. Тот наш спутник, который скептически отнёсся к предполагаемому месту Мамврийского дуба, усомнился и в самой породе дерева.

— Дуб, дуб, — поспешила заверить нас заведывающая этим священным местом.

— Ну, какой же это дуб, господа! — продол-

жал настаивать скептик. – Разве у дуба такие листья? Вы только взгляните, пожалуйста...

И он, быстро отломив маленькую веточку, показал её нам. Окружающие нас громко ахнули. Оказывается, что здесь запрещено срывать с заветного дуба листья и ветви. Конечно, случайно сорванная «ветка Палестины» была бережно привезена в Россию.

Действительно, листья палестинского дуба совершенно не похожи на своеобразные листья наших северных дубов. Они узки и с мелкими острыми зубчиками по краям; длина их не более одного вершка.

От великана дуба, развалившегося на три части, идёт роща молодых дубков до русского дома. Очевидно, это дети могучего старца... Проходя среди них по тенистой аллее, один из спутников заметил мне:

— Мы не сомневаемся, что все эти деревья потомки той священной дубравы Мамре, в которой когда-то раскинул свои палатки Авра-

ам, как не сомневаемся, что кругом нас бегают настоящие «дети Авраама». Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, сказал Спаситель, не есть Бог мёртвых, но живых, потому что у него все живы. Внешние покровы дерева меняются, умирают, но само оно долго живёт. Так и род Авраамов. Тела его потомков, как листья с дерева, падают на землю, умирают, но дух их живёт и будет жить вечно.

Как бы в подтверждение его слов, хозяйка русского дома пригласила нас закусить с дороги и вполне напомнила библейскую Сарру своим радушным угощением и гостеприимством. В стенах её дома веяло каким-то особым миром, спокойствием. Сейчас здесь не было ни сутолоки многочисленных паломников, ни страстных движений и выкриков арабов. Полуденная тишина охватила и все окрестные сады. Мы взглянули в сторону города Хеврона, или Эль-Халиля, как называют его арабы. Под лучами горячего солнца белели его скученные каменные дома, а ближе к нам темнели многочисленные фруктовые сады.

Хеврон – священный город в глазах евреев, христиан и магометан. Несмотря на свою близость к Мамврийскому дубу, Хеврон, однако, не входит в программу русского паломника. Но мы решили заглянуть и в этот древнейший город земного шара. Библия говорит, что он назывался прежде Кириаф-Арба, по имени одного великого человека из сынов Енаковых. Может быть, красная почва окрестностей Хеврона породила предание, что здесь была колыбель человеческого рода, — жилище первого человека Адама, взятого из красной земли, так как по-еврейски АДАМ значит ЧЕЛОВЕК и КРАСНЫЙ. Того же корня и слово ЗЕМЛЯ.

Когда мы с любопытством входили в первую столицу царя Давида, нас встретил красивый старец еврей с длинной седой бородой и радостно приветствовал нас по-русски.

— Вот вам прекрасный образец из времён Авраама, — шепнул мой спутник.

Оказывается, в молодости этот старец жил в России, но желание умереть на земле прародителей заставило его переселиться в Палестину.

— Скучаю я по России, — с глубоким вздохом произнёс он. — Хорошо там жилось! Не то, что здесь...

Сколько мы сумели, ответили на его расспросы о переменах в России.

Проводник привёл нас к мечети над местом погребения Авраама, Исаака, Иакова и их жён, но войти в неё нам, как христианам, было нельзя. Эта мечеть, по крайней мере, её стены, очень древней постройки. Одни относят её ко временам Ирода Великого, другие — к Соломоновым.

Мы осмотрели эту усыпальницу ветхозаветных пророков с разных сторон и отправились в обратный путь. Двое паломников из нашей компании несколько поотстали близ пруда, над которым были повешены убийцы

Иевосфея, последнего царя из дома Саулова. Как раз в это время проходила толпа молодых мусульман, и она не преминула воспользоваться удобным случаем оскорбить гяуров. Отставшие паломники поспешили присоединиться к нам, и это обстоятельство ускорило наш отъезд. Может быть, общая жалоба на фанатичную свирепость здешних жителей и заставляет русских паломников избегать этот город, который при Иисусе Навине был предан заклятию (то есть, было вырезано «все дышашее» в нём). К тому же тут нет собственно христианских памятников. Впрочем, благодаря Богу, я лично не встретил со стороны здешних магометан никакой попытки к обиде и был очень доволен, что посетил Эль-Халиль, город Авраама, друга Божия (Эль-Халиль по-арабски значит друг Божий).

ГЛАВА 33. Вифлеем

Вифлеем. – Вождь Израилев. – Древняя базилика. — Место рождения Спасителя мира. – Вифлеемская звезда. – Назойливость греков. — Усыпальница Иеронима. – Вражда христианских исповеданий. – Деревня «пастушков». – Успокоение сомневающегося паломника. – Продажа перламутровых изделий. – Палестинская ночь.

Впечатления от Хеврона, перед поездкой в Вифлеем, как от чтения ветхозаветных паремий перед праздником, побудили нас вспомнить историю избранного народа от Авраама до Христа Спасителя. Вспомнили и пророчество Михея, обращённое к Вифлеему.

«Из тебя взойдёт Вождь, который упасёт народ мой Израиля».

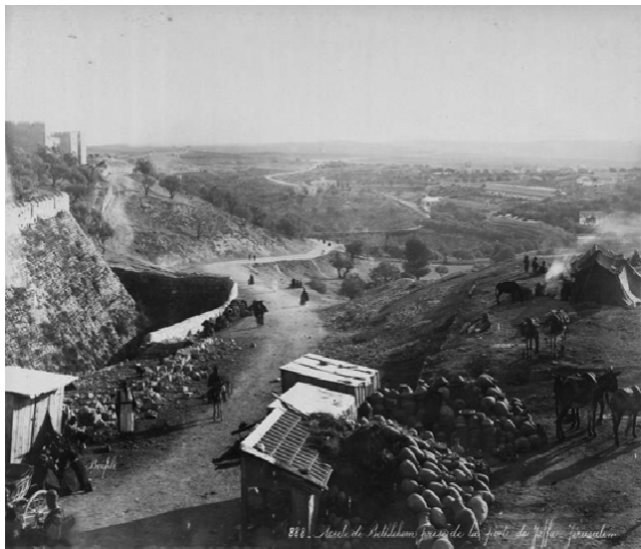
Bethléhem - Le jour de Noël.

Christmas day.

Pilger am Weihnachtstfest.

До пророка Михея два вождя вышли из Вифлеема – Давид и Иоав. Процарствовав семь лет в Хевроне, пророк Давид был избран вождём над всем Израилем. Когда же он осаждал гору Сион, то пообещал первого, кто взойдёт на стены крепости, сделать главою и военачальником. Таким оказался Иоав, сын Саруи, а Саруя был из Вифлеема (2 Царств 2,

18, 32; 20, 23). И поставлен был Иоав «над всем войском Израильским».

Дорога на Вифлеем от Яффских ворот

Но не их имел в виду пророк Михей. Он провидел третьего истинного вождя Израилева и притом на вечные времена – Иисуса Хри-

ста.

Был вечер, когда мы подъехали к Вифлеему и направились по его узким и извилистым улицам к храму Рождества Христова. В противоположность Хеврону, Вифлеем – преимущественно христианский город. В нём насчитывают до десяти тысяч жителей, и большинство из них исповедывают Христа Спасителя. Говорят, что, как Мать Божия оставила благословение назаретским женщинам – быть самыми красивыми в Палестине, так Иисус Христос дал подобное благословение мужчинам в Вифлееме. И в самом деле, все путешественники замечают красоту населения этих двух городов.

Рыночная площадь Вифлеема

Насколько царило оживление на искривлённых переулках и, особенно на базарной площади, настолько было тихо и пустынно в улице, куда выходила дверь храма Рождества Христова. Нас встретил греческий монах и повёл в древнюю базилику над «вертепом». По-

1942 Marché de Bethléem. — Market place at Bethlehem.

стройку её относят ко времени царя Юстиниана, но с тех пор она испытала на себе много невзгод, особенно при нашествиях магометан. К ней прилепили свои постройки православные, католики и армяне; но греки отгородили от общей базилики каменной стеной алтарь в своё исключительное владение. Там нам отслужили краткий молебен. Потом по лестни-

це мы спустились в подземную пещеру, где благоволил явить себя людям Спаситель мира.

Здесь со мной повторилось то же самое, что было и в других святых местах Палестины. С раннего возраста, из рассказов, картин и чтения книг мы создаём в своём воображении известный образ пещеры: со входом сбоку, с естественными каменными стенами, с видом из неё на открытые поля и на необъятное небо, откуда, среди тысяч блистающих ангельских глаз тихо льёт свой кроткий свет чудная звезда Христова... В действительности совсем не то. Опустившись в вертеп, завешанный красноватыми материями с золотыми разводами, замечаешь с двух сторон свет лампад в нишах, а прямо перед собою – турецкого солдата с ружьём, для поддержания «мира на земле»...

Интерьер церкви Рождества в Вифлееме

Взглянув направо, я увидел на каменном полу, под лампадами серебряную звезду с из-

334 Eglise de la Nativité, intérieur. — Church of the Nativity, interior.

вестной латинской надписью: *Nic de virgine Maria Iesus Christus natus est* (здесь родился от Девы Марии Иисус Христос). Раньше я много слышал про эту звезду в Вифлеемской пещере, но не предполагал, чтобы она была так проста по работе и так мало отражала в себе небесную звезду! А казалось бы, сюда надо собрать все бриллианты земного шара, чтобы

усеять ими Вифлеемскую пещеру...

Я склонился на колени и собрал все усилие духа, чтобы благоговейно обратиться к родившемуся здесь Спасителю мира, как вдруг слышу, кто-то дёргает меня за рукав. Я подымаю голову и с ужасом вижу на священной серебряной звезде только что положенную тарелку, я сбоку меня монаха-проводника, который показывает на неё и заискивающим голосом говорит:

— Сколько любовь будет ваша... Сколько любовь будет ваша...

— Ах, Боже мой! – с горечью воскликнул я. – Дайте, пожалуйста, хоть одну минуту провести здесь в молитвенном созерцании, куда стремилась душа моя за несколько тысяч вёрст! Уберите тарелку! Ведь я вам дам потом, но теперь-то не мешайте на святом месте...

Придел яслей в пещере Рождества

Здесь готов, вероятно, каждый без вымогательств со стороны монаха принести свои по-

сильные дары, если не золото, ливан и смирну, то деньги и свечи; но у меня уже этот свободный порыв души был оборван греком. Он отравил у меня самые лучшие минуты, на которые я так много рассчитывал.

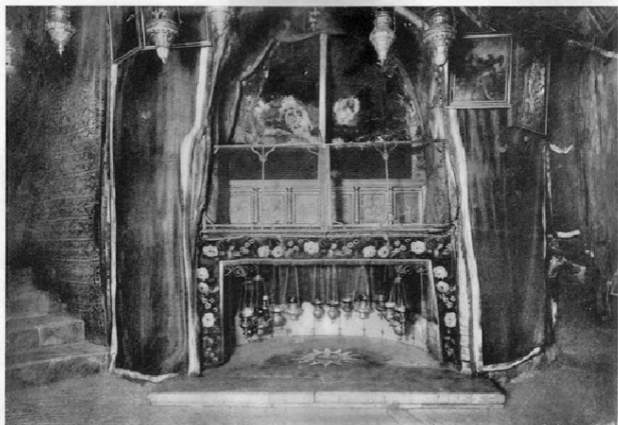
На противоположной стороне, тоже на каменном полу, под лампадами, было место яс-

лей Христовых. Оно принадлежит исключительно католикам. Здесь никто не мешал ни молиться, ни целовать священный камень.

В дальнейшем обозрении католических святынь мы умилились сердцем в месте упокоения блаженного Иеронима, истолкователя и переводчика Святого Писания, и его спутниц-друзей, Павлы и Евстохии. Какой симпатией веет от этого содружества во имя Христа! Для католической церкви Вифлеем имеет особенное значение: здесь родился общий всем Господь, Спаситель мира, здесь же возродилось для неё и слово Божие на латинском языке (*Vulgata*).

Но теперь, к стыду верующих во Иисуса Христа, его пещера стала ареной вражды и даже кровавой борьбы между христианами разных исповеданий, так что приходится прибегать к посредничеству турок-мусульман (особенно кровавое столкновение в вертепе Рождества Христова между греческими монахами и францисканцами было 11 мая 1891 года). «Как смеет, кто у вас, — писал апостол Па-

вел, — судиться у нечестивых, а не у святых? И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собой. Для чего бы вам лучше не остаться обиженными?» Теперь забыты заветы апостолов...

Bethléhem - Grotte de la Nativité.

Grotto of the Nativity.

Geburtsgrötte.

Вифлеем — пещера Рождества

Пожалуй, это хорошо, что, пока враждуют между собой христиане, Святой землёй владе-

ют турки. Ещё в XVII-м столетии, наш русский паломник, Арсений Суханов, с горечью замечал о вражде людей, исповедывающих одного и того же Христа Господа. Может быть, говорил Суханов, лучше, что ключи от христианского храма в Иерусалиме находятся у турок, и было бы, пожалуй, хуже, если бы они находились у греков.

Осмотрев Вифлеемский храм, мы вышли с проводником-монахом за ограду по направлению к Бет-Сахур, к деревне «пастушков», как зовут наши паломники. Она расположена под горой на расстоянии немногим более одной версты от Вифлеема.

По преданию, здесь явились пастухам ангелы в достопамятную ночь рождения Иисуса Христа.

Расспрашивая по дороге греческого монаха, я несколько поотстал от своих спутников. Монах воспользовался этим моментом и показал мне из-под рясы резной образ на большой перламутровой раковине.

— Это я вам дам, — таинственным шёпотом проговорил грек и опять скрыл образ под рясу.

Я с негодованием отвернулся от него и поспешил присоединиться к своим товарищам. Но грек не отставал от меня и по временам продолжал украдкой высовывать образ из-под рясы, как бы обещаясь дать его только мне тихонько от товарищей.

По моему недовольному движению он понял, наконец, что мне не нравится его назойливость, и спрятал образ.

В Вифлееме, как всюду в Палестине, вам точно покажут любое место библейских событий: где кто стоял, где росло такое-то дерево, где являлись ангелы. Конечно, относительно точности этих указаний является сомнение. Уж если учёные археологи не могут достоверно определить место целых городов, игравших немалую роль в истории избранного народа, то до определённых ли пунктов собы-

тий из жизни отдельных лиц! Но у верующе-го народа имеются сильные доводы, с которы-ми, конечно, не приходится спорить: или молчи, или верь. Вот тут-то и чувствуется превосходство веры над наукой. Вера проникает в тайны мира скорее и дальше науки. Или, как это мы читаем у апостола Павла: «А нам Бог открыл это Духом Своим, ибо дух все пронизает и глубины Божии».

THE PRINCIPAL STREET IN BETHLEEM.

PRINCIPALE RUE DE BETHLEEM.

Улицы Вифлеема

Но я в своей душе нашёл такое положение, которое помогло мне, если не с полной верой, то с искренним благоговением относиться ко всем так называемым «святым местам». Для меня они были освящены временем многих веков и той нелицемерной беззаветной любовью, которую проявляли над ними в слезах и поцелуях полсотни поколений.

На этом основании я набожно склонялся на колени и чистосердечно целовал указанный камень или дерево.

Если на вопрос: — где поле Вооза? Где моавитянка Руфь собирала оставшиеся колосья? — покажут огороженное место, покрытое неприветливым камнем и серой пылью, с небольшой постройкой для сбора денег; то, мне кажется, гораздо более воскресит в нашем представлении библейскую историю Руфи и Вооза первая встречная живая картина жнецов на любом колосистом поле в окрестностях города Давидова.

Нигде так не хочется ощутить евангельской поэзии, как в Вифлееме. Хочется видеть в горах пещеру с яслями, зелёные луга, отдыхающие стада с пастухами, тихую, тёплую ночь с яркой звездой на тёмно-синем небе, хочется восторженно молиться до явления ангелов с неба и петь с ними неземными звуками: «Слава в вышних Богу»!.. А на самом деле, куда ни оглянешься, видишь всюду серый камень, кое-где бледные маслины, запылённые кусты по скатам гор, каменные ограды да заискивающее лицо проводника-грека.

Быть в Вифлееме и не зайти в магазины местных изделий из перламутра нельзя. В России хорошо известны вифлеемские резные образа, крестики, чётки, и разные другие предметы благочестия, которые так дороги верующему христианину, как священная память его паломничества к месту рождения Спасителя мира. Здесь можно купить перламутровых реликвий на всякую цену. Есть очень дешёвые крестики, по пять копеек за десяток, но есть и дорогие образа довольно

тонкой работы на целой раковине в ладонь величиной.

Мы готовы были долго пробыть в магазине, но наш возница стал энергично поторапливать нас ехать в Иерусалим. В самом деле, темнота уже наступила. Мы с большим трудом выбрались из узких кривых улиц Вифлеема и покатали по шоссе. Палестинская ночь покрыла своим тёмным покровом поверхность земли. Не видно ни домов, ни оград, ни полей, усеянных камнями. Только чуть-чуть обрисовываются контуры окружающих гор. На земле нечего было смотреть. Зато мы не могли оторвать своих глаз от тёмно-синего неба, как бы украшенного драгоценными камнями. Я молчал в немом восторге и думал о судьбах мира. Как теперь здесь всё тихо! Как спокойно, кротко светятся звёзды. А ведь, сколько крови пролилось на этой горной равнине со времён патриархов! Может быть, вот на этом самом месте был поединок Давида с Голиафом, в указание борьбы христиан с древним змием. Семя жены, — сказано, — сотрёт главу змия. Из Вифлеема вышло боже-

ственное семя Святой Жены и выросло в Иерусалиме, где и победило духовного Голиафа.

Но когда же мы будем праздновать победу? Когда же мы воскликнем, как ангелы: «и на земле мир, в человеках благоволение!»...

ГЛАВА 34. Святые места у католиков

Русская церковь «на раскопках». — Двенадцать станций Страстного пути. — Наглядные изображения евангельских событий. — Место гефсиманской молитвы Спасителя. — Монастырь кармелиток. — Вечные молчальницы. — Галерея Молитвы Господней. — Культ Сердца Иисусова.

Все путешественники замечают, как резко различаются католические святыи места от православных. В противоположность обычаю греческих монахов, у католиков вам не помешают молиться, не станут вас тормозить за рукав и тянуть куда-нибудь в сторону, чтобы выпросить денег. Кроме того, с первого же взгляда примечается у них блестящая чистота. Впрочем, в таком же роде есть одно место в Иерусалиме и у православных, но только не у греков, а у русских. Это место «по-

рога» древних городских ворот на раскопках, близ храма Гроба Господня. Ещё в 1859 году куплен был русскими участок земли около 200 квадратных сажен, но до возникновения Православного Палестинского общества он был заброшен без всякого употребления. Между тем раскопки археологов показали, что здесь лежит драгоценное указание на древнее расположение городских стен, а вместе с тем и подтверждение, что почитаемые места Голгофы и Гроба Господня находятся вне прежнего Иерусалима, «потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города», и «на том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый» (Иоанн. XIX, 20,41).

Как теперь евреи стараются поближе быть погребёнными к стенам священного города, так, вероятно, и богатый Иосиф Аримафейский имел свою усыпальницу недалеко от ворот Иерусалима. От этих ворот остался теперь истёртый каменный порог, и сохранились следы петель в старых стенах, найденных на русском месте. Протестанты, однако же, не довольствуются этими доказательствами и

принимают за Голгофу небольшой холм по северную сторону современного Иерусалима, недалеко от Дамасских ворот (около четверти версты). Но и тут Гробница Господня указывается в двух различных местах: по Гордону она находится вправо от дороги, а по Кондёру (командированный Английским Палестинским обществом — Palestine Exploration Fund) — влево.

Дамасския врата.

Дамасские ворота

На месте раскопок Палестинское общество построило большое здание, в котором находятся русская церковь, украшенная прекрасными картинами Кошелева, и гостиница для паломников. По примеру католиков этот дом вверен попечению женщин. И, надо отдать им справедливость, они содержат его довольно исправно, чисто. Даже чересчур здесь скромно, тихо, чинно и как-то не соответствует общему характеру святынь, к которому привыкли наши русские паломники в Палестине, то есть нет здесь простоты, свободы, произвола, а потому, насколько я заметил, мало ими и посещается этот уголок.

До сих пор учёные археологи также не сталкивались и относительно Страстного пути, хотя католики очень определённо указывают на его двенадцать станций, то есть те пункты, на которых произошли трогательные события во время шествия Христа на распятие. Места падений Спасителя, Его встречи с Богоматерью, с Симоном Киринейским, с Вероникой и другими обозначены надписями

на латинском языке. На этом же скорбном пути (Via dolorosa) показывают жилище эгоиста-богача и место бедного Лазаря, а немного далее — дом так называемого «вечного жид». У некоторых станций стоят часовни, где, кроме соответствующих икон, изображена и сама сцена из восковых фигур в естественную величину. Такая реализация, может быть, хороша в другом месте, но здесь, где произошло само событие, возбуждающее у верующих страх и трепет, довольно бы было двух-трёх текстов из Евангелия. Мне кажется, у каждого составились в уме картины евангельских событий, как результат всех впечатлений от книжных, церковных, школьных чтений и рассказов. Всё это вместе рисует в нашем воображении известные образы, с которыми мы сроднились за десятки лет, и всякая другая иллюзия, особенно на месте события, может только портить сложенное годами настроение. Вообще от этих искусственных воспроизведений евангельских событий и от всего нагромождения камня и металла меня всегда тянуло вон на простор долин и гор, где природа осталась та же, что и две тысячи лет тому

назад. В этом случае я вспоминаю слова книги Ездры, где пророк приглашается для уразумения тайн Божиих выйти «на цветущее поле, где нет построенного дома».

Мной уже сказано, что Страстный или Крестный путь в Иерусалиме, помимо воспоминаний о страданиях Спасителя мира, до сих пор ещё есть скорбный путь для сердца и тяжёлый для глаз христианина от присутствия на нём множества нищих, слепых, увечных, прокажённых. Всё время идёшь по нему со сжатым сердцем от потрясающего стога и вопля несчастных.

Я спешно прохожу мимо линии нищих с протянутыми руками, обезображенными проказой, и делюсь своими грустными мыслями с одной случайной спутницей, хорошо образованной барыней А. Н. И.

Вся жизнь христианина на земле есть в своём роде страстной путь для него. Осуждаемый владычествующим миром, как Христос, он гнётся под тяжестью нравственного кре-

Улица „Страстной путь“.

ста, падает, встаёт, опять падает, пока не доплетается до своего конца... Мы — странники и пришельцы на земле, как говорили ещё первые патриархи. Всё время находимся в пути...

— Вот настоящая христианская школа! — как бы в ответ на мои думы восклицает среди толпы пожилой инок-паломник: — вся она тут на коротком пути Христовом! Блаженны нищие, плачущие, алчущие, жаждущие, изгнанные... Ведь это все меньшие братья Христа, которых мы должны накормить, напоить, принять и одеть, — за что и получим Царство Небесное.

— Правда, правда! — горячо отзывается моя спутница: — Невелик, казалось, путь Христов. В нём насчитывают от Претории до Голгофы всего каких-нибудь тысячу шагов, а между тем в нём выражено всё искупление человеческого рода! И мы, если сумеем с Ним умереть, то с Ним и оживём. Если терпим, — говорит апостол, — то с Ним и царствовать будем. За тысячу шагов скорбного пути будем

царствовать с Ним тысячи лет.

Гефсиманскій садъ.

Гефсиманский Сад

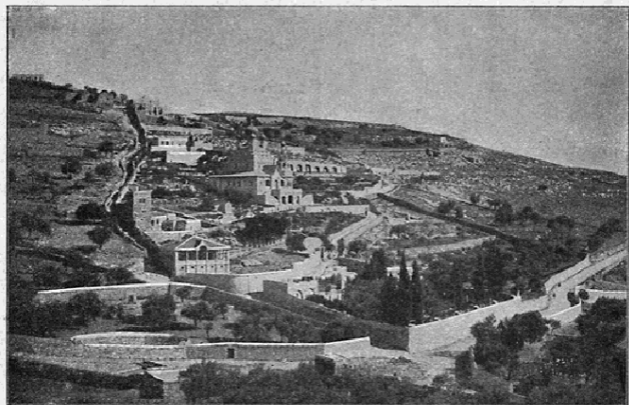
На склоне Елеонской горы есть небольшое ограждённое место с остатками древнего масличного сада Гефсимания, известного горячей молитвой Христа Спасителя пред преданием Его на суд. Теперь около маслин разбит цветник, а по его четырём аллеям расставлены рельефные изображения страстей Господних.

Здесь и на меня они произвели сильное впечатление, и, мне кажется, без слёз трудно отсюда выйти верующему человеку. К сожалению, и эта католическая Гефсимания оспаривается, как место молитвы Иисуса Христа. Наш профессор Олесницкий предполагает, что для молитвы Господь отошёл «яко вержением камене» на место, где теперь находится русская церковь во имя Марии Магдалины.

Несколько выше на горе Елеонской, рядом с местом вознесения Господня, стоит католический монастырь кармелиток, основанный принцессой Латур д'Оверн, герцогиней Бульонской. Когда я, в сопровождении небольшой компании паломников, вошёл в ограду монастыря, меня встретила арабка-прислужница и повела в церковь. Но лишь только мы вошли в неё, как она таинственным голосом и жестами предупредила нас:

— Тише! Тише!

Общий вид Гефсимании на Елеонской горе

Общій видъ Гетсиманіи на Елеонской горѣ.

Никого не было в церкви, и мы потребовали объяснения её странному требованию. Она тихонько подвела нас к алтарю и, указывая на тёмную решётку на правой стене, объяснила нам по-французски, что там невидимо для людей молятся монахини, давшие обет вечного молчания.

Боже мой, — подумали мы, — какая тут царит вера! Они не хотят ни видеть, ни слышать ничего земного, чтобы быть свободными

ми для восприятия небесного.

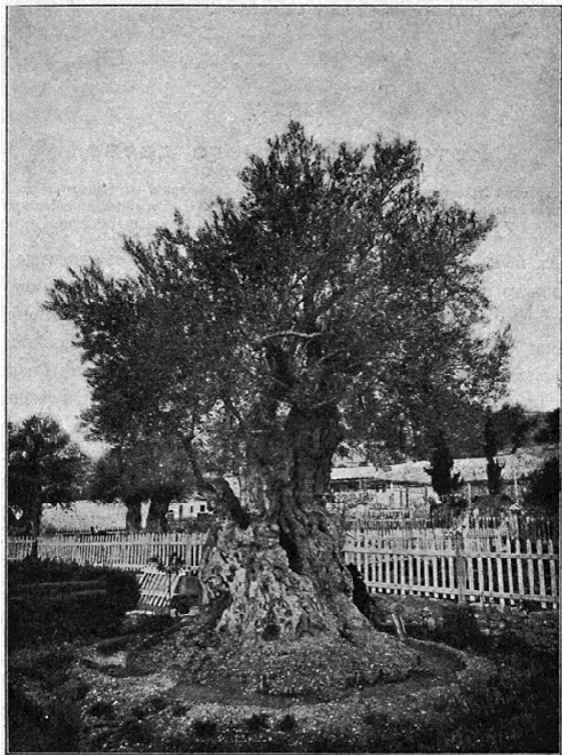
Подавленные рассказом о добровольном лишении монахинь, мы бесшумно вышли из церкви и попросили указать нам галерею Молитвы Господней, где по стенам на тридцати трёх языках (по числу лет жизни Иисуса Христа) написана молитва «Отче наш». Замысел очень хороший и выполнен чрезвычайно богато, но безграмотно, по крайней мере, это можно сказать относительно русского писания.

В Иерусалиме целая армия католических монахинь и сестёр под разными наименованиями возбуждает удивление своей энергией и полной преданностью церкви. Все католические учреждения, школы, приюты, больницы щеголяют своей чистотой и строгими порядками, благодаря усердию этих добровольных тружениц. Одеты они всегда очень чисто, изящно и даже эффектно, чтобы иметь большее влияние на увлекающихся внешностью туземцев. Примеры добровольных лишений, крайнего аскетизма и воздержания сильно

подкупают фанатично религиозных арабов.

Есть в Иерусалиме католическая церковь, где сёстры попарно на коленях молятся с книжками в руках пред алтарём часа по два, до следующей смены. Таким образом, во всякое время дня и ночи можно видеть благоговейно склонившиеся фигуры девиц, разодетых в белое с голубым, как невесты под венец, и с изображением Сердца Иисусова на груди.

Они напоминают непрестанное чтение псалтири «неусыпающими» в некоторых наших монастырях. Мне самому приходилось наблюдать, с каким благоговением смотрели арабы на ангелоподобных девушек, занятых непрерывной молитвой к Сердцу Спасителя.

Масличное дерево въ Геѳсиманскомъ саду.

ГЛАВА 35. История крестного древа

Ночь страстей Христовых. — Нагрудные христианские знаки. — Путешествие в Крестный монастырь. — Как Лот искупил свой грех. — Грузины в Палестине. — У Гроба Господня. — Стена плача иудеев. — Остатки Израиля.

В ночь священных воспоминаний гефсиманской молитвы Спасителя, Его предания и человеческого суда над Богом, в эту ночь с четверга на пятницу страстной недели, обыкновенно многие из русских паломников бодрствуют на Голгофе и с великим воодушевлением читают акафист страстям Господним. Хотя Спаситель наш в эту трудную для Него ночь и просил Своих учеников бодрствовать и молиться с Ним, но я лично не мог преодолеть своей усталости после долгой всеобщей службы с чтением двенадцати евангелий

и пошёл немного отдохнуть в гостиницу. Однако, рано утром, я опять уже был на Голгофе, где всё ещё толпилось множество русского народа. В Великую пятницу не полагается Литургии, и отсутствие этого главного христианского богослужения здесь очень заметно в знаменательный день смерти Господа. Чувствовалась в народе потребность в более выразительном богослужении, чем положенные «часы». Припав к отверстию Креста Господня и прикоснувшись рукой по общепринятому обычаю к священной скале, я вышел из храма Воскресения и направился к русским постройкам.

Недалеко от церкви св. Троицы, под тенью известного гостеприимного дерева, сидели группами мужчины и женщины и вели тихие беседы. На краю одной скамейки бородастый странник в длинном подряснике и старенькая богомолка о чём-то оживлённо хлопочут. У странника в руках блестит медный крест, а богомолка держит лоскуток красной атласной материи. Я подсел к ним на скамейку. Словоохотливый странник объяснил мне, что

он свой шейный крест вместе с образком Божией Матери обшивает холстом и ещё какой-нибудь крепкой материей и так, в закрытом виде, носит на груди эти знаки христианской веры. Но сегодня, ради воспоминания крестной смерти Господа, он раскрыл свой крест, почистил его и теперь просит старушку зашить его по-новому. «А вечером, Бог даст, — прибавил он, — освящу мой крест на Голгофе и на Гробе Господнем».

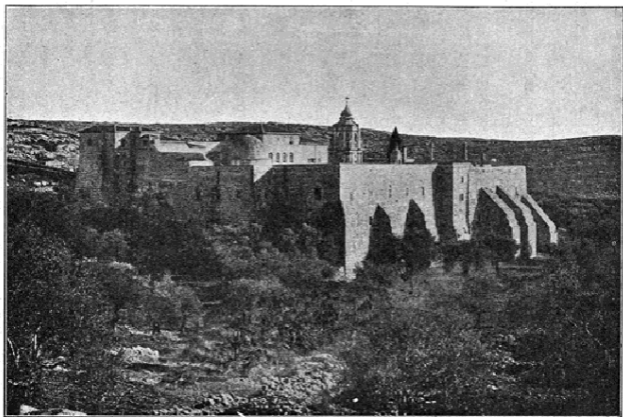
Мне это очень понравилось, и я стал сообщать, что бы и мне сделать в память искупительной смерти Иисуса Христа. Как паломнику, естественнее всего было предпринять путешествие к какому-нибудь месту, связанному с воспоминаниями этого дня. В эту Великую пятницу, вспоминая покаяние Иуды в иерусалимском храме (Мф. XXVII, 3,8), когда он швырнул к ногам первосвященников и старейшин тридцать сребренников, полученных им за предание Христа, некоторые паломники посещают купленное на эти деньги село Скудельничье или Землю крови (Акельдама) для погребения странников. Но я уже

там был в первые дни моего пребывания в Иерусалиме, а во второй раз не тянет идти в это место гробов и человеческих костей. Мне посоветовали сходить в Крестный монастырь, находящийся в двух вёрстах от Иерусалима, а один афонский монах, также отды- хавший под деревом, охотно взялся довести меня до монастыря.

От русских построек, повернув на юго-запад, мы отправились сперва по дороге в Горную, мимо мусульманского кладбища. Погода благоприятствовала нашему путешествию: слабый ветерок навевал приятную прохладу. От хорошей шоссейной дороги отделялась небольшая ветвь налево под гору, которая и привела нас к Крестному монастырю, окружённому стенами.

Мы вошли в просторный храм с тремя приделами. Внутри все стены покрыты живописью. В верхних частях изображены евангельские события, а на стенах — сказание о Крестном древе.

Судьба того дерева, которое послужило для Креста Господня, конечно, очень интересовала христиан первых веков. Ещё в глубокой древности передавались о нём различные сказания, связанные с откровением ангелов. Я приведу два варианта благочестивых преданий, дошедших до наших времён.

Монастырь Св. Креста близ Иерусалима.

Монастырь Св. Креста близ Иерусалима

По одному сказанию, Крестное древо вы-

росло из семян, данных ангелами Сифу, сыну Адама. Применительно к пророчеству Исайи (60,13) говорят, что выросли три разных дерева — кипарис, пег и кедр, — которые срослись в одно над могилой праотца Адама и своими корнями обхватили его череп. Во время всемирного потопа, вырванное с корнем дерево, носилось по водам вместе с черепом. По окончании же потопа оно остановилось в Палестине, около Иерусалима, и росло здесь до времён царя Соломона. Когда Соломон сооружал свой знаменитый храм Богу Израилеву, он велел употребить и это дерево на постройку, а найденный череп закопать на том самом холме, где впоследствии стоял Крест Господень. Однако дерево оказалось непригодным для вновь строящегося храма, и оно было брошено в Овчую купель. Вот ради этого-то дерева и сходил по временам в купель ангел Господень и возмущал её воды для исцеления больных. Наконец, когда Пилат дал разрешение распять Иисуса Христа, евреи умышленно возложили на Него это дерево, как очень тяжёлое, и на нём Его распяли.

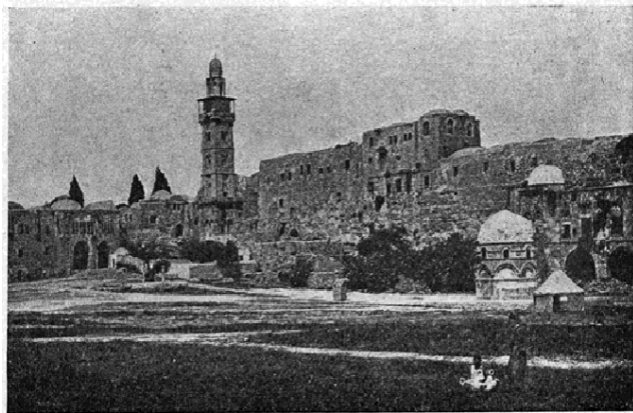
По другому сказанию, Крестное дерево выросло в раю и потом вынесено было оттуда рекой Тигром на грешную землю. Но о райском дереве позаботились сами ангелы, и по их указанию благочестивый сын Адама, Сиф, которому апокрифические книги вообще приписывают непосредственное сношение с ангелами, зажѣг это дерево при «реке Вавилоне», и оно горит несгораемо до сих пор под охраной страшных зверей. Во искупление смертного греха Лота (Быт. 19,36) Авраам повелел ему достать огня у реки Вавилона. В то время, когда звери спали, Лоту удалось взять три головешки и принести их своему дяде Аврааму, который велел посадить их в землю и поливать водой, пока они не взойдут. Послушный Лот усердно принялся за поливку головешек, но злые духи, желая воспрепятствовать искупительному делу, в виде странников встречали по дороге Лота и выпивали у него воду. Несмотря на препятствия, Лот своим терпением достиг того, что головешки пустили корни, и выросло из них то самое дерево, которое послужило потом для Креста Господня.

Последнее сказание и изображено на стенах собора Крестного монастыря, а само место, где росло честное древо, указывают в алтарной пещере в северо-восточном углу храма.

Крестный монастырь, один из самых древнейших в Палестине, построен грузинами. Вскоре после принятия христианства, они стали посещать Святую Землю и выстроили здесь свои обители. В одном Иерусалиме когда-то насчитывалось двенадцать монастырей, сооружённых ими. Но в трудные годы Грузинского царства, когда грузин очень стеснили персы, все эти монастыри стали приходить в упадок. Иные были разрушены, а иные перешли в руки греков, армян и латинян. Крестным монастырём завладели греки, и они устроили при нём духовную семинарию в 1853 году.

Памятники грузинского происхождения монастыря сохранились во множестве до сих пор. На стенах изображены грузинские цари

и святые, например, Мириан, Вахтанг Горго-
слан, Баграт IV Курополат и др.

Дворъ Харамъ еш-Шерифа, сѣверо-западный уголь.

Осмотрев внимательно стенную живопись и приложившись к отверстию в серебряном круге, где, по преданию, росло честное древо Животворящего Креста Господня, мы поспешили вернуться в Иерусалим, в русский собор Святой Троицы, к выносу плащаницы.

Так как вечерню здесь служило исключи-

тельно русское духовенство, то обряд выноса плащаницы был совершён тот же, что и в церквах России. Я поспешил в храм Воскресения, но там в это время, кроме огромного скопища народа, ничего не было. Каждый старался в этот вечер погребения Иисуса Христа приложиться к святейшему Гробу Господню, а потому при входе в кувуклию была ужасная давка. У одного богомольца при мне разодрали сюртук, но он с удивительным благодушием только повторял на это стихи Св. Писания:

— Разделиша ризы мои... понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся...

В храме я встретил знакомого старца, который мне сказал:

— Вот вы видели теперь нового Израиля в Иерусалиме; пойдёмте, я покажу вам остатки «старого».

И он повёл меня в еврейский квартал. Сделав несколько поворотов в узких, грязных улицах, мы очутились у западной стены дво-

ра мечети Омара (Куббет-эс-Сахра). Здесь собралось много евреев с книжками в руках, и все они, обратившись лицом к стене, вслух молились и вспоминали своё прошлое величие. Полагают, что нижние большие камни этой стены сохранились ещё от времён первых царей иудейских. Евреям запрещено вступать во двор бывшего Соломонова храма, так как они по пятницам (т. — е. в навечерие субботы) собираются с наружной стороны стены и вспоминают пророческую молитву царя Давида: «Ублажи Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены иерусалимские»...

— Вот он, — замечает мой спутник, указывая на качающихся всем корпусом евреев, — остаток Израиля у остатка стен древнего Иерусалима! Какая знаменательная картина! Этот избранный народ, который гордо ставил своё земное благосостояние в зависимости от ведения истинного Бога, теперь смиренно должен признаться перед всеми гоями, презираемыми им другими народами, что он отринут Богом и рассеян по всему лицу земли, как

об этом предсказывал ему в своё время Моисей (Второз. XXXVIII, 64, 65, 37):

«И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли, до края земли... Но и между этими народами не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей, и Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаивание очей и изнывание души... и будешь ужасом и посмешищем у всех народов, к которым отведёт тебя Господь».

Эта стена, столь уважаемая у евреев, известна у туристов под названием «Стены плача». Но на этот раз я не заметил плачущих евреев. Напротив, среди множества молящихся некоторые очень спокойно разговаривали между собой, другие равнодушно разглядывали иностранцев-зрителей. Женщины держались отдельно от мужчин. Ребятишки несколько не уступали взрослым в азарте произнесения молитв. Вероятно, ради отдания праздника Пасхи, евреи одеты были довольно парадно.

Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ.

Стало смеркаться. Мы прошли к выходу из площадки и ещё раз оглянулись на всю толпу молящегося народа.

— Помните, — заметил мой спутник, — предсказание Спасителя: «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов»...

— Собственно, за что же это? — спросил я своего спутника. — Как вы понимаете?

— За то, что не послушались Моисея, на которого они так уповают. Он говорил: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, — его слушайте. А кто не слушает, — сказал Господь, — слов Моих, которые пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу». Пришёл Иисус Христос и стал говорить иудеям именем Отца Небесного, но они не захотели его слушать.

Мне стало жалко этих изверженных людей вне стен святилища, и я стал перебирать в своей памяти все тексты Св. Писания, которые были в их пользу. Наконец, я напомнил своему строгому спутнику:

— А помните, что сказал про них апостол Павел: «Весь Израиль спасётся, ибо дары и призвание Божие непреложны. Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать».

ГЛАВА 36. Благодатный огонь

Выбор места в храме. — Ночью на Голгофе. — Терпеливое ожидание чудесного огня. — Иерусалимские свечи. — В приделе Константина и Елены. — Раздача благодатного огня. — Пляска арабов в храме. — Традиционная песнь. — Восторженное настроение богомольцев. — Споры о благодатном огне. — Зарубленный исповедник чуда.

Когда встречают в России паломника, побывавшего на Пасхе в Иерусалиме, то, насколько я заметил, всегда спрашивают его:

— Ну, а святой-то огонь видели? Как он сходит на Гроб Господень?

Этот вопрос занимал и ещё долгое время будет занимать наш народ, потому что никто из русских современников сам лично не мо-

жет видеть этого чуда. Я читал об этом огне и у Даниила Паломника и у Муравьёва. Они, без всякого сомнения, верили в чудесное исхождение этого огня. В средние века никто из христиан — ни православные, ни католики — не сомневались в божественном исхождении огня Великой субботы. В новой книге священника А. Попова «Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев» приводятся замечательные свидетельства латинян о чудесном исхождении «благодати». Но в настоящее время нередко встречаешь мнение, что остался теперь только один обряд в воспоминание древнейшего чуда. Когда мне случилось перед отъездом в Палестину поднять об этом вопрос в одной редакции духовного журнала, то я был подавлен общим голосом против священного огня.

— Помилуйте, — говорил один почтенный старец, хороший знаток истории православной церкви, — да ведь сами греки не скрывают правды. Теперь, они говорят, нельзя не дать простому народу чудесного огня, иначе будет бунт, да и отпадение может произойти

от православной веры. Кто же в настоящее время верит в божественное исхождение огня! Может быть, в древности и было так, а теперь остался только один обряд в воспоминание древнейшего чуда.

С таким напутствием я и поехал в Иерусалим. По дороге, как я уже упоминал, наши паломники только и говорят, что о «благодати», то-есть о чудесном огне. С первого дня приезда в святой город они покупают пучки толстых разрисованных свечей, заказывают жёсткие футляры для них, а желающие перевезти самый огонь в Россию приобретают ещё фонари с лампадами. Некоторые останавливаются у греков, а не в русских постройках, опять-таки с целью добиться у них лучшего места в храме во время «благодати». Одним словом, «благодать» становится центром всех забот, да и всей поездки простолюдина-паломника.

Хотя святой огонь подаётся народу в страстную субботу, в час дня; но уже накануне, в пятницу, после обеда, православные па-

ломники начинают стягиваться со всех сторон в храм Воскресения. К этому времени греки устраивают дополнительные места из досок в ротонде Гроба Господня.

Всё здесь продаётся заранее и притом за разные цены, смотря по степени близости к кувуклии.

Всем, остановившимся в номерах подворья Палестинского общества, было общее приглашение в нарочно устроенное место для русского консула. Звали и меня. Но я прежде решил посоветоваться со своим знакомым арабом, служащим в обществе.

— Не советую вам ходить в этот день в храм, — сразу огорошил меня мой приятель. — Однажды я пошёл со свечами в кувуклию, да потом и сам был не рад: мне чуть рёбра не переломали. До сих пор у меня осталась памятка моей попытки видеть раздачу священного огня. Обыкновенно я стою в этот день на площадке перед храмом, и тут, спустя не более двух минут, после явления благодат-

ного огня, я уже получаю его.

— Прекрасно. Тогда и я так сделаю и стану рядом с вами.

Согласившись таким образом с приятелем арабом, я был спокоен в пятницу и не ходил к грекам покупать себе место.

1905 г. Толпа паломников и турецких воинов ожидает схождения Благодатного Огня на площади перед входом в храм Гроба Господня

Вечером целой компанией мы отправились в храм Гроба Господня, где ради Великой пятницы происходят торжественные богослужения у греков, армян, коптов и сирийцев, то-есть у всех восточных христиан, празднующих Пасху одновременно с нами. Главная масса народа в это время была на Голгофе. Поднялся и я туда с одним русским офицером. Отсюда мы заметили открытую дверь с лестницей куда-то наверх.

— Смотрите, — сказал мне мой спутник, — туда народ идёт. Пойдёмте и мы!

Лишь только мы добрались до верха тёмной и грязной лестницы, как останавливает нас молодой грек в феске.

— Билеты!

— Билетов у нас нет, — отвечаем.

— Нельзя!

Офицер, ни слова не говоря, быстро сунул ему в руку серебряную монету и прошёл. Я сделал то же.

Мы были на чердаке храма в его юго-восточном углу. Сюда ещё доносился шум из греческой церкви Воскресения, но ротонда Гроба Господня, где собственно происходит «схождение чудесного огня с неба», была совсем далеко. Тем не менее среди ужасной грязи и, вероятно, никогда не убираемой пыли, сидели сплошной массой наши паломники.

Среди простого народа я увидел знакомое лицо русского землевладельца.

— Георгий Михайлович! и вы тут?! — с удивлением восклицаю я: — что же вы отсюда увидите? И неужели вы будете терпеть здесь эту грязь и насекомых целые сутки?

— Я уже решил. Что ж, один-то раз в жизни можно потерпеть для Господа.

Моему удивлению не было границ. Какую надо иметь веру, чтобы дожидаться здесь целые сутки, не пивши, не евши, среди грязи и пыли и не сходя с места! С такой верой, думаю себе, эти тысячи паломников способны не только огонь низвести с неба, но и горы сдвинуть с мест своих.

Я был подавлен этим впечатлением, да, пожалуй, и мой спутник не меньше моего, потому что мы тоже безмолвно присоединились к группе паломников, ожидающим с таким терпением чуда Божия. Не прошло, однако, и полчаса, как в этой тесноте и духоте нас стала

одолевать жажда, да и руки скоро зачесались, и мы опять спустились вниз к Голгофе. Сюда по временам приходило для каждения духовенство, то армянское, то коптское, то греческое. У греков служба началась около девяти часов вечера и протянулась до двух часов ночи. Был торжественный перенос плащаницы с Голгофы на Гроб Господень, причём довольно долго говорилась речь по поводу голгофского события.

Мы не хотели всю ночь оставаться в храме вместе с народом. Я лично был страшно утомлён непрерывными путешествиями и бессонными ночами последних дней на страстной неделе, а потому пошёл отдохнуть в гостиницу. Здесь надо экономно расходовать свою энергию. Со страстной субботы на Пасху опять предстояла ночь бодрствования.

Утром я вышел посмотреть, что делается в русских постройках. Пусто! Почти все ушли к Гробу Господню. Встречаю монаха из здешней миссии и спрашиваю, какого он мнения о благодатном огне.

— Нет, уж об этом лучше и не говорить!

Махнул он рукой в сторону храма Воскресения и пошёл дальше.

Продажа свѣчей и ладана въ Иерусалимѣ.

Продажа свечей и ладана в Иерусалиме

Мне хотелось из подражания народу купить в здешних лавках пучёк больших свечей, разукрашенных золотом и цветами; но, это может странным показаться, в Иерусалиме нет в продаже восковых свечей. Я не умею определить материала, из которого они здесь составлены. Может быть, это был парафин или что-нибудь в этом роде, но только свечи иерусалимские, когда их держишь в руках, неприлично размягчаются. Я нашёл немного настоящих восковых свечей, выписанных из русского епархиального завода, только в лавочке Палестинского общества и из них составил священный пучёк в тридцать три свечи, по числу лет земной жизни Спасителя. Некоторые, имея в виду побольше привезти свечей в Россию, берут с собой в храм по два пучка.

Около двенадцати часов я отправился к площадке пред храмом Воскресения. Подойдя к греческой патриархии, я встретил густые толпы народа, далее — более. При всём своём усилии, я смог пробраться только до наклонной улицы, ведущей к площадке храма. В это

время раздался громкий и мерный стук железных булав кавасов о камень. Народ, несмотря на тесноту, расступался перед ними. Никому не хотелось подставлять своей ноги под железную палку. За шестью кавасами шла вереница европейского народа с разодетыми дамами. Это вёл какой-то консул своих гостей. Я присоединился к ним и, благодаря своему общеевропейскому костюму, был пропускаем всюду. Остановиться на площадке, как советовал вчера приятель, не было никакой возможности (может быть, в прошлые годы, при меньшем наплыве паломников здесь и было просторно в Великую субботу). За кавасами консула и я прошёл в храм между рядами турецких солдат. Они были при полной амуниции, с ружьями, и даже горнист стоял между ними со своей медной трубой.

Весь храм, все стены, карнизы, всё усеяно народом. Море голов! У всех пучки свечей. Теснота, давка, удушье. Лица красные, потные. Впрочем, мне было удобно идти между рядами солдат. Кавасы, а за ними толпа европейцев, пошли по коридору в обход греческо-

го храма на северную сторону. Когда поравнялись со спуском к приделу Константина и Елены, я заметил, что там очень мало народа. Думаю, чего же больше искать: тут просторно и всё-таки в храме, а не во дворе. Придел Константина и Елены находится в просторном помещении и принадлежит армянам. Алтарь огорожен решёткой. Иконостаса вовсе нет, да и окон сравнительно немного. Русских паломников почти не было. Сидело здесь десятка два туземцев, да бегали дети их. В ожидании огня я раскрыл взятое с собой Евангелие и стал читать. Ребятишки, лет по двенадцати, подняли возню, как на улице. Они играли, шалили, бегали, кричали, и никто им не делал ни малейшего замечания. Вдруг пронёсся издали ужасный шум, и в это время по лестнице к нам быстро спустились три католических монаха. Я знаю, что католики не принимают участие в торжестве чудесного огня, разве только как зрители, а потому у меня мелькнуло подозрение, не преследуют ли их арабы в эти минуты проявления у них сильного энтузиазма. Но, нет, монахи весело разговаривая, прошли за решётку и стали ожи-

дать, как и я. Это меня тоже удивляло: капелла католиков непосредственно примыкает к ротонде Гроба Господня с северной стороны, так что им удобнее было бы видеть у себя момент первой подачи огня из кувуклии.

Толпа паломников и турецких воинов ожидает схождения Благодатного Огня перед входом в Кувуклию.

О раздаче святого огня я ещё слышал накануне. Порядок при этом соблюдается такой. Сначала тушатся огни в храме Воскресения, в ротонде Гроба Господня и в самой кувуклии. Но нельзя сказать, чтобы к этому времени абсолютно нигде в храме не было огней. Я сам видел незатушенный огонь в коридоре и в некоторых приделах храма. Затем запечатывается кувуклия, и при этом играет некоторую роль турецкая стража. Ко времени подачи огня входят в кувуклию два архиерея, греческий и армянский. Армянский остаётся в приделе Ангела, а греческий проходит в Гроб Господень, где и достаивается получить бла-

годатный огонь. Чтобы оградить архиерея от насилия толпы, устроена передача огня через два окошка в приделе Ангела. Сперва подаётся огонь грекам, а затем чрез второе окно — армянам. Говорят, ежегодно бывает аукцион права получения огня первыми после греков, и всегда это право перекупают у бедных коптов и сирийцев богатые армяне. Огонь быстро распространяется по всему храму. Греческого архиерея обыкновенно подхватывает себе на плечи здоровый араб и с помощью кавасов протискивается в алтарь.

Но не стану забегать вперёд; вернусь я к своим личным наблюдениям.

Страшный шум всё более и более разрастался. Я понял, что ожидаемый огонь передан в народ. Порываюсь взглянуть вдоль по коридору, но тут навстречу мне, сильно расталкивая публику, несутся, как ураган, арабы с зажжёнными свечами в руках. У переднего огонь под полой. Все они быстро с криками спустились по лестнице и стали петь и танцевать. Только тогда я сообразил, что это место

в приделе Константина и Елены береглось свободным исключительно для танцев арабов. Танцующие энтузиасты привлекли общее внимание. С пучками горящих свечей, как с факелами, они быстро поворачивались, прыгали и водили огромным пламенем чудесного огня по лицу и по волосам. В Палестине существует убеждение, что благодатный огонь Великой субботы первое время не жжёт, а потому каждый, получающий его, спешит умыться им, т. е. провести рукой по огню, а потом по лицу. От большого пучка у меня получилось громадное пламя, вершка в два, и я тоже исполнил обряд омовения огнём.

Впрочем, в эти минуты я мало занимался исследованием чудесных свойств огня. Меня больше интересовало проявление сильного восторга у арабов. Они дают себе в этом случае полный простор для выражения своего энтузиазма. Что-то страшное, дикое, фанатическое было в их восторженных ликованиях. Они пели:

*Иль Масих атана,
Би даммо штарана.
Унах на иль іом фараха,
Уво ель яхуд хазана.
Я яхуд! я яхуд!
Идиком ид ель куруд,
Идина ид ель Масих.*

В переводе это значит:

*Христос пришёл к нам,
Своею кровью искупил нас.
Мы сегодня радуемся,
А евреи печальны.
О евреи! о евреи!
Ваш праздник — праздник беса.
А наш праздник — праздник Христа.*

Эту песню знает каждый православный араб, и происхождение её, вероятно, относится к древнейшим временам.

Здесь установлен обычай три раза зажигать свои свечи чудесным огнём. Большой пламень тридцати трёх свечей человеку трудно затушить дуновением своего рта, да, мо-

жет быть, это считается и неблагоговейным поступком относительно «благодати». Для этого служат специально сшитые колпачки из одноцветной яркой материи с напечатанными на них священными изображениями и словами. Эти колпачки, около четверти аршина диаметром, набиваются ватой, которой собственно и тушат благодатный огонь три раза. Прodelав всё это, я вышел из придела в коридор и медленно подвигался с народом к выходу. Жара стояла невыносимая, особенно в ротонде Гроба Господня. Шум, крики, общее ликование. Около меня две молодых женщины плачут.

Обратите внимание на ряды турецких воинов контролирующих подход к Кувуклии

— Что с вами случилось? — участливо спрашиваю их, полагая, что им помяли бока.

— Да, как же не плакать от такой радости, такого счастья. Господи, до чего я дожила! Чего я удостоилась видеть, грешная!

СВЯТЫЙ ОГОНЬ

Обряд раздачи священного огня въ Великую Субботу въ храме Гроба Господня

У всех лица возбуждённые, с выражением восторга, победы. Смеются, плачут, радуются, обнимаются, поют, кричат... Энтузиазм поразительный!

— Господи, — думал я про себя: — при всём нашем недостойнстве и греховности, ради такой детской игры, Ты не откажешь им в их желании и не постыдишь их надежды.

И, право, мне кажется, религиозному человеку, увидевшему в Иерусалиме картину получения огня, легче поверить, что Господь услышит и исполнит просьбу этого множества народа, чем допустит противное, т. е., что Милосердый Бог останется глух к мольбам верующих в Него.

Вся толпа из храма хлынула по улицам Иерусалима с пением и с огнями. Действительно, картина величественная. И никогда, может быть, человек не чувствует так сильно торжества своей веры, как среди такой толпы.

За обедом в русских постройках Палестинского общества собравшаяся публика с жаром передавала свои впечатления. Каждый спешил высказать, где он стоял, что видел и слышал, но вопрос о чудесном исхождении огня с неба всё-таки стоял открытым.

— А уж я-то как боялась, чтобы моё платье не вспыхнуло! Ведь подо мной было целое море огня! — заметила разряженная дама, побывавшая на подмостках, устроенных не очень высоко над головами народа.

— Так что же, господа, можно ли верить, что это огонь чудесный, а не от обыкновенной спички? — спрашивает один помещик.

— Я верю, — отозвался один почтенный протоиерей. — Я стоял в алтаре вместе с греческим и русским духовенством у северного бокового входа. Архиерей прошёл в алтарь со святым огнём из кувуклии не прямо через греческий храм Воскресения, а обходом через коридор в ту самую дверь, около которой я

стоял с отцом N., и мы первые получили благодатный огонь непосредственно из рук архиерея. И, право, он не жёг, как нам казалось, и это мы заметили друг другу.

— Это вам казалось, что не жжётся огонь, потому что быстро по нему проводили рукой. Ведь свечи же ваши зажглись, однако! — возражает ему скептик.

— Ну, да ведь потому и зовётся этот огонь благодатным. По указанию свыше он одно жжёт, а другое — нет.

— Не то, господа, — вмешивается в спор новый оппонент. — Это объясняется очень просто: было жарко, руки и лица — потные; а ведь известно, что влажную руку некоторые рабочие опускают без вреда для себя даже в расплавленный металл.

— Я это объясняю возбуждением нервов.

— Ну, хорошо. А почему же волосы не вспыхнули? Тут тоже нервы?

Так спорили между собой обедавшие, желая разрешить истину происхождения огня: «с небес он или от человеков». Мне хотелось знать мнение «бедуина».

— Я замечу со своей стороны, — сказал он, — одно обстоятельство. Тайна происхождения огня лежит на совести архиерея. Но теперь подумайте: можно ли допустить, чтобы старый архипастырь позволил себе обмануть пред Богом, пред Гробом Христовым, толпы верующего народа, весь мир? К чему ему насиловать свою совесть и брать на свою душу такой грех? И, наконец, это ведь не один архиерей, а ряд их, с самых древних времён. Я согласен, в наше время трудно предполагать здесь чудо, но ещё труднее, мне кажется, допустить, чтобы архиерей добровольно взял на себя роль лжеца, обманщика в таком важном деле. Надо также иметь в виду и ту колоссальную веру, которую при этом проявляет простой народ. А по вере всё возможно. И, право, он блажен. Мне так кажется: если огонь благодатный, а человек не верит этому, то для

него он только обыкновенный огонь. Обрат-
но: если огонь обыкновенный, а человек ве-
рит в его «благодать», то он и будет для него
благодатным. Проще: по вере вашей будет
вам, как сказал Спаситель.

Тут вспомнили общеизвестную легенду,
как огонь долго не сходил на гроб, а потом
вдруг показался через колонну у входа в
храм. Один турок, поразившись чудесным ви-
дением, стал кричать, что и он христианин.
Его тотчас же зарубили мусульмане. И теперь
показывают у входа в храм могильную плиту
этого исповедника и чёрную широкую щель в
колонне, из которой вышел огонь.

Выслушав от собеседников разные сообра-
жения и за, и против чудесного огня, я мыс-
ленно сказал Подателю света, как евангель-
ский муж, которого Христос спросил: «Веру-
ешь ли, что Я могу это сделать?» — «Верую,
Господи! Помоги моему неверию».

ГЛАВА 37. Пасха в Иерусалиме.

Обязательность ветхозаветного паломничества. — Пасхальная утренняя у Гроба Господня. — «Пуп земли». — Розговенья в подворье Палестинского общества. — Еммаус. — Путешествие в Горнюю. — У источника Иоанна Крестителя. — Католический монастырь. — У русских инокинь в Палестине. — Жалобы на строгие порядки.

Мы, христиане, многое заимствовали из ветхозаветных установлений, но почему-то мало обратили внимание на следующую заповедь: «Три раза в году должен являться весь мужской пол твой пред лицом Владыки, Господа Бога Израилева, ибо Я прогоню народы от лица твоего и распространю пределы твои, и никто не пожелает земли твоей, если ты будешь являться пред лицом Господа, Бога твоего, три раза в году». И из-

вестно, что родители Христа каждый год ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. Наконец, сам Христос ежегодно приходил к Пасхе из Галилеи в Иерусалим. Посещать святые места, или «являться пред лице Владыки Господа Бога», вложено в самую природу человека, что мы можем видеть из многочисленных странствований нашего народа. Точно какая-то неведомая сила подымает весной и старых и молодых, и мужчин и женщин, и толкает их сходить куда-нибудь на богомолье.

И я, повинувшись этому внутреннему голосу, тоже достиг святых мест и явился «пред лице Господа» в священный день воспоминания воскресения Христова у самого Его Гроба. Пасха в Иерусалиме! Каким благоговейным восторгом должно наполниться здесь сердце верующего человека!

С сознанием важной минуты, вечером в Великую субботу, я приоделся и отправился в храм Воскресения, чтобы провести эту в своём роде единственную ночь у Гроба Господня.

Если мы другие храмы называем православными, католическими, лютеранскими, армянскими, то этому храму, главным образом, приличествует название христианский в широком смысле этого слова.

Среди густых масс народа, я едва пробрался до южных дверей греческого придела. Сзади меня стояли турецкие солдаты с ружьями и не пропускали публику в переполненный храм. Произошла обычная в эту ночь борьба. Солдаты как-нибудь ещё умели сдерживать мужчин, но пред женщинами и они были бессильны...

В тесноте теряется то благоговение, с которым относится наш русский богомолец вообще к храму. Но иногда по неведению он делает здесь непозволительную непристойность. В иерусалимском храме каждая народность старается побольше воздвигнуть своих алтарей. Во всех углах замечаешь по небольшому престолу. Некоторые из открытых алтарей украшаются только во время богослужения. Не видя на них никаких священных предме-

тов, наши паломники прикасаются к ним руками, кладут на них шапки. А один при мне полез на престол, чтобы быть повыше и лучше видеть богослужение.

— Куда ты лезешь! — остерегают его соседи. — Ведь это армянский престол.

— Ну, вот выдумали! — недоверчиво отзывается паломник. — Разве такие престолы бывают?

Среди храма стояли солдаты в ещё большем числе, в фесках и с ружьями. Сначала я не порывался пройти на середину и простоял всю полунощницу у южных дверей, откуда мне хорошо были видны все приготовления в алтаре к крестному ходу.

В 11 часов ночи патриарх открыл торжественное шествие вокруг храма Воскресения, в сопровождении всего духовенства, греческого и русского. Обычно при этом несли кресты и хоругви. Большинство паломников тоже двинулось следом за крестным ходом. Мне

уже неудобно было стоять в проходе дверей, и я поневоле прошёл на середину храма, к невысокой каменной урне, известной здесь под названием «Пупа земли». Так как, по пророческому восхвалению

Праздничный обед паломников в подворье Палестинского общества

Давида, Господь устроил спасение людей среди земли, то середину иерусалимского храма наш народ и назвал «пупом земли». В

самом деле, взглянув на карту, мы должны признать Иерусалим средоточием трёх материков Старого Света.

Когда следовал мимо меня крестный ход, то знакомое духовенство попутно христосовалось со мною. Русские священники вскоре отделились от греческих, и ушли в свою церковь св. Троицы, а греки продолжали служить утреню, непрестанно повторяя своё «Христос Анести» (воскресе). С уходом русского духовенства заметно и народ поредел в храме.

В двигающейся толпе с зажжёнными свечами трудно сохранить своё платье, чтобы не закапали его воском. В этих видах я прислонился к «Пупу земли». Но кому-то вдруг вздумалось поцеловать нарисованный на нём чёрный крест. Глядя на него, стали прикладываться и другие. И вот во всё время службы народ подходил и целовал камень. Мне пришлось, конечно, отойти и ещё ближе стать ко Гробу Господню, где с полночи шла уже обедня. Гнусавое пение греков иногда перемежа-

лось радостным хором наших паломниц, и это до некоторой степени скрашивало для русских пасхальную службу греков. Храм осветили, насколько это позволяло имеющееся здесь в распоряжении греков количество лампад и свечей, так что в эту ночь я видел его во всём блеске и великолепии. Сегодня четвёртый раз, как я ночую в Иерусалимском храме. С большим трудом, но всё-таки я пересилил себя и достоял обедню до конца. По окончании богослужения всё множество народа с зажжёнными свечами и с пением «Христос Воскресе» двинулось в нашу русскую «Палестину».

Тут, в Свято-Троицкой церкви ещё продолжалась пасхальная служба. Я пробрался на хоры и там, борясь с дремотою, терпеливо дожидался окончания ранней обедни.

В пятом часу утра народ разошёлся из церкви по своим местам разговляться. В гостинице для паломников первых двух классов приготовлен был изысканный стол, но сидел за ним, когда я подошёл к нему, только

один человек — тамбовский помещик.

Мне в это утро хотелось видимого объединения с верующими людьми. Я спустился вниз в народную столовую. Здесь были приготовлены столы для розговения, с особой платой по тридцати копеек с человека. Куличи, пасхи, яйца, окорока, вино и пр. предлагали всем в изобилии. Все сидевшие за длинными столами остались очень довольны, и по адресу заведывающего подворьем сыпалось множество искренних благодарностей.

Исполнив обычай пасхального разговенья, я поспешил к себе наверх: чувствовалась потребность отдохнуть.

В первый день Пасхи Христос явился двум ученикам, шедшим в Эммаус. Но где находилось это селение? До сих пор спорный вопрос. Одни указывают на селение Эль-Кубебе, отстоящее от Иерусалима на двенадцать вёрст (и это весьма справедливо, потому что по Евангелию Эммаус отстоит от Иерусалима на 60 стадий, т. е. на 12 вёрст приблизительно),

другие относят Эммаус вдвое дальше, к селению Амвас. Но в том и в другом случае указывают на запад от Иерусалима.

Привыкнув здесь все евангельские воспоминания связывать с путешествием, я и на сегодняшний день наметил пройти пешком на запад, в селение Айн-Карим, которое лежит, вероятно, не очень далеко от евангельского Эммауса.

Под известным деревом «собрания паломников» я нашёл небольшую группу людей, оживлённо беседующих о только что высказанном пророчестве. Сам пророк, какой-то живописец, повторил и мне своё предсказание о падении в этом году Денницы-Люцифера на Елеонскую гору. Свои предсказания он подкреплял ссылками на пророков Исаию и Даниила. В другое время я с удовольствием занялся бы им, но теперь я должен был спешить в Айн-Карем, чтобы сегодня же вернуться в Иерусалим. Со мной изъявили желание идти ещё три человека.

Прекрасная шоссированная дорога, около восьми вёрст длиной, нисколько нас не утомила. За оживлёнными разговорами мы и не заметили, как подошли к католическому монастырю Иоанна Предтечи, красующемуся на краю селения Айн-Карим своим величественным храмом. У ворот и на лестнице никто нам не попался: как будто бы здесь все почил сном. Раскалённые стены, неподвижный воздух и ослепительный свет действительно располагали куда-нибудь поглубже спрятаться и не двигаться. Узнав, что в монастыре будет служба только вечером, мы направились к русскому женскому скиту. Здесь встретила нас молодая красивая послушница и лениво сообщила нам, что у них тоже все отдыхают. Мы попросили дать нам проводника до источника Иоанна Предтечи.

— Некого послать сейчас! — неприветливо ответила суровая красавица.

— Как так?! — изумился один из моих спутников: — около ста душ в вашей общине, — и некого послать! Тогда сведите нас к

старшей сестре: мы желаем её повидать.

— Она отдыхает! — уклончиво отрезала послушница. Тем не менее обращение к старшей сестре, которая здесь играет роль игуменьи, возымело своё действие. Через несколько минут к нам пришёл в качестве проводника здешний сторож — симпатичнейший русский мужик. Он всю дорогу до источника занимал нас поучениями и назидательными рассказами из жития святых, причём умело иллюстрировал их воспоминаниями из своей жизни.

Перевалив через гору, мы спустились в долину, густо заросшую разнообразной зеленью. В одном месте, на склоне горы, пробивался светлый ключ. Около него вырыта пещера, и тут же под струёй холодной воды выкопан небольшой бассейн для купания. Несколько выше стоит скромная избушка сторожа. Всё это место принадлежит католикам. По преданию, в этой долине пребывал в младенческом возрасте Иоанн Креститель до явления его Израилю. Существует у паломников

обычай окунуться три раза в бассейне Крестителя.

Хотели и мы исполнить этот благочестивый обычай, но холодная вода остановила нас. Набожный проводник никак не мог допустить, чтобы мы, пришедши к источнику Иоанна Предтечи, не окунулись в нём. Он нас долго уговаривал, находя воду достаточно тёплой, но мы не сдавались на его просьбы. Наконец, он решил ободрить нас своим примером и, быстро раздевшись, вскочил в холодную воду. Мы последовали за ним, но сейчас же и выскочили вон из бассейна.

Здесьшний сторож-католик живёт настоящим отшельником и занимается изделием из дерева. Он выпиливает дощечки для наклейки бумажных образов, делает чётки и крестики. Мы купили у него чётки из «акрид», т. — е. из тех якобы плодов, которыми питался Иоанн Креститель, хотя акридами Евангелие называет не плоды, а саранчу. «Акриды» в здесьшних чётках представляют собой крупные яйцевидные формы зёрна какого-то плода в виде огурца, как здесь нам объяснили.

Вернувшись в общину, мы застали здешних обитательниц за всенощной в церкви Казанской иконы Божией Матери. Скитницы пели по нотам очень старательно. Только две из них были в клобуках, остальные же в бархатных повязочках послушниц и в чёрных платьях. Сзади всех стояла старшая сестра Ксения.

Церковь Казанской иконы Божией матери въ Горней.

Рядом с русским местом католики показывают капеллу — место встречи Божией Мате-

ри с Елисаветой. Она известна у паломников под названием дома праведной Елисаветы. Обозревая здешние святыни, мы опять пришли к монастырю Иоанна Предтечи и на этот раз застали середину католической мессы. Красивые звуки органа и вообще вся торжественная обстановка просторного храма повергла некоторых из нас с чувством искреннего умиления на колени. Один из монахов, по окончании службы, обвёл паломников по всем приделам храма и показал им две наиболее чтимых святыни его: влево от главного алтаря — место рождения Иоанна Предтечи, а справа — камень, на котором отдыхал «великий пророк обоих заветов».

Камень был вставлен в стену и закрыт мраморной доской с крестообразными вырезками. Богомольцы благоговейно прикасались через них к святыне рукой и затем крестились ею.

Один из католических монахов пригласил меня к себе в келью. Угощая местным вином, он рассказал мне о «скучной» палестинской

жизни. Некоторые из них, чтобы скоротать здесь томительное время, прибегают к таким невинным занятиям, как, например, собирание почтовых марок для коллекции.

У моего спутника в здешнем русском скиту были две знакомые землячки. Здесь все женщины живут вдвоём или втроём в отдельных домиках, разбросанных по склону горы среди красивых цветников и фруктовых деревьев. Вот в такой-то райской обстановке указали нам и дом скитниц, которых мы искали.

Обе женщины, любезно принявшие нас в свою маленькую комнатку, оказались премилыми девушками и напомнили нам своим гостеприимством евангельских Марфу и Марию.

За скромным угощением они охотно рассказали об условиях здешней жизни. Скит их находится в зависимости от русской духовной миссии. Им полагается из общих доходов только трапеза; остальное же всё они должны иметь своё собственное. Заработок их неболь-

шой; им заказывают монахи из Иерусалима бельё, рясы и проч.

Пока они расспрашивали нас о России или сами говорили о палестинских феллахх, — тон их речи был бойкий, весёлый. Но когда мы спросили об их внутренней скитской жизни, они отвечали вяло и печальным голосом. Мы заметили им это и попросили их высказаться откровеннее. Тогда они наперебой стали жаловаться на здешние порядки. Я не передаю подробней их рассказа. Главное недовольство выразалось против стеснения их свободы.

Русское место в Горней (Айн-Карим)

Мне кажется, желание здешних скитниц получить некоторую свободу совершенно понятно. Нам надо только радоваться, что находятся среди наших женщин желающие заселить русские места в Палестине. Так смотрел на это и покойный архимандрит Антонин, помогая русским женщинам в устройстве доми-

ков и келий на купленной им земле в Горнем граде.

Если и попадутся среди них две-три вольницы, то ведь с этим надо считаться: в России в хорошо организованных монастырях также встречаются подобные послушницы. Напротив, в Палестине среди русских женщин мы видим и высокие примеры благочестивой жизни. Всем паломникам известна удивительная подвижница Марина, проживающая в настоящее время на Елеонской горе. А

сколько таких негласных Марин по всей Палестине!

Я не знаю подкладки существующих отношений между сёстрами здешнего общежития и духовной миссией; но если принять во внимание, что хорошо устроенный яффский монастырь пустует, то надо, повторяю, только радоваться на многочисленную семью палестинских сестёр.

С заходом солнца мы вышли из «Горняго града», или селения Айн-Карима, где воображение рисует идиллию двух святых семейств, и также пешком отправились назад в Иерусалим. На полпути захватила нас тёмная ночь. С дороги мы не сбились, но были немного напуганы верховым арабом. Он почему-то стремительно наехал на нас и сразу осадил коня. Мы молча обошли его и направились дальше, не понимая, что он хотел выразить своим манёвром.

Когда мы подходили к Иерусалиму, нам попадались навстречу медленно шествую-

щие парочки: тихая ночь манила всех вон из душных комнат.

ГЛАВА 38. Сион.

Топография Иерусалима. — Сион. — «город Давидов». — Дом Тайной вечери. — Гробница Давида. — Обозначение святых мест. — Сионские кладбища. — Вышний Сион Нового Завета. — Армянский монастырь св. Иакова. — Мусульманская процессия. — Место побиения камнями св. Стефана.

Через весь Иерусалим, с севера на юг по меридиану, проходит прямая улица. Начинается она у Дамасских ворот, а оканчивается у Сионских, или Баб-ен-неби-Дауд. Эта улица делит Иерусалим на две почти равные части, если принять во внимание, что город растёт на запад вне стен своих. Восточную часть, исключая южный угол, то есть, ограждённый двор с мечетью Омара, можно разделить в свою очередь на северную и южную. В первой живут преимущественно мусульмане, а во

второй — иудеи. В западной половине Иерусалима, в котором находится храм Гроба Господня, сосредоточены христиане разных исповеданий. Русские вышли за стены города на северо-запад, а армяне подались на юг, к Сиону.

Собственно говоря Сион, где когда-то был дворец царя Давида, а теперь указывают его гробницу, выступает высоким мысом за южную стену города и круто спускается в Гинномову долину.

«Давид взял крепость Сион: это — город Давидов. Давид жил в той крепости, потому и называли его городом Давидовым». Вот свидетельства в писании (2 Цар. V, 7,9; 1 Пар. XI, 5,7). До времён Неемии выделяли «город Давидов» из всего Иерусалима, как это мы видим из его описания постройки стен (Неем. III. 15). Пророк же Исаия (II. 2) Сион назвал «горою дома Господня»; на этом основании некоторые (в том числе и покойный Георгий Властов, см. его «Священную летопись», т. IV, стр. 117) разумеют под горою Сион возвышенность Мориа, на которой Соломон выстроил храм Иеговы. Так это или иначе, но гора Сион

с времён Давида стала лозунгом избранного народа. На горе Сион воцарился Господь. Там будем спасение. Оттуда идёт благословение. Одним словом, в Сионе сокрыты все чаяния Божьего народа. К нему он стремится, как к главной святыне на земле.

Я тоже собрался посетить Сион и его чтимые паломниками места. Подвигаясь на юг города, мы запутались в кривых улицах еврейского квартала. Пришлось и нам, по выражению пророка Иеремии (L, 5), встречных «спрашивать о пути к Сиону, к месту имени Господа Саваофа» (Ис. XVIII, 7). На юге города становилось всё менее и менеелюдно. А на самом Сионе едва встретишь человека. Было около второго часу дня.

То, что называют здесь «Сионской горницей», или домом Тайной вечери, в настоящее время есть мусульманская мечеть Ен-неби-Дауд. Вот здесь-то и показывают место гроба царя-пророка Давида. О «гробницах Давидовых» поминает и Неемия (III, 16). Но теперь, после такого ряда разорений Иерусалима, в продолжение почти трёх тысяч лет, вряд ли кто из учёных археологов станет положи-

тельно утверждать, что каменное возвышение в подземелье, покрытое пеленой, и есть непременно гроб царя Давида. Во всяком случае, магометане благоговейно чтут древнюю гробницу и пускают сюда христиан не очень охотно. Да и то надо заметить, вершина горы Сиона сама по себе так не велика, что здесь, где бы ни указывали гробницу Давида, всё будет близко около действительного места. А что она была на Сионе, об этом свидетельствует писание и Ветхого и Нового Завета. «И почил, — сказано, — Давид с отцами своими и погребён был в городе Давидовом». «И гроб его у нас до сего дня», — свидетельствует апостол Пётр мужам Иудейским в Иерусалиме.

Недалеко от места первой христианской церкви, или «матери всех церквей», показывают дом Иоанна Богослова, где проживала с ним Божия Матерь. Близ Сионских ворот (Бабен-Неби-Дауд) находятся постройки, в которых будто бы жили первосвященники Анна и Каиафа. При этом указывают все подробности пребывания Иисуса Христа на Сионе: к какому дереву Он был привязан, где Его били по ланитам, где от Него отрёкся Пётр. На восточ-

ной стороне горы показывают и пещеру, в которой Пётр горько оплакивал своё отречение.

Базарь у Яффскихъ воровъ въ Иерусалимѣ.

Базарь у Яффскихъ воровъ в Иерусалиме

Все события последних дней земной жизни Иисуса Христа так трогательны и так дороги для каждого христианина, что становится понятным, когда, для постоянного напоминания себе, стараются воспроизвести их тем

или иным способом. Известно, например, сколько мест в одной только России, где разным долинам и холмам около монастырей приданы названия чтимых святых в Палестине. Вам укажут и Вифанию, и Гефсиманию в самом центре империи; а в некоторых церквях и часовнях воспроизведены пещеры Рождества Христова или Святого гроба. Тем более, если мы видим желание благочестивых христиан наглядно вспомнить все подробности страстей Христовых в самом Иерусалиме! Как образа и картины напоминают нам известные события из жизни Спасителя, Божией Матери и святых людей, так здешние дома, памятники, пещеры и гробницы рисуют в нашем воображении картины давно минувших евангельских событий.

На горе Сионе, около Неби-Дауд, расположены христианские кладбища: православное, латинское, армянское, американское и др. Наше православное находится в ужасном запустении и выглядит очень грустно, особенно если сравнить его с соседними. Распоряжается православным кладбищем греческий патриарх и, конечно, степень благоустройства

вполне зависит от него. Кучи камней, беспорядочно разбросанные на кладбище, усугубляют ещё более безотрадную картину. И это Сион! Он исключён из черты города и отдан под могилы! Не исполняется ли пророчество, что Сион будет вспахан, как поле (Иер. XXVI. 18; Мих. III. 12). А прежде, когда иудейское царство было самостоятельно, как велико было значение горы Сиона! Пророки её называли «радостью всей земли», Божиим пребыванием, избранницей Господней. Самое высшее благословение того времени, если сказать: благословит тебя Господь от Сиона!.. И вдруг такое запустение!

Но и в Новом Завете гора Сион не утратила своего значения для Нового Израиля, то есть христиан. Здесь была та горница, где совершена была самим Иисусом Христом первая евхаристия и здесь же был дом Иоанна Богослова, в котором проживала Божия Матерь. После смерти и воскресения Иисуса Христа, Его ученики, по преданию, пребывали главным образом на Сионе.

Русские паломники в Святой земле. С карт.

Русские паломники в Святой земль. Съ карт. Х. Н. Скорнякова.

Х. Н. Скорнякова

Здесь им являлся Господь, и здесь же, по Его заповеди, они дожидались обетования свыше. В этой горнице произошло великое явление Святого Духа в виде огненных языков и были произнесены речи на разных языках о великих делах Божиих. Таким образом из Сиона стала распространяться проповедь о воскресении Спасителя. «От Сиона выйдет за-

кон и слово Господне из Иерусалима», — предсказывали пророки.

Но теперь настало время поклоняться Отцу не на горе сей и не в Иерусалиме, как сказал Христос самарянке, а — в духе и истине. Теперь мы приступили, объясняет апостол, к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов. Теперь гора Божия есть вышний Иерусалим — мать всем нам (Гал. IV, 26). Отныне нам надо возводить очи наши к той горе, к тому вышнему небесному Сиону, откуда придёт обещанная помощь Господня.

На обратном пути мы зашли в монастырь св. Иакова. Построили его, говорит предание, грузины; но, как многие их святыни, и этот большой монастырь перешёл в руки армян. Полагают, что храм его построен на месте усекновения главы апостола Иакова, брата Господня. В монастыре живёт армянский патриарх, и имеет в нём множество келий для паломников.

Выслушав службу на непонятном для нас армянском языке, мы вернулись к русским постройкам.

Случилось мне обойти и мусульманские кварталы в северо-восточной части Иерусалима, да ещё в такое время, когда последователи Магомета справляли один из своих больших праздников. Ещё с утра толпы разодетых мусульман двинулись к восточным воротам Баб-ситти-Марьям, через которые должна была пройти их религиозная процессия в сопровождении дервишей и турецких войск с музыкой. К главному шествию процессии я опоздал. Видел только возвращающиеся в город последние партии дервишей и солдат, окружённых массаами пёстрого народа. Крики, пение, музыка, придавали всей картине что-то горячее, восточное. Все здания и заборы, примыкающие к дороге, были усеяны многочисленными зрителями.

Сион (Неби-Даул)

Присоединился и я к ним. Моё тёмное европейское платье сильно выделяло меня среди ярких восточных костюмов; но так как все были заняты зрелищем, то на меня не обращали никакого внимания. Лишь только хвост

Сіонъ (Неби-Дауль).

процессии скрылся в воротах и я двинулся по дороге на Елеонскую гору, как посыпались на меня сверху камни. Это бросали возбуждённые праздником дети магометан. Пришлось мне податься к каменной ограде и под её защитой быстро пройти через Кедронский поток к Гефсимании. Как раз в этом месте, говорит предание, побивали камнями первомученика Стефана.

На проявление особенного фанатизма иерусалимских магометан всё-таки нельзя пожаловаться. Здесь они держат себя сравни-

тельно тихо и скромно. Это можно объяснить, во-первых, тем, что население Иерусалима смешанное, и представителей двух других религий — иудейской и христианской — значительно больше. Одних иудеев насчитывают в городе более 45'000 человек (почти три четверти всего населения Иерусалима). Во-вторых, европейские консулы здесь зорко следят за безопасностью своих соотечественников. И, наконец, зачем мусульманскому населению проявлять какие-либо неприязненные чувства к иноверным, когда оно живёт их богатыми приношениями из всех стран христианского мира?!

ГЛАВА 39. Отъезд из Иерусалима.

У иерусалимского патриарха. — Обокраденный дракон. — Торговые ряды. — Отъезд из Иерусалима. — Афонские монахи. — Еврейские колонии. — Условия выкупа Палестины. — Всемирное царство евреев. — Яффа. — «Уста Святой земли». — Общее впечатление от Палестины. — Прощание с Иерусалимом.

Утром, на второй день праздника, идя из храма Гроба Господня, я встречаю кавасов, а за ними русского консула, начальника нашей духовной миссии архимандрита Александра и множество других лиц, служащих на русском подворье, а также приезжих из России на Пасху.

— Куда вы? — спрашиваю.

— Христосоваться с патриархом. Пойдёмте с нами.

Я присоединился к ним и таким образом был случайным свидетелем официального пасхального визита представителей России «блаженнейшему и святейшему отцу и патриарху святого града Иерусалима и всей Палестины, Сирии и Аравии за Иорданом, Каны Галилейской и святого Сиона». Таков полный титул иерусалимского владыки Дамиана.

Патриарх имеет помещение в западной части города, недалеко от храма Гроба Господня. Здесь нас ожидали монахи и препроводили в большой приёмный зал. После первых приветствий владыке все уселись вдоль стен. Сначала обнесли гостей водой с вареньем, а потом розовым ликёром. Патриарх хорошо объясняется по-русски и почти всё время говорил только с консулом. Визит продолжался недолго, минут десять, пятнадцать — не больше. На прощание патриарх каждого благословлял и одарял крашеными яйцами с художественно выскобленными на них словами и

виньетками.

На «неизменном» Востоке поразительно часто меняются патриархи. Стоит лишь пробежать список константинопольских владык за последнее столетие. Да и иерусалимская кафедра в последние годы не может выдержать патриарха более пяти-шести лет. Такая частая смена архиереев, конечно, говорит не в пользу здешних церковных порядков. Но я не буду теперь касаться этого вопроса. Это завело бы меня слишком далеко в сторону от главного предмета настоящих очерков.

Весь этот день я употребил на сборы в дорогу и на прощальные визиты. Между прочим посетил и добродушнейшего диакона, одного из моих спутников по Галилее. С ним произошло неприятное приключение, о котором я нахожу нужным рассказать для характеристики наших наивных простецов-паломников, забывающих, что они не в своей Калужской или Московской губернии.

Я уже поминал, что диакон оставил в Кай-

фе со своими вещами девятьсот рублей в доме агента Х. Деньги эти не нашлись, и диакон пожаловался русским представителям в Иерусалиме. Ему обещали навести справки у кайфского агента Х. Бедный диакон с горя запил. Ежедневно в коридорах русских построек можно было видеть его в растерзанном виде, горько жалуящегося всем и каждому, как его обидели в Палестине. Ему сделали «замечание» и отказали в даровом помещении в здании духовной миссии, где обыкновенно останавливается русское духовенство. Жена злополучного диакона целыми днями не выходила из слёз. Наконец, после энергичного вмешательства в это дело консула, кайфский агент пишет, что деньги у него нашлись, но что он за находку и хлопоты удерживает из них солидную часть себе. Кажется, этого ему не позволили сделать и диакон перед Пасхой получил свои деньги. Надо было видеть его радость!

Лавка в Иеруслами

Он немедленно перебрался из русского по-

Лавка въ Иерусалимѣ.

дворья в гостиницу греческого духовенства «Дарданеллы», унося с собой самое неблагоприятное впечатление о здешних порядках и людях.

Как только минует Пасха, наши паломники сразу заволнуются, как птицы при отлёте. Они, пожалуй, все бы одновременно снялись отсюда, но этого сделать нельзя, за неимением здесь сразу такого количества пароходов.

Волей-неволей паломникам приходится подчиняться администрации русских подворий, которая берёт на себя заботу отправлять их по железной дороге в Яффу большими или малыми партиями, смотря по размерам парохода, подошедшего в это время к берегам Палестины. В самом деле, оставаться дольше в Иерусалиме нет надобности. Начинается нестерпимая жара, когда путешествие по оглённым скалам Иудеи очень затруднительно. По рассказам одного из служащих в Палестинском обществе, летом подворье совсем пустеет. Мёртвая тишина. Едва человека увидишь. Лишь зимой понемногу начинает оживляться наша «Палестина», а к весне опять полный разгар до Пасхи.

Перед отъездом пошёл и я по здешним лавочкам покупать подарки в память о Святой земле. В сущности весь путь от русского подворья до площадки храма Гроба Господня, за небольшим исключением у ворот Абдул-Гамида, представляет сплошные ряды лавок, около которых целые дни с утра до вечера толчётся народ. В них продают всё необходи-

мое для паломника. Тут и съестные припасы, и жестяная посуда, и лакомства, и обувь, но главным образом — образа, свечи, ладан, кресты, чётки, книги и всевозможные подделки из перламутра и масличного дерева. В большом ходу здесь «иерусалимские посохи» для бедных паломников. Это — полые трости в большой палец толщиной, обделанные с обоих концов жестью. Конечно, всё значение этих слабых тростей, с крайне непрочными жестянками, только как память паломничества. Вся эта торговля живёт почти исключительно русским паломником, а потому торговцы здесь, хотя и неважно, объясняются по-русски. Часто встречаются менялы денег, сидящие по восточному обычаю за открытыми столиками. Само собой разумеется, много нищих и увечных. Торговля идёт бойко, но мирно. Я не слышал никогда ни брани, ни криков около лавок. Вообще, в этой толпе царит то благоговение, которое в данном случае приличествует месту и предметам покупок. Редкий из паломников не купит здесь для себя образа на пахучей кипарисовой доске большого размера. Одно только здесь звучит

непристойным диссонансом: турецкая музыка по пятницам. Рядом с русской «Палестинской» есть недавно разбитый жиденский садик, и в нём в дни мусульманских праздников играет турецкая полковая музыка. Отвратительно играет, и никому она здесь не нужна, тем не менее азиатские музыканты регулярно терзают уши наших паломников в самые постные дни недели.

На третий день Пасхи администрация русских построек заказала первый специальный поезд для отъезжающих. Получив паспорт (его отбирают у каждого паломника сейчас же по прибытии его на подворье Палестинского общества, равно как и пять рублей денег, в запас будущих расходов при отъезде) из конторы, отправился и я в одном купе с молодым афонским иеромонахом и с сопровождавшими его паломницами. Я уже упоминал, что почти каждый монах с Афона совершает путешествие по Палестине в сопровождении двух или трёх сестёр паломниц, добровольно берущих на себя весь труд относительно приготовления пищи, мытья белья и пр. В свою

очередь монах за это рассказывает им при всяком удобном случае про афонских подвижников или пропоёт вместе с ними молебен, утреню, вечерню, смотря по времени. Так и теперь в вагоне он вытащил из кармана молитвенник и пропел вместе с женщинами весь пасхальный канон. Всю дорогу они угощали его чаем, апельсинами, яйцами, булками.

Как в России, так и в Иерусалиме, афонские монахи без разрешения не имеют права служить литургию и исполнять требы православных, тем не менее украдкой они позволяют себе священнодействовать в самом храме Гроба Господня. И многие паломники благодарят их за это: святогробские греческие монахи не успевают справиться со всей массой требований, и не все из них хорошо говорят по-русски, да и к службе относятся крайне небрежно, невнимательно, так что присутствие афонцев в настоящее время здесь становится прямо необходимым. Мне самому пришлось воспользоваться в страстную среду предложением афонского иеромонаха. Он за-

метил моё старание пробраться к одному из греческих монахов, окружённому паломниками, и таинственно спросил меня:

— Не желаете ли я вас поисповедую?

— Пожалуйста, батюшка! — с радостью согласился я.

Монах отвёл меня в сторону к одному из сокрытых в полумраке приделов и, вынув из-под рясы крест и евангелие, завёрнутые в епитрахиль, стал тихонько исповедовать. Обстановка была самая таинственная, подходящая для «таинства», и я искренне благодарил тогда афонского иерея.

Вот и сейчас в паломническом вагоне мы с нескрываемым удовольствием слушали пасхальный канон афонца и, сколько умели, подтягивали ему.

Часа через четыре наш поезд подошёл к Яффе. Оставив вещи у агента пароходного общества, я захотел воспользоваться свободным

временем до отхода парохода и отправился к евреям из здешней колонии Ришон. Доехать до неё можно в дилижансе, проще сказать, в большой скверной телеге, битком набитой людьми и их багажом. На моё счастье мне попался интеллигентный еврей, который рассказал кое-что из жизни палестинских колоний. С грустью я узнал, что, несмотря на прекрасную почву, на все благоприятные условия, евреи при первой возможности стараются сами не заниматься земледелием. Они и в Палестине удивительно умеют выискивать всевозможные занятия, причастные к торговле. Агентство, комиссионерство, факторство, маклерство и разное посредничество в городах и селениях Палестины их привлекают больше, чем садоводство и виноделие. А между тем какая благодарная почва здесь! Какой превосходный виноград, апельсины и другие фрукты! Я купил на пробу разного вина от 15 до 32 копеек за бутылку, и многие знатоки отозвались о нём очень одобрительно.

Мой собеседник еврей много жаловался на стеснения со стороны турецкого правитель-

ства. Испугавшись еврейского нашествия в Палестину, в последнее время турки ограничи́ли число переселенцев.

Он сам прибыл сюда, обманув каким-то образом бдительность турецкой полиции.

Говорили и о мечтаниях сионистов. Заявив себя приверженцем идеи — основать еврейское царство в Палестине, мой собеседник высказал несколько соображений, не лишённых практического смысла.

— Чтобы выкупить Палестину, — говорил он, — надо считаться не с одними турками: вся христианская Европа слишком заинтересована в Святой Земле и, конечно, не позволит туркам продавать её евреям. Да и сами мусульмане ни за что не уступят нам свою святыню в Ель-Кудсе (в Иерусалиме). Но, мне кажется, нам, евреям, и незачем выкупать землю. Господами её мы сделаемся гораздо проще. Не сегодня-завтра Палестиной завладеют христиане, внесут в неё европейскую культуру, возделают голые скалы, как сад

эдемский... Вот тогда придём и мы на готовенькое и возьмём себе львиную часть всех благ земли Израильской. Если теперь большая часть жителей Иерусалима евреи, то, будьте спокойны, тогда-то их будет ещё больший процент... Вы сомневаетесь?

— Нисколько! Напротив, охотно присоединяюсь к вашему мнению, — поспешил я согласиться с ним. Только я смотрю несколько шире на этот вопрос. Мне странно слышать, что евреи домогаются овладеть маленьким кусочком земли, называемой Палестиной, когда они скоро завладеют всем земным шаром, всем миром. Ваши же пророки предсказывали, что в последние дни евреи возобновят своё прежнее царство в Иерусалиме, и им подчинятся все другие народы. Только... при одном условии: когда сыны Израилевы «обратятся и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего». То-есть, когда они признают «Сына Давидова» за Мессию. Разве не очевидно, что евреи, принявшие христианство, царят теперь во всех отраслях торговли, искусства и политики. Статистика насчитывает ев-

реев иудейского вероисповедания каких-нибудь десять миллионов, но подсчитайте, какая масса евреев скрывается под видом немцев, французов, англичан и вообще всех народностей! Итак вопрос о еврейском царстве в последние времена разрешится сам собой.

Сначала мой собеседник порывался возразить мне, но потом, сделав большие глаза, вопросительно взглянул на меня искоса и, не сказав ни слова, медленно удалился.

Пароход немного запоздал, и это обстоятельство дало мне возможность ещё раз посетить место будущего русского монастыря. Рано или поздно русские добьются права (и кто же этому мешает? — Свои единоверцы, православные греки!) иметь свои монастыри в Палестине и особенно в Яффе, с которой связано призвание язычников. Здесь Господь показал в видении апостолу Петру, что Он открывает Своё Небесное царство не для одних только иудеев, но и для всех народов. Голодный Пётр говорил:

— Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои.

— Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым, — был ответ ему с неба.

С тех пор нечистые язычники стали входить в Святую землю через Яффу, как бы через «уста Палестины», очищенным народом, то есть христианами. Теперь одних только русских паломников проходит через эти ворота обетованной земли до десяти тысяч человек ежегодно.

Когда я прибыл на пароход, то едва достал себе место в четырёхместной каюте. Все помещения были битком набиты паломниками. На палубах давка невообразимая. В три часа пополудни пароход снялся с якоря и направился в Александрию.

Прощай Иерусалим! Прощай, Палестина! Каждый уголок в тебе может до слёз растрогать верующего человека. И рано или поздно его снова потянет посетить колыбель христи-

анской религии.

Четыре недели я провёл в Святой земле. За это время я посетил почти все места, куда обыкновенно заглядывает наш русский паломник. Можно бы объехать их в ещё более короткое время, но это было бы совсем противно мнению некоторых книжников, которые обязательным считают пребыть в Палестине не менее шести недель, вероятно, в память сорокадневного обозрения обетованной земли еврейскими соглядатаями. Они тоже осматривали её в летнее время, как сказано (Числа 13, 21), «дни же бяху дни весени, предваряющии ягоды».

Для меня лично предварительное знакомство с Палестиной по книгам и фотографиям несколько ослабляло первое впечатление. Если бы не духовное значение известных мест и предметов, я на всё смотрел бы совершенно спокойными глазами. Некоторые из интеллигентных лиц, не потрудившиеся предварительно прочесть о современной Палестине, возвращались несколько разочарованными.

Библейские картины, вычитанные с детства, рисуются нам в обстановке прекрасной природы, среди патриархальной жизни пастухов и земледельцев. Но... с приездом в Палестину, вся священная поэзия застилается металлом, деревом, камнем и пылью городов. Вся святость заключается теперь в гробах, гробницах, могилах и пещерах. Сама иерусалимская почва, по которой ходили Христос и апостолы, местами погребена, говорят, на несколько сажень глубины. И когда вместо патриархальных сынов израилевых всюду встречаешь хитроумного грека или вспыльчивого араба, то окончательно вся иллюзия детских лет пропадает. Благо теперь простецам, которые пришли сюда с детской верой и впервые знакомятся с обстановкой Святой Земли и её историей. Вон они сейчас в пароходном трюме восторженно поют кем-то немудрёно сложенный прощальный гимн Иерусалиму, унося в сердце своём сладкую память о святых местах на всю жизнь:

*«Сердцу милый, возделенный,
О Сион, святейший град!*

*Ты прощай, мой незабвенный,
Мой поклон тебе у врат»...*

ГЛАВА 40. Александрия.

Африка. — В Александрийской гавани. — Обзорение города. — В православном соборе. — Сад Антониади. — Нил. — Катакомбы. — Музей древностей. — Назойливость арабов. — Александрийская полиция. — Казни египетские

С Азией расстались.

По ярко синему Средиземному морю, чуть покачиваясь, пароход теперь шёл на запад, вдоль материка Африки. Все с любопытством устремили свои глаза на юг, ища низменного берега Египта. Часто попадаются суда. Вахтенный помощник командира с левой стороны мостика тщательно обзореваает в бинокль горизонт. Вот он спешно подошёл к компасу, поглядел ещё раз в бинокль и быстро скрылся в рубке. Не прошло пяти минут, как он вышел вместе с командиром и приказал рулевому поворачивать. Вскоре и мы, пас-

сажиры, увидели знаменитый маяк на острове Фаросе. Вот он, прародитель всех морских маяков, когда-то считавшийся одним из семи чудес света, сейчас высится над горизонтом как-то странно одиноко. Мелькнула узенькая жёлтая полоска песку. Берег Африки!

Но что поделывают паломники в трюме?

Их теперь не тревожит сознание, что они едут к неведомым для них странам, к новой части света. Миссия большинства паломников кончается в Палестине. Немногие из них после Пасхи поедут на Афон или в Царьград, к святителю Николаю. Теперь все помыслы их направлены домой, в Россию. Скорей бы вернуться к прежней жизни! Пора пообчиститься, отдохнуть от непрерывной сутолоки и войти в колею обычных занятий.

Но религиозное настроение у них ещё довольно сильно: мы любуемся морской далью, рассматриваем открывшийся город, а они с неослабевающей энергией продолжают петь длинные акафисты.

Обогнув мол, пароход гордо вошёл в обширную гавань Александрии и чуть не столк-

нулся с выходящим судном. Волей-неволей наш пароход должен был остановить машину и даже дать задний ход. Тревожные и в то же время угрожающие свистки с обоих пароходов оглашали всю гавань.

В Александрии нам предстояло пробыть три дня. Пароход подошёл к пристани и ошвартовался. Спустили несколько сходней. Пассажиры сейчас же поспешили на берег.

За двое суток можно бы было съездить в Каир и поспеть к отходу парохода, но из паломников никто, кажется, не рискнул полюбоваться городом восточных чудес. Я тоже решил ограничиться осмотром только Александрии.

В первый день вечером в небольшой компании мы проходили главные улицы и побывали у конной статуи страшного реформатора Мегмета-Али, в своём роде Петра Великого Египта. В моих воспоминаниях вероломное избиение арабских шейхов заслоняет все благие деяния этого сурового паши.

Прошлись ещё по большим улицам Ибрагима и Шерифа паши. Всюду смешанная публика. И кто преобладает здесь, трудно ска-

зять. На окраинах города чаще попадаются туземцы: египто-арабы, копты и феллахи. Иногда встречались английские солдаты в своих характерных маленьких шапочках, со спущенными ремешками к губам. Но на площади памятника Мегмета-Али толпы европейских костюмов. Поражает среди них обилие разодетых барынь. Подобно всем большим приморским городам, вечером Александрия живёт праздну, весело, богато... Под открытым небом густо расставленные столы ресторана наперебой брались публикою. Поздно было, а потому сегодня мы ограничились только внешним осмотром города.

На другой день утром мы заехали сперва в православный собор. Шла обедня. Заметив среди нашей группы русского священника, греки предложили всем нам стать в алтаре. Александрийская церковь в это время сиротела без патриарха. Они избрали своим владыкой назаретского митрополита Фотия, но султан медлил его утвердить. Во время пения «Христос Воскресе» служащий священник грек просил нас петь с ними вместе по-гречески: «Христос анести ек некрон» — хорошо

знакомый тропарь для многих паломников, побывавших в Иерусалиме. Известны и нам были эти пасхальные слова, но пропеть их греческим напевом не так-то было легко. Слишком много находится в их мотиве растянутых и трудно уловимых переходов.

Для обозрения окрестностей Александрии, которые нам рекомендовали посетить, мы наняли по франку за час извозчика-араба и отправились сперва вдоль канала Махмудиэ к роскошному саду греческого богача Антониади. В нём было собрано, кажется, всё, что растёт в Египте. Особенно приятно было северянину видеть разнообразие видов тропической флоры. Каждый поворот аллеи давал новые картины с новыми невиданными растениями. Красивы и маленькие искусственные водоёмы, где собраны различные водяные цветы. Лотос и папирус разрослись здесь во всей силе. В тенистых аллеях беспрестанно натыкаешься на красивые гроты и изящные переходы-мостики. Есть сырые и прохладные уголки, так ценимые в Египте. Приятно было укрыться в них от полуденного жгучего солн-

ца. Но этот искусственный земной рай не богат был людьми: кроме нас и садовников, в нём никого не было.

Идя к выходу, мы ещё издали заметили, что сторож закрывает высокие железные ворота и запирает их на замок. Затем он медленно садится на скамейку и спокойно ждёт нашего приближения. Конечно, мы поспешили одарить его деньгами, чтобы только скорее он выпустил нас, хотя известно было нам, что вход сюда для публики бесплатный. Такой своеобразный способ требования бакшиша показал нам, что мы и в Африке всё ещё находимся среди азиатских порядков, связанных с произволом и насилием.

Добравшись до своего извозчика, мы попросили его показать нам священный Нил. Он опять повёз нас вдоль канала Махмудиэ. Положим, вода в реке и в канале одна и та же, но нам хотелось увидеть естественные берега Нила, поросшие тростником и кустарником. Впрочем, в одном месте мы увидели широкую заводь, богато поросшую зеленью, и остановились, чтобы испить мутной водицы Нила. Нельзя не испробовать священной влаги

Египта, текущей из под самого экватора!

Третий день в Александрии посвящён был обозрению здешних катакомб. Со свечами в руках мы спускались в самую глубину их тёмных коридоров. Проводник показал нам на камнях все следы древних начертаний, оставшихся от времён язычества и первых веков христианства. Недалеко от катакомб высится Помпеева колонна. Для полноты впечатлений мы заехали ещё в здешний прекрасный музей египетских и римских древностей.

Город Александра Македонского стоит более двух тысяч лет, и за это время он много раз был разрушаем. Но как бы начертано свыше, ещё долго жить ему и играть значительную роль в жизни народов. Теперь он очутился при морском пути в Индию и считается важным торговым пунктом. Его обширные гавани круглый год полны кораблей, а все пристани всегда усеяны всевозможными товарами в ящиках, в бочках, в пачках, в корзинах.

В истории последнего времени мне вспоминается тягостный год для Александрии, когда этот город подвергся бомбардировке со

стороны англичан... Никогда не забуду того тяжёлого впечатления, которое причинило мне известие о разрушенных зданиях и неповинно убитых обывателях почти беззащитного города. Тогда впервые поколебалось моё поклонение англичанам...

Паломники мало пользовались возможностью погулять по городу. Необходимые покупки можно было сделать недалеко от пристани. У многих за обедом появились египетские финики и аршинные куски сахарного тростника.

Некоторые не ходили в город, жалуясь на грубость арабов, и не без основания. Мне лично известна такая сцена. Шли две русские дамы к пароходной пристани. К ним привязался нахальный араб и настойчиво приставал со своим бакшишем. Беззащитные дамы не знали, куда деваться от него. К счастью, проходивший тут же один из пассажиров с русского парохода стал между дамами и арабом, чтобы защитить собою своих соотечественниц. Назойливый араб вдруг ударил его кулаком в грудь и быстро отбежал в сторону. Добровольный защитник обратился к одному из

полицейских, чтобы он задержал дерзкого араба. Тот нашёл предлог отказаться, — оскорбление произошло не в его районе, — и отослал его к другому представителю полицейской власти, другой — к третьему, и т. д. Наконец, нашёлся на самой пристани «Русского общества пароходства и торговли» толстый араб, который признал-таки за собою право вмешательства за обиженного пассажира.

— Хорошо, хорошо! — говорит он ему по-русски, — давай мне его сюда: я его сейчас поколочу.

— Что-ж, прикажете мне бежать за ним и притащить его за шиворот?

— Ну, а мне нельзя отсюда отлучаться, — и толстяк самодовольно отвернулся в сторону.

Огорчённый пассажир хотел жаловаться русскому консулу, но его уговорили другие этого не делать. К тому же русского консула в то время не было в Александрии: он уехал в Каир. Тут кстати рассказали ему множество примеров, как «русские туристы очень часто были оставляемы без защиты, и как, обратно, англичане гордятся, что ради одного обижен-

ного человека их правительство готово бомбардировать город». Про паломников-простецов и говорить нечего. Те со своим русским языком не всякому русскому консулу могут и объяснить про своё дело.

Сколько я мог заметить, Александрия не понравилась нашим паломникам. Тут всё для них чуждо. Некоторые даже вспомнили здесь и духовное значение Египта, как страны насилия и рабства для народа Божия.

Один из грамотеев, повернувшись лицом к городу, с достоинством знатока пространно рассказывал крестьянкам, какие казни посылал Господь на Египет при Моисее. Бабы слушали и громко вздыхали. Но вот подходит к ним худощавый бледный странник с большими тёмно-кариими глазами и, оперевшись о борт, стал тоже прислушиваться к рассказу.

— Всё это так-с, правильно вы рассказываете, — заметил странник лектору. — Но позвольте вас спросить, к чему это были казни египетские?

— Да ведь я только что сказал, что Господь наказывал ими египтян за то, что они не пустили евреев поклониться своему Богу...

— Так-с, правильно, — согласился странник. — А известно ли вам, что эти казни и по сейчас продолжаются и будут продолжаться до скончания веков?

— Как это так? — с недоумением спросил грамотей.

— А вот-с, видите ли, теперь под Египтом надо разуместь всю землю, весь земной шар. Да-с! А египтяне — все люди, которые преследуют истинное благочестие и правду Божию. Господь за это их наказывает, посылает разные беды и напасти, а они этого не понимают. Вот вы говорили, что десять было египетских казней. Так-с! А позвольте спросить, которая теперь по числу идёт казнь на землю?

Грамотей ничего не отвечал и сам вопросительно смотрел на странника.

Меня заинтересовал толкователь судеб Божиих, и я подошёл к нему и стал расспрашивать, на основании чего он так говорит. Странник как будто только этого и ждал и разразился целым потоком текстов из священного писания. Он перебрал, чуть ли не всех пророков и очень часто поминал Апокалипсис. Потом вдруг и сразу оборвал свою

речь и быстро отошёл на другой конец парохода.

ГЛАВА 41. На пароходе в Средиземном море

Обиженная паломница. — Помидоры — «яблоко раздора». — Теснота на палубах. — Запасы паломников. — Перевозка «святого огня». — «Афонская жатва». — Пассажиры первых двух классов. — Добровольцы англо-бурской войны. — «Корабль полон богослужения».

С выходом из Александрии на пароходе ещё теснее стало: прибавилось несколько классных пассажиров, а всю верхнюю площадку для прогулки завалили решётчатыми ящиками с помидорами. Палубные пассажиры поворчали про себя, но должны были уступить свои места (с выходом из Яффы им разрешено было занять часть верхней площадки) ящикам с овощами. Только одна пассажирка позволила себе неосторожно сказать во всеуслышание, что с огородной зеленью

обращаются более нежно и внимательно, чем с палубными пассажирами. Как раз в это время проходил мимо один из помощников командира и услышал её замечание. Конечно, он поспешил доложить своему начальнику о выраженном неудовольствии пассажирки. Строгий командир, хорошо известный в южных морях по своим резким выходкам, приказал высадить её в Пирее.

Все пассажиры, услышав о таком распоряжении, были страшно возмущены, тем более что у некоторых из них тоже нашлись свои причины обижаться на оскорбительный тон командира.

Один офицер зная, что пассажирка приходится родною сестрою командующего военным судном{5}, бросился уговаривать помощника командира не оскорблять почтенную даму из-за каких-нибудь помидор.

— Согласитесь с тем, что нельзя же поставить помидоры в трюм: они там могут сопресть и испортиться — приводит свои резоны помощник.

— Я отлично понимаю, что зелёным овощам надо дозреть на солнце. Но ведь вы хоти-

те сделать неслыханный скандал — высадить в иностранном городе русскую даму-паломницу!

— А зачем она возбуждает к бунту пассажиров?

— Вскользь брошенное замечание вы называете бунтом! Посмотрите на наших паломников: ведь это смиренные послушные овцы! Разве такие бунтовщики бывают?

Этот ли разговор, или общий гул сочувствия пассажиров к огорчённой даме дошёл до командира, только он своё поспешное приказание отменил, и дама была оставлена в покое.

Сравнительно с другими, режим на этом пароходе был чрезвычайно строгий. Народ был сдавлен и дисциплиною и пространством до возможных пределов. К нашему счастью погода была благоприятная, и невзгоды паломников не осложнялись ни качкою, ни дождём.

Я обошёл все палубы. Скученность всюду одинакова. Несколько просторнее в самом нижнем трюме, но зато здесь царил такой полумрак, что я, спустившись сверху, сразу ни-

чего не разобрал.

Все паломники везли из Палестины запасы образов, крестов и других предметов поклонения. У многих крестьян священными предметами были наполнены целые сундуки. Тут были и больших размеров образа на кипарисовых досках, и мелкие крестики, связанные пачками (копейки по три десятков), и пучки травы, и склянки с водою, и освящённое масло, и камешки от святых мест, и погребальные покрывала, и священная земля в тряпицах... И чего-чего тут только не было! Конечно, многое из этого ими продается в России. Торговля шла и тут на пароходе. Я сам прикупил несколько вещей для подарков знакомым. Всё это, как подлинное иерусалимское, страшно ценится в наших деревнях.

В трюме я заметил у некоторых фонари с лампадами. Это везут в Россию «святой огонь», или «благодать» Великой субботы. Они тщательно скрывают его от служащих на пароходе, потому что из опасения пожара на некоторых судах запрещено паломникам держать огонь. Воображаю себе, как тяжело должно подействовать на наших русских бо-

гомольцев насильственное тушение священного огня, который больше недели заботливо сберегался. А ведь, казалось, как легко избежать такого грубого оскорбления веры простолюдинов! Стоит лишь завести небольшую обитую железом каютку специально для огня и поручить следить за нею тем же паломникам. И пароходное общество от этого ничего не потеряло бы: можно взимать особую плату за место в каюте для огня. Но всё это уместно, конечно, на специальном пароходе для паломников, об устройстве которого я говорил раньше.

Как-то заходит ко мне в каюту один из наблюдательных пассажиров и говорит:

— Не желаете ли посмотреть на «афонскую жатву»;

— Афонскую жатву!.. Это что такое? — в недоумении спрашиваю его.

— Пойдёмте наверх! — потянул он меня за собою. — Примечайте, пожалуйста, за монахами среди паломников.

В самом деле, на палубе вокруг склонившейся над бумагою чёрной фигуры собралась группа женщин. Они диктуют монаху имена

своих родных для поминовения на Афоне. Время от времени такие же группы собирались и около других чернецов.

Большинство афонских монахов, посещающих Палестину весной, посылаются своими монастырями со специальной целью собрать среди паломников побольше денег, что и удаётся им, особенно среди женщин... Может быть, недоступность для женщин Святой горы, как иносказательно величается Афон, ещё более возбуждает в них благоговейную любовь и страстное влечение к нему. Из распространённых на Руси благочестивых песен («духовные псалмы») ни одна так часто ими не распевается, как песнь об Афоне:

Гора Афон, гора Святая!
Не знаю я твоих красот,
Й твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод...

.....

Я знаю, кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты.
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица горней высоты...

и т. д.

В одном месте две женщины приготавливали окрошку для афонца. Они крошили лук и огурцы. Я остановился около них и спросил:

— А где же вы квасу возьмете?

— Воду смешаем с апельсинами, — вот и квас! И как хорошо-то выходит! Не желаете ли попробовать?

Впрочем, среди паломников встретился монах совершенно иного типа. На баке сидел седой старец с приятными лучистыми глазами. Около него ухаживал молодой человек, довольно прилично одетый. Меня заинтересовала эта Парочка, и я воспользовался первым удобным случаем познакомиться с ними. Оказалось, почтенный старец, бывший офицер и помещик, по глубокому убеждению оставил мир, постригся в монахи и поселился в одном из сибирских монастырей. Между прочим, он искренно верит в легенду об известном старце Феодоре Кузьмиче и посвятил меня в новые подробности{6}, собранные им самим на месте жительства знаменитого старца.

Можно целый день ходить среди паломников и получать всё новый и новый интерес. Только одно препятствует долго оставаться среди них: непомерное множество насекомых. Довольно пройти по палубе между тесными рядами паломников, чтобы иметь не прошенных гостей на ногах. Бедные паломницы принуждены, на виду у всей публики, поочерёдно искать друг у друга в волосах...

Главная часть верхней площадки занята; прогуливающимися пассажирами первого и второго класса. Здесь замечается особенное оживление только что познакомившихся людей. А общество было чрезвычайно разнообразно: священники, офицеры, чиновники, коммерсанты, помещики, учителя и врачи. Здесь что ни встреча, то занимательный рассказ или даже целая эпопея.

Например, встречается доброволец, возвращавшийся с англо-бурской войны. Конечно, сейчас же его засыпали расспросами. И, к сожалению, пришлось нам немного разочароваться в самих бурах. По рассказам добровольца, собравшиеся авантюристы из разных государств были очень подозрительны по

своей нравственности. Наши русские были лучше, но буры уж никому из иностранцев не доверяли. Это и побудило многих добровольцев вернуться в Европу, не дождавшись окончания войны.

Также интересны были нескончаемые рассказы возвращавшихся из Абиссинии охотников о бегемотах, леопардах, жирафах, страусах, обезьянах, змеях, крокодилах и других представителях тропической фауны.

Наслушался я ещё, как вести прибыльное хозяйство в Тамбовской губернии. Одним словом, тут каждый человек, вносит что-нибудь своеобразное в эти долгие часы над простором синих вод.

Между тем внизу, среди паломников, благодаря усердию афонских монахов, чередуются в разных углах палубы утрени, часы, вечерни, акафисты... Так что мой собеседник восторженно воскликнул:

— Корабль полон богослужения!

Даже в пассажирских каютах мне пришлось услышать гармоничное пение духовных стихов. Пели престарелый священник и два молодых офицера, знакомые с нотами.

Умилительная картина! Бурскому добровольцу она напоминала недавно им покинутую Южную Африку, где геройские борцы за свою свободу и независимость также одушевлённо распевали свои духовные гимны на полях битвы.

ГЛАВА 42. Греция и Турция.

Остров Крит. — Синий цвет в мире. — Языческие идолаы Афин. — Пирей. — Средства от морской болезни. — Опять в Смирне. — Мимо Сан-Стефано. — Константинополь — очаг политики. — Русская больница. — Школа и значение её на Востоке

От Александрии до Пирея, гавани Афин, куда мы держали свой путь, двое суток. Раньше, выходя из Эгейского моря в Средиземное, пароход проходил между островами Родосом и Карпато; а теперь, снова входя в Эгейское море, мы держали курс между Карпато и Критом. Заходили на минуту на остров «блаженных», как называли в древности Крит; но так как это было ночью, то мы ничего не видели и не могли полюбоваться снежною вершиною знаменитой горы Иды. Некоторые пассажиры и не знали, что мы останавливались у острова.

Ко мне подошёл с путеводителем в руках священник и, указывая на карту, сказал:

— Посмотрите, Крит есть южная граница древнего греческого мира, преграда, или стена Архипелага. За нею начинается язычество в самой обольстительной форме. Но на севере, в головах Архипелага, стоит, святой Афон! Куда да сподобить Господь благовременно и благоуспешно донестись и нам, грешным.

— Батюшка, — замечаю ему, — я сейчас не могу заехать на Афон: мне надо спешить в Россию.

— Ну, Господь с вами! И только: будет случай, — не преминьте заглянуть к инокам. Высокопоучительно житие их там!

Утром мимо нас потянулись один за другим синеющие острова.

— Отчего в мире так много разлито голубого цвета? — спрашивает молоденькая барышня у окружающих её кавалеров. — И море, и небо, и даже острова вдали — всё подёрнуто голубым или синим цветом.

— Оттого, — поспешил откликнуться более молодой её собеседник, — что мы на всё смотрим чрез воздух, который имеет свой-

ство отражать голубые лучи...

— Совсем не то! — перебивает его другой собеседник барышни. — В голубом цвете надо усматривать символическое значение. Этот цвет, говорят, означает веру. А потому верою должна проникнуться вся наша мировая жизнь. Только на голубом поле, на фоне веры, красивы будут пёстрые цветы любви и надежды.

Барышня ему поклонилась:

— Благодарю вас! Вы мне даёте хорошую тему для вышивания.

Среди дня, при тихой и ясной погоде, мы входили в Сароникский залив. Все бинокли были устремлены вперёд. Побывавшие раньше в Афинах указывали остатки прежнего величия древнегреческого мира. Всех занимал главным образом Акрополь, высоко царивший над городом. В стороне виднеются Эгина, Саламин. Вспомнили морскую победу Фемистокла и его знаменитое «бей, но выслушай!»

Ко мне опять подошёл священник с путеводителем и кротко заметил:

— К чему нам, христианам-паломникам,

поминать честолюбивого Фемистокла? Мне приходит здесь на память более величавый образ смиренномудрого апостола Павла, которого греки тоже не хотели выслушать и обругали спермологосом{7}.

Карта морских путей русского паломника в Палестину.

— Помню, помню, батюшка! Тогда он проповедовал в Афинах против греческих богов. Ведь в те времена, говорит Петроний, в Афинах легче было встретить бога, чем человека.

— Не бога, а идола! — поправил меня священник. — Неподвижных, бездушных, беззвучных богов не бывает. Обратите внимание, древние статуи обыкновенно без глаз, без этих необходимых зеркал души, тогда как на христианских иконах главным образом вырисовываются глаза. Подумайте, какая это глубоко знаменательная притча во языцех!..

В другое время я с удовольствием послушал бы словоохотливого священника, но сейчас мне хотелось так жадно, жадно впиться глазами в подробности раскрывавшейся кар-

тины. Общий гул восторга и громких замечаний стоял среди пассажиров на верхней площадке: мы входили в Пирейскую гавань. Вскоре загромыхла якорная цепь, и пароход остановился. Пассажиры первых двух классов тотчас же съехали на берег. Некоторые отправились по железной дороге в Афины.

Сегодня в Пирее праздник иконы Божией Матери Хризосфитиссы. Меня и двух священников греки зазвали в большой храм, разукрашенный живыми цветами. Собственно в Пирее нечего осматривать. Тут всё так обыкновенно для южного приморского города. Да и пароход стоял недолго. Паломники третьего класса вовсе не съезжали на берег.

Вечером мы опять поплыли по водам Эгейского моря и немного заколыхались. Одна барынька пожаловалась, что в греческом море её всегда укачивает, или физически грубо до морской болезни, когда оно бурливо, или в сладких поэтических грёзах, когда оно тихо и блещет восхитительнейшими красками в мире. Услужливые кавалеры наперерыв предлагали ей различные средства. Одни советовали положить горячий компресс на голову, дру-

гие — принять каломель.

Кто-то предложил носить во время качки красные очки, как предупреждающее средство от морской болезни. Но укачавшаяся барынька предпочла лечь в постель и спокойно заснуть.

Рассматривая красивые острова Архипелага, мы слышали от помощника командира интересные сообщения о греках-островитянах. Между прочим, он рассказал нам, что на острове Патмосе существует православный монастырь, но в его монашескую братию могут попасть только коренные жители этого острова. Посторонних не принимают. Почти каждый патмосский старец делается монахом, не отказываясь совсем и от житейских дел. Их голос, как старейшин народа, имеет решающее значение в общественных делах острова. Турки не вмешиваются в самоуправление греков. Они довольствуются податью, лишь бы им исправно её выплачивали. Конечно, главный доход у жителей Патмоса, как и на других маленьких островах, от моря.

На другой день по выходе из Пирея, мы по-

шли поперёк Архипелага на восток между Цикладскими островами. Оставляя Спорады вместе с Самосом вправо, пароход пришёл в Смирну. Нельзя быть близ столицы Малой Азии и не зайти в неё! С проведением Багдадской дороги будущность этого города громадна, но и теперь он поражает своими торговыми оборотами. В нём всегда шумно, и днём и ночью. Нагрузка и выгрузка товаров. Движение караванов верблюдов. Извозчики, носильщики, торговцы. Все кричат, жестикулируют, горячатся. Здесь Европа и Азия, как два потока, сталкиваются между собою, пеняются, крутятся и рассыпаются тысячами брызг. Греки, турки, евреи, сирийцы, итальянцы, французы, англичане, немцы... Кого тут только нет! Впрочем, не в одной Смирне сталкивается Восток с Западом. Апокалипсис упоминает целую плеяду городов (Ефес, Смирна, Пергам, Фиатира, Сардис, Филадельфия и Лаодикия), где эта борьба выражена в мистических предсказаниях на все времена мира.

На этот раз мы недолго стояли в Смирне, и только пассажиры первых двух классов позволили себе удовольствие походить по много-

численными магазинами города. Наши дамы приценивались, кажется, ко всему, что видели их глаза, но ничего не купили.

Ночью мы огибали остров Митилену, а рано утром вошли в Дарданеллы.

На пароходе был один из участников перевозки русских войск в 1878 году из Сан-Стефано в Одессу. Он знает последнюю русско-турецкую войну не по книгам и газетам, а по многочисленным рассказам её героев. И теперь, проходя Мраморным морем, он занимал нас интересными эпизодами, особенно из времени последней стоянки русских войск в виду Константинополя. При этом негодованию его на всех тех, кто помешал тогда нашим войскам взять столицу турок, казалось, не было предела.

Я заметил, у всех часто плавающих в турецких водах развивается склонность к политике. Впрочем, это и понятно: в «восточном вопросе» заинтересованы все европейские державы, а потому представители их, в лице посланников, консулов, драгоманов, каждый день здесь «делают политику». В Константинополе всегда можно услышать сенсацион-

ные новости и чрезвычайно тонкие хитро-сплетённые соображения относительно будущего положения дел. А с посольствами и консулами волей-неволей приходится сталкиваться каждому иностранцу в Турции, а, следовательно — и войти через них в интересы политики.

Вечером при тихой ясной погоде пришли в Константинополь и стали на якорь в Золотом роге.

На этот раз я последовал нашим паломникам и остался ночевать на пароходе.

На обратном пути в Россию немногие из паломников осматривают Константинополь. Из пассажиров третьего класса съезжают на берег только те, которым надо пересечь на другой пароход, чтобы отправиться на Афон. Меня и самого не тянуло повторить осмотр древностей Византии. Не мог, однако, удержаться, чтобы ещё раз не взглянуть на бывший храм св. Софии. Мне кажется, сюда можно приходить любоваться постройкою Юстиниана хоть каждый день — и не надоест смотреть.

В мечети, кроме немногих молящихся ту-

рок с поджатыми под себя ногами, мы заметили в одном месте большую группу взрослых учеников, внимательно слушающих толкование седого старика-учителя. На нас они не обратили никакого внимания, да и мы поспешили поскорей обойти учеников, сидящих на больших коврах, чтобы не мешать их занятию.

Ещё раз, взглянув с благоговейным восторгом на пятнадцатисаженный купол, с лентою многочисленных окон в основании его, мы простились с Айя-Софией и прошли на площадь Ад-Мейдан. Здесь мы снова осмотрели древний обелиск Египта, пирамиду Константина Порфирородного и Змеиную колонну, когда-то стоявшую в Дельфийском храме в память победы при Платее.

В Константинополе есть русская церковь, больница и школа. И всё это близко одно возле другого. На осмотр их я посвятил целое утро. Очѐнь понравилась мне здешняя больница. Она щеголяет чистотою и порядком. При ней, кроме двух врачей, имеются сѣстры милосердия из Покровской общины. Любезный доктор показал мне все палаты, аптеку и

сделал небольшую характеристику о деятельности больницы за последнее время. Мне ещё раньше приходилось слышать похвалы ей от паломников, серьёзно заболевших во время путешествия на пароходе из Одессы в Константинополь.

Здесьняя русская школа произвела не такое приятное впечатление, как больница. Мы пришли в неё в компании четырёх человек. Заведующий школою обошёл с нами несколько классов и предложил нам поэкзаменовать учеников. Большинство из них, кажется болгары. По-русски говорят неважно. Отвечают с трудом. Вызвали одного великовозрастного мальчика. Очевидно, он считается у них лучшим учеником. Но и этот лучший с трудом нам рассказал, при постоянных подсказываниях учителя, кто был Илия. Только и мог он из всех библейских рассказов об этом пророке кое-что передать, как он, был взят на небо, и как он оставил свою «шубу» пророку Елисею.

В одном классе мальчики пропели под фисгармонию известное трио Макарова: «Ангел вопияше благодатней»...

По последним сведениям школа имеет теперь другое помещение, средства её значительно увеличены, программа более приспособлена к местным требованиям. Всё это, конечно хорошо, и надо только радоваться этому и искренно желать успеха, особенно теперь, с развитием латинской пропаганды на Востоке. Ни в чём так не успевают католики среди православного населения, как своими школами, с хорошим преподаванием иностранных языков. С ними конкурировать трудно. Вообще, запад обольщает здесь константинопольскую публику своею культурою и образованностью, а стремление быть европейцем вызывает нежелательные явления даже среди русских интеллигентных людей, служащих в древней Византии. Мне пришлось столкнуться с одним господином, который по своему положению обязан любить простой русский народ, но на самом деле он научился только презирать его. Он не стыдился передавать мне, что старается избегать какой бы то ни было встречи с паломниками. И если он говорит о них, то всегда с нескрываемым омерзением. Конечно, при таких раде-

телях русского дела на Востоке нам не выдержать борьбы с инославною пропагандою.

ГЛАВА 43. Афон.

Защита православия. — Погоня за богатством. — Слабость иноческого жития в городах. — Греческие келиоты. — Духовное значение Афона. — Поборы греков и турок. — Избранники Божий — Рассказ странника. — Благоговение народа к Афону.

Хотя наши афонские монастыри в своё время оказали щедрые пожертвования на русскую школу в Константинополе, но, мне кажется, этого недостаточно. Афон должен теперь выступить на более активную защиту православия, как это он делал в более древние времена. Афон велик и славен своими подвижниками, и уже тем он служит великую службу, что они являются среди него. Но в наше время монастыри должны выпустить своих борцов по всему Востоку для поддержания православия путём учебно-воспитательной деятельности среди греков, арабов и славян

Турции. Ведь теперь монашествующие афонцы не ведут исключительно замкнутой жизни на своей Святой горе. Помимо помянутых мною раньше иноков с Афона в Палестине, мы их видим во множестве чуть ли не по всем большим городам России.

На возвратном пути из Иерусалима случайно я встретился с одним очень уважаемым афонским старцем. Он был свидетель старинной строгой жизни Афона, так трогательно описанной известным «Святогорцем», хорошо знает и современное состояние афонского монашества, и вот что он мне с грустью поведал об иноческом житии:

— С каждым годом аскетическая жизнь афонских монахов всё слабеет и слабеет... Сребролюбие нас заело. Прежде мы вполне довольствовались тем, что нам пришлют из России, теперь же мы высылаем целую армию для сбора пожертвований. В любом большом городе стоит лишь устроить подворье с церковью, как тотчас же потекут рекою деньги. Доходы большие, но какую ценою мы их приобретаем! Чтобы содержать подворье, на-

до иметь изрядный штат служащих, надо иметь сильных, молодых послушников, а главное — хор певчих. Вот тут-то и кроется зло. Молодой народ, живя в больших городах, не может оберечь себя от соблазнов. На него не действуют ни выговоры, ни наказания, ни даже угрозы прогнать его. Он легко находит место в другом монастыре или попробует свои силы на другом поприще. Если отошлешь его на Афон, он и там находит возможным вести слишком соблазнительную жизнь для монаха, а то ещё хуже — развратить и других, более скромных. И что удивительно! Присылали на подворье исправных, испытанных на Афоне монахов, но и они в городах скоро портились. Тяжёлое, безвыходное положение!..

Старец вздохнул и поник головою. Я ему вполне верил, потому, что он знал афонские дела, как непосредственно принимавший в них самое деятельное участие. Он рассказал мне про огромные пожертвования известного благотворителя-миллионера Сибирякова{8} и о его жизни на Афоне. Коснулись греков.

— Представьте себе, — сказал мне в ответ

старец на мои рассказы о святогробских монахах, — я о греческих келиотах более высокого мнения. Они, по-моему, больше монахи, чем даже мы, русские на Афоне. Нас, я говорю, обуяла золотая лихорадка. Они же довольствуются растущею около их келий маслиною и маленькими случайными пожертвованиями. Больших подаяний им неоткуда ждать. Они больше подходят к образу настоящего отшельника, чем мы, повторяю, занятые добычею денег.

Я был страшно поражён тогда этим сообщением. Афон всегда представлялся в моём воображении, как что-то особенное, исключительное среди монастырей всего мира. Туда идут люди, окончательно порвавшие все связи с мирскою жизнью. Это место непрестанной молитвы. Афон — это мост, соединяющий землю с небом, примиряющий людей с Богом. Моим духовным очам всегда рисовалась картина осенения Святой горы покровом Божией Матери{9}. Тут как бы двери рая, вход в Небесное царство и вдруг... мне говорят, афонцев потянуло в мир, к мамоне!

Случилось мне беседовать по этому вопро-

су ещё с другим афонским старцем. Тот не только не отрицал сообщений первого, но ещё прибавил кое-что от себя. Впрочем, этот оправдывал русских монахов тем, что они поневоле должны позаботиться о деньгах не для себя, а для греков, правящих всем Афонским полуостровом. В свою очередь греки жалуются на непомерные поборы турок. Как бы то ни было, но и те и другие посредством русских монастырей и келий на Афоне высасывают огромные суммы из России. Это обстоятельство, конечно, может оправдывать русских афонцев, но об утрате прежнего строгого иноческого жития надо пожалеть, потому что на первом плане стоит всё-таки высокое подвижничество монахов. На Афоне живут не все простолюдины. В настоящее время среди монашествующей братии есть много образованных людей. Меня очень радует, что афонские монастыри давно занимаются изданием духовно-нравственных книг по самым разнообразным вопросам. Я лично познакомился с одним интеллигентным афонцем, и вот что он мне сказал в оправдание современных монастырей:

— Как в земле, среди множества разнообразных металлов, сравнительно немного находим золота, так и среди многочисленной иночествующей братии очень мало встречается выдающихся подвижников. Взгляните на небо, и там вы мало замечаете особенно ярких звёзд. Таково положение вещей во всём мире. Слава Богу, если в каждом монастыре будет хоть по одному выдающемуся светильнику Божию. Вы того не забудьте, что в монастыре три степени иночества: послушники, монахи и схимники. Немногие достигают последней степени совершенства, большинство бьются на границах мирского жития, хотя и носят чёрное платье. И если бы весь монастырь работал исключительно ради этих немногих избранных «земных ангелов», то, право, он не заслуживает упрёка. Вы помните, что сказано про них в Писании: «ихже не бе достоин весь мир!» Апостол называет их «царским священством». В таком случае пусть монастырь будет дворцом для них, а мы все — их слугами. Право, не грех поработать для Божиих избранных, непредосудительно и дань собрать для монастыря со всех верую-

щих в угодников Божиих.

Этот же почтенный инок рассказал мне и про афонские порядки. Он не обвинял турок, которые не вмешиваются в дела монахов, довольствуясь определённою данью; но не мог удержаться, чтобы не упрекнуть греков, составляющих Протат — местное управление афонцев.

Обыкновенно русские паломники остаются в восторге от пребывания на Афоне и говорят о его долгих всенощных, об общей трапезе с иноками, о суровом их посте с каким-то сладким умилением. Но случилось мне встретиться с московским странником, который, посетив Афон зимою 1895 года, остался им, к моему удивлению, очень недоволен. Это проглядывало у него в каждой фразе.

— Первого декабря, — говорил он, — мы высадились на Афон. Гостиник монастыря принял меня недружелюбно. Должно быть, ему не приглянулась моя худая одежда. Когда мы вдвоём обходили монастыри, к нам в пустынном месте подошли три грека-сиромаха {10}. И такие ребята хватливые — молодец к молодцу! Они стали приставать к нам и про-

сили денег. Но мой товарищ дал им хороший отпор, и они отстали. Когда я вернулся в русский монастырь, гостиник опять принял меня не по-братски, с большим нерадением. Вскоре он стал мне замечать, что я долго живу в их монастыре, и пора бы мне приискать себе место на Афоне...

И весь рассказ странника был в таком тоне. Но это, повторяю, исключительный пример. Большинство отзываются об Афоне с благоговением. А уж про женщин и говорить нечего! Афон для них «Святое святых», куда они и ступить не смеют.

ГЛАВА 44. Паломничество простого народа.

Впечатление народа от путешествия. — Рассказ поэта-крестьянина. — Стремление к паломничеству. — Ношение вериг. — Бегство из дому. — Труды странничества. — Проживание в Палестине. — Бегство от турок. — Палубные разговоры. — Значение паломничества для простого народа.

С отъездом на Афон небольшой части паломников, как будто стало попросторнее на палубе. Может быть, сама публика умялась и оставила узкие коридорчики для проходящих. Я воспользовался возможностью походить между паломниками и обошёл все трюмы. Мне хотелось узнать, какое, в общем, впечатление оставило путешествие в Иерусалим на наш простой народ.

Однажды случилось мне увидеть, как вы-

сокий, молодой странник, с бойкими глазами на рябоватом лице, склонился над книжкой и что-то внимательно записывал. Я полюбопытствовал, не дневник ли он пишет так усердно.

— Стишонки кропаю, — бойко ответил мне крестьянин и протянул свою книжку, наполовину написанную полууставом, с красивыми заставцами и красными начальными буквами. Стихи, правду сказать, далеко не соответствовали тому старанию, с которым они были написаны. Они хромали и размером и рифмою. Поэт был крестьянин приволжской губернии. Благочестивое желание посетить святые места заставило его покинуть свою семью и с небольшими средствами отправиться в Палестину.

Много я причинил скорби и озлобления моей семье своим отъездом, — так начал он, по моей просьбе, рассказывать мне о паломничестве в Палестину. — Давно, с малых лет, я собирался посетить святые места. От чтения житий святых и от рассказов странников душой волновался и стремился к какой-то тайной непостижимости. Раз даже вышла боль-

шая смехота, о которой совестно и рассказывать. Захотелось мне попробовать, как трудились святые, и сделал я себе железы{11} и запер их на себе накрепко. Но в мирских обязанностях они оказались для меня весьма несносными: мешали работать. Тогда я решил, что в мире нельзя спастись, и меня ещё более потянуло в монастырь. Родители обо мне много плакали и убедительно отговаривали меня от посещения святых мест! они боялись, что я навсегда останусь в монастыре. Наконец, я дошёл до крайнего изнеможения и решил убежать тайно. Припас я с вечера всё, что нужно в пути, тихонько ночью вынес шубу в сарай и стал ждать утрени. Когда ударили в колокол, я тайком шмыгнул из дому и отправился в путь... Но не тут-то было! Отец догнал меня и воротил. Вскоре женили. Прошёл год, другой, и я опять запросился ко святым местам. Не пускают. Жена и слышать не хочет! Что тут делать? Решил опять тайком бежать из дому. Но верно судьбы ещё не было идти. Хотя я и прошёл сотни полторы вёрст, но всю дорогу мучился, как я бросил своих родных и жену с малыми детьми... Вернулся

опять домой. В скором времени помер отец. На моих плечах остались мать, сестра и жена с двумя малютками. По времени я опять за-просился у родных идти к святым местам. Мать моя мало-помалу стала умягчаться сердцем, и жена стала соглашаться, но тут восста-ли односельчане. Много я пролил слёз от них, от их укоров и брани. Ругали меня в глаза, как только может вместить язык, злобою испол-ненный. «... Куда ты идёшь? — говорили они. — Молись дома! Грех тебе оставлять мать и жену с детьми!» Но с Божьей помощью я всё перетерпел и, посоветовавшись с дру-зьями, стал собираться в дорогу. Отслужил молебен всем святым, принял напутственное благословение от священника, выправил би-лет в волости, взял кожаную сумку, сухарей, падог (посох), всё, как следует, и простился с родными... А уж прощание-то какое было, я и рассказать не могу! Лучше я вам найду стихо-творение, где всё это написано.

И он открыл мне страницы, где было напи-сано двадцать четверостиший.

— Куда же вы пошли? — спрашиваю его.

— Сперва в Киев, потом на Афон, а оттуда к

Гробу Господню.

— Трудно было странствовать?

— Ой, как трудно-то! Сначала, то снег лепил хлопьями, то бушевала сильная вьюга, то снежные заносы утомляли в конец мои ноги. Потом пошла распутица, грязища по дорогам... Великим постом во время разлива особенно трудно странствовать. Местами вода до колена. Холодная как лёд! Сколько я намучился! Ноги страшно устают. Едва бредёшь. А дорогою идёшь да всё думаешь: как-то примут, дадут ли переночевать, накормят ли? Подходишь к деревне, — сердце смущается. Уж так смиряешь себя, так смиряешь... Попервоначалу тяжело было протягивать руку Христа ради. Того и гляди, что обругают: «Праздный бродяга! дармоед! тебе, бездельник, лень работать!» Благо, если попадётся хозяин, который сам был странником. Всего натерпелся: и голоду, и холоду! Главное — весь мокрый. Надо посушиться около печки, а тебя ведут в нетопленную избу. Много раз доводилось ночевать в холодных хатах в мокрой одежде. А на завтра опять тоже. Тяжело! А сколько укоризн и разных скорбей дорогою

от лихих людей. Всего бывало! У хохлов очень одолевали собаки. Большие, злющие, — не знаешь, как и обороняться. В каждом доме держат по две по три собаки. Без палки и не ходи: не то свалят с ног, не то укусят. Иной странник сторяча пустит палкой в собаку, — и только хуже: мигом облепят со всех сторон! Нет, уж палки не выпускай из рук. Пусть собаки за неё хватают, а сам держись покрепче. Вот не хотите ли прочитать стихотворение о странничестве?

И он опять мне преподнёс книгу с сорока четверостишиями.

— Как же вы доехали до Иерусалима?

— Бог помог! Нашлись хорошие люди, которые не оставили меня в моём странствии. Около сорока рублей истратил я на дорогу до Иерусалима. Деньги все вышли. Стал переколачиваться кое-как на письмах. Что выпишу на письмах, на то и куплю хлеба. Так вот и переколачивался все дни в Иерусалиме. Чужая сторона слёз не понимает, и я написал домой, что дело заехано, а средств нет. Прислали немного. Теперь хватит мне на первое время.

— Ну, а как вы путешествовали по Святой

земле? Как ладили с арабами да с греками?

— Всюду побывал! Ходил и в караванах, и отдельно. Среди поста отправились мы в Назарет и на Фавор. Не очень приятный был путь. Много было у нас смятений от турецких угроз. Стращали нас и бедуины-мусульмане. Но Бог миловал: остались живы и целы. Раз пошли мы самостоятельно, двадцать два человека, к колодцу Самарянки. Нас окружили турки и стали требовать в роде подати за проход чрез их город Наблус. С женатых брали меньше. Тогда, чтобы поменьше платить им, мы все себя выдали женатыми. Все паломницы, и старые и молодые, разошлись по паломникам, как бы жёны их. И смех, и горе! Тогда-то, впрочем, не до смеху было. Мы так были напуганы турками, что решились убежать ночью. Перелезли через каменную ограду и страха ради мусульманского бросились сколько было сил по незнакомой дороге. Темно. Постоянно сбивались с пути. А сами дрожим от страха: вот, вот нагонят! Большую тугу испытали мы в ту ночь! Только на утро, когда мы могли рассмотреть окружающую местность, немного успокоились. Шутка ли: бежа-

ли, мне кажется, вёрст тридцать!

Теперь крестьянин-поэт хочет изложить все свои впечатления в стихах. Я попробовал исправить несколько четверостиший и отказался: слишком много ошибок против правил стихосложения.

Когда я с ним прощался, он низко кланялся и приговаривал:

— Покорно благодарим за ваше неоставление!

Во второй палубе я наткнулся на кучку мужчин, среди которых ораторствовал счетовод из С. — Петербурга о своих, как он выражался, мытарствах по канцеляриям, чтобы получить заграничный паспорт.

Послушал и крестьянок-хохлушек об их хозяйстве. Близость России с каждым днём чувствовалась и в разговорах паломников. Спросил я и паломниц:

— Хорошо ли съездили в Иерусалим?

— Слава Богу! Уж так хорошо, так хорошо, что и сказать нельзя! И всё-то, всё-то мы видели! Одно только упустили: сейчас сказывали, что есть такая гора, Кармил называется, где Илья пророк у Бога дождя просил. И будто

сделана там статуя Ильи. Вот уж этого не видели, так не видели. Не бывали там. Искали ещё где Николай угодник жил, но это, говорят, далеко от Иерусалима и совсем в другой стороне. И всего-то мы закупили: одного регалного масла{12} везём две бутылки...

Вообще в простом народе царит хорошее настроение от путешествия в Иерусалим. И мне кажется, надо всеми средствами поощрять такие прогулки за границу, имеющие, помимо религиозного, общеобразовательное значение. Никакая школа так хорошо и скоро не научит человека, как путешествие среди других народов. Хорошо сказано древним мудрецом: «Кто не имел опытов, тот мало знает; а кто странствовал, тот умножил знание» (Иис. Сирах. 34.10). Очень важно для развития своей культуры сравнить её с другою. Посмотрите, как поучительны для русского человека примеры из турецкой или арабской жизни.

Один паломник всю дорогу всем рассказывал, как поразил его проезжающий на осле феллах близ какого-то самарийского селения. Был вечер. Наступило время молитвы для магометан. Проезжающий феллах останавлива-

ет осла, достаёт что-то в роде ковра и рассти-
ляет его у забора. Затем, отвернувшись от лю-
дей, он стал на коленях молиться. Кончил мо-
литься, — опять сел на осла и поехал дальше.

— Вот это я понимаю! — с пафосом воскли-
цал случайный свидетель мусульманского
правила. — Где бы ни был: пришло время, —
становись на молитву и кланяйся, не обра-
щая внимания на народ.

Но и отрицательные стороны, подмечен-
ные в других народах, имеют своё значение:
они подбадривают русского человека, что у
него не только не хуже, но кое-что и лучше,
чем у других.

ГЛАВА 45. Возвращение в Россию.

Отъезд из Константинополя. — Красота Босфора. — Куда ехать отдыхать? — Выгода путешествия на Восток. — Ожидание России. — Приход в Одессу. — Таможенный осмотр. — Возвращение в С. — Петербург. — Заключение.

На второй день утром мы оставили Царьград и тихо вышли из Золотого Рога. На этот раз берега Босфора не были закрыты туманом, и мы могли полюбоваться красивыми дворцами султана и дачами константинопольских богачей. Около меня стояли дамы, много путешествовавшие за границей. Они громко восхищались стилем построек, находили удивительную гармонию в деталях дворца, но я больше восторгался общей картиной пролива, оглядывая уходившие вдаль оба его берега. Очень красивы по европей-

ской стороне сгущенные деревушки среди тёмной зелени.

— Я удивляюсь, — обращается ко мне отставной морской офицер, — зачем петербургские жители ездят в Берлин, в Вену, в Париж. Вот куда надо путешествовать — на Восток! Тут всё ново для европейца: народ, их обычаи, языки. Совершенно иная культура. А климат? а природа? Вы только взгляните: где вы увидите такую прелесть?

— Положим, — отвечаю ему, — у петербургского жителя есть свои основания ехать к французам или к немцам, раз он к ним едет: кто отдохнуть, кто изучать на практике иностранные языки, кто знакомиться с жизнью передовых народов. Я уже не говорю о тех, кто отправляется за границу по каким либо делам.

— Я о них сам не говорю. Моя речь о путешествующем барине, который хочет отдохнуть от городской сутолоки. И что же он делает? Попадает в ещё более несносную сутолоку Парижа или Лондона. И что за интерес? Та же европейская толпа на улицах, что у нас на Невском проспекте, те же городские впечат-

ления, такое же кольцо дымящих фабрик и заводов вокруг города, а, следовательно, такое же заражение воздуха, как в Петербурге, да ещё, пожалуй, и хуже, потому, что у нас хоть с западной стороны громадный приток чистого морского воздуха. По-моему, если уж отдыхать, то лучше всего на лоно природы, подальше от всякого намёка на город; а если путешествовать, то опять-таки подальше от Европы, от однообразного платья, от однообразной серенькой природы.

— Значит, в Азию надо ехать?

— Да, в Азию. Недаром англичане так облюбовали Восток для своих путешествий.

— Но ведь для такой поездки надо время и деньги. Не всякий чиновник располагает даже двухмесячным отпуском.

— Чего же вам лучше, как ваше собственное путешествие в Сирию, Египет, Грецию! Вы в Петербурге будете через неделю, значит, на объезд всех этих стран вам надо было всего четыре недели, да столько же вы провели в Палестине. Итого меньше двух месяцев! И сообразите, вы за двести рублей во втором классе, причём на пароходе с продовольствием,

делаете туда и обратно около десяти тысяч вёрст! Ведь это такое расстояние, которое переносит вас или на край Старого Света, во Владивосток, или на берег Нового — в Америку!

Моряк долго ещё мне рассказывал о выгодах путешествия на Восток и немного мешал отдать должное внимание красотам Константинопольского пролива.

С выходом из Босфора, как будто, мы расстались с теплом юга: чувствовался северный холодок на палубе. Среди дня пошёл мелкий дождь, и берега затянулись серой пеленой. Одно утешало паломников: качки не было. Сегодня у всех пассажиров отобрали заграничные паспорта, чтобы завтра их передать жандармам.

И следующий день подарил нас полною тишиною на море. С утра все усердно занимаются укладкою и увязкою вещей. Все в нетерпеливом ожидании скорей увидеть российские берега.

В два часа пополудни мы входили в гавань Одессы.

Собственно, паломничество давно кончи-

лось, потому что духовного пения ни на верхней палубе, ни в трюме не слышно. Все паломники озабочены теперь, как бы не растерять своих вещей, благополучно пройти таможеню и доехать до одного из афонских подворий.

Как только пароход причалил, тотчас же появились жандармы. Пересмотрев паспорта, они нам вернули их и разрешили выходить на пристань. Осмотр багажа в таможене был чересчур усердный и потому крайне неприятный. У офицера, ехавшего из Трансваля, отобрали две-три английских книги и тем причинили ему немало хлопот, чтобы выручить их из цензуры.

Большинство паломников отправилось опять к афонским монахам. Весь двор подворья загромождали сундуками и мешками. Тут же, под открытым небом, делалась и перекладка вещей, причём продавались желающим иерусалимские образки и крестики.

Через четыре дня, 26-го апреля, я въезжал в Петербург. Шёл хлопьями мокрый снег, а я был в соломенной шляпе.

— Видно, что из Палестины едете? — заме-

чают мне встречающиеся знакомые.

— Я уже пережил весну,— отвечаю им,— испытал и жаркое лето, а у вас всё ещё снега и холод!

Этот контраст двух климатов особенную цену придаёт поездке на юг в марте месяце. Но, помимо всех внешних условий путешествия, для верующего паломника чрезвычайно дорого сознание, что и он, был в Иерусалиме, про который сказано было ещё древним: обращайтесь к месту, какое изберёт Господь, Бог ваш, и туда приходите. Ведь Господь обещался, что там, где Он положит память имени Своего, Он «придёт к нам и благословит нас». Вот это-то благословение Сиона и чаёт получить каждый христианский паломник.

Прежде путешествие в Палестину связано было с массою неприятностей и даже с риском для жизни. А теперь это — не больше, ни меньше, как удобная и приятная прогулка, доступная для всех возрастов. Я видел с паломниками и маленьких детей и почтенных стариков более семидесяти лет.

За два месяца путешествия воспринимается масса впечатлений, неизгладимых на всю

жизнь. Редкий из грамотных паломников не запишет для памяти своего обозрения святынь. Говорят, верующему человеку никогда не скучно слушать или читать про те места, где жил и страдал Спаситель мира. Вот почему и появляется в печати так много воспоминаний о Палестине, об Иерусалиме, о храме Гроба Господня. В самом деле, есть ли на земле более центральная точка для истории всех веков, чем-то святое место, где воплотившийся Бог умер и воскрес?! Ведь здесь сосредоточена вся тайна бытия нашего и здесь же предел всякой человеческой мысли. За Иерусалимом находятся непостижимые для нас верх и низ, рай и ад, т. е. то, что вне наших чувств и понятий. Иерусалим — это есть граница земного и небесного. Здесь сильнее чувствуется близость Божия. На Сионе избранное место для имени Бога до конца веков.

«Обращайтесь к нему и идите туда!» — повторю и я с глубоким убеждением этот призыв Божий.

Благословен Господь от Сиона, живой во Иерусалиме!

К 1-му мая 1900 г. В настоящее время общество насчитывает 87 русских школ, которые 1-го марта 1902 г. турецким правительством признаны законно существующими.

[^^^]

2

Среди арабских священников до сих пор встречаются малограмотные.

[^^^]

3

(Kawwàs, Kavas, Chawas) — мусульманские почётные стражи, облечённые низшей полицейскою властью, которые в Турции приставляются к дипломатическим агентам всех рангов, а равно к высшим турецким сановникам.

[^^^]

4

Драгоман (франц. dragoman, от араб. тарджуман — переводчик), переводчик при дипломатических представительствах и консульствах стран Востока.

[^^^]

5

Один из героев последней войны с китайцами.

[^^^]

6

Они были напечатаны в одном из русских журналов.

[^^^]

7

Суеслов (греч. спермологос, означающее «подбирающий семена»).

[^^^]

Схимонах Иннокентий, в мире Иннокентий Михайлович Сибиряков, 9-го ноября 1901 г., скончался на Афоне, в Андреевском монастыре.

[^^^]

Афон издревле считается «уделом Божий Матери»

[^^^]

10

Бедные странствующие монахи на Афоне.

[^^^]

Вериги.

[^^^]

Пахучее масло, употребляемое нашими крестьянами, как лекарственное средство.

[^^^]